

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК (ФГБУН ИФ РАН)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
(ФГБУН ВОЛНЦ РАН)

I ЛАПИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции с
международным участием
I Лапинские чтения
(г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.)*

Вологда
2023

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова – д.э.н., директор ФГБУН ВолНЦ РАН

О.Н. Калачикова – к.э.н., зам. директора, зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

М.А. Груздева – к.э.н., зам. зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

О.В. Третьякова – к.филол.н., зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

К65 **Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях:** материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием I Лапинские чтения (г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.) / Отделение общественных наук РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, Институт философии Российской академии наук. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2023. – 253 с. : табл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-93299-573-0

В сборнике представлены статьи XVII научно-практической конференции по межрегиональной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» была посвящена памяти бессменного научного руководителя программы, руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондента РАН, доктора философских наук Николая Ивановича Лапина. Ее цель состояла в том, чтобы рассмотреть проблемы консолидации населения в общероссийском и региональном контексте в новой ситуации международных санкций и изменений геополитических реалий, в которые включена современная Россия.

Конференция состоялась 21–22 ноября 2022 года в Москве в Институте философии РАН. Приняли участие не только участники программы, но исследователи из институтов РАН и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья, философы, социологи, экономисты, демографы, юристы. Обсуждение вопросов конференции проходило в рамках 2 пленарных сессий: «Обращение к научному наследию Н.И. Лапина», «Потенциал консолидации в современной России» и 5 тематических секций: «Цивилизационные вызовы для России в новых социально-политических обстоятельствах», «Социокультурное развитие регионов России», «Идентичность в контексте консолидации российского общества», «Молодежь в условиях современных вызовов», «Демографические аспекты социального развития регионов России».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, учащихся и преподавателей высшей школы, государственных и муниципальных служащих, ответственных за развитие регионов и местных сообществ, а также всем интересующихся судьбами России и ее регионов сегодня и в ближайшем будущем.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции.

УДК 316.4
ББК 60.524

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Гусейнов А.А.	7
Черныш М.Ф.	8
Ильин В.А.	10

ПЕРВАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ.

Обращаясь к научному наследию Н.И. Лапина

Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Социологическая школа под руководством Н.И. Лапина и В.А. Ядова «Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление»	18
Юсупов М.М. Методология и метод изучения ценностей в исследованиях Н.И. Лапина	22
Подольский В.А. Вклад Н.И. Лапина в исследование вопроса доверия к институтам	26

ВТОРАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Потенциал консолидации в современной России

Гранин Ю.Д. Эволюция российского федерализма в новых геополитических реалиях	30
Когай Е.А. Практики гражданского участия жителей Центрального Черноземья	34
Ромашкина Г.Ф. Центр – периферия в восприятии сельских жителей	38

СЕКЦИЯ № 1. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Артеменков А.А. Философия наивысшего сознательного и феноменология обмана в российском обществе	43
Беляева Л.А. Цивилизационная и модернизационная гетерогенность России: исторические закономерности или результат торможения развития страны?	47
Веряскина В.П. Вызовы цивилизационного развития России в XXI веке: прогнозы, тенденции и образ будущего	52
Канарш Г.Ю. Социальное государство: зарубежный опыт и трудности реализации в России	58
Ракова К.В. Исследовательский потенциал метода когнитивного картирования в социальных науках	63
Резник Ю.М. Отечественная философия в поисках ответов на цивилизационные вызовы России	68

Сиземская И.О. О цивилизационных смыслах современного этапа модернизации	74
Яковлева М.Н. Проблемы культурно-цивилизационной идентичности России в условиях глобализации	78
СЕКЦИЯ № 2. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ	
Богданов В.С., Почестнев А.А. Институционально-регулятивная среда как условие социокультурной модернизации регионов	83
Винокуров А.И. Становление индустрии цифровой экономики и культуры в Смоленской области	88
Коленникова О.А. Цифровизация здравоохранения: компетенции медицинских специалистов в области информационно-коммуникационных технологий	91
Кох И.А. Цифровизация социальной инфраструктуры малых городов Урала в стратегии устойчивого развития региона	95
Лавренюк-Исаева Н.М. Социоконструктивный активизм в нецентральных районах городов России	99
Морозова Л.Р. Устойчивое развитие России в контексте глобальной трансформации	106
Морошкина М.В. Центральные и периферийные регионы СЗФО	109
Мосин В.И. Усиление внимания в регионе к рейтингу наиболее трудолюбивых туляков	114
Муханова М.Н. Тенденции социально-структурных процессов в регионах российского села в современных условиях	117
Пасовец Ю.М. Социально-экономическая уязвимость развития российских регионов в современных условиях	120
Печеркина И.Ф., Худякова М.В. Социальные аспекты продовольственной безопасности	124
Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Социальное проектирование как технология преодоления социокультурных рисков муниципальных образований	127
Розанова Л.И., Ромашкина Ю.В. Влияние инвестиций на социальную устойчивость в регионе	131
Силин А.Н. Человеческий капитал арктического фронта России: социологическое измерение ситуации в условиях нестабильности	135
Хисматуллин С.А. Современные социокультурные реалии России: философский анализ	140
Хузяхметов Р.Р. Барьеры развития человеческого капитала: опыт качественного исследования	143

СЕКЦИЯ № 3. ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Барышная Н.А. Территориальная идентичность как ресурс этносоциальной мобилизации в регионах России	148
Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общероссийская гражданская, региональная и этническая идентичность населения Чувашии	153
Валиахметов Р.М. Социокультурное «ядро» формирования и проявления идентичностей в полиэтничестве	157
Дзугаев К.Г. Республика Южная Осетия: альтернативная идентичность?	162
Журавлева А.А. Солидарность бизнес-сообщества в цифровом мире	165
Ключников С.А. Теоретические основы рассмотрения консолидации общества	168
Латова Н.В., Латов Ю.В. Модернизация ментально-культурных ценностей россиян и урбанизация: перевернутая u-образная зависимость	171
Мокин К.С. Территориальная идентичность: формы и механизмы [ре]конфигурации (сравнительный анализ Саратовской области и Республики Кабардино-Балкария)	174
Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как основа солидарности	180
Сулима И.И. Пути формирования языкового единства: методология отношения к языку	183
Туркова В.Н. Роль коррупции в деконсолидации общества	186

СЕКЦИЯ № 4. МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Андрианова Е.В., Худякова М.В. «Образ будущего» в восприятии сельской молодежи: возможность консолидации	191
Давыдова Ю.А., Соколов А.Д., Пискарев Д.И. Образ Родины в представлении студентов	194
Дергунова Н.В. Возрастные изменения партийно-идеологических предпочтений различных групп молодежи (на примере Ульяновской области)	197
Гайфуллин А.Ю. Представления об успешности школьников старших классов: социологический анализ	200
Каргаполова Е.В., Матрешина Д.Н., Чубарова А.Д. Здоровьесберегающие практики студенческой молодежи: корреляты дифференциации	204
Кусова Л.Н., Шилина С.А. Информационное общество и молодежь: проблемы и особенности социальной адаптации	208
Рубан Л.С. Исследование национальной и гражданской идентичности учащихся в рамках лонгитюда трех поколений российской молодежи	213
Тарасов В.Т. Элементы исторического сознания у молодежи России и студентов вузов Чувашии	217

Шайхисламов Р.Б. Общенациональные цели как ресурсы российской идентичности молодежи	222
СЕКЦИЯ № 5. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	
Власова Н.В. Проблемы региональной идентичности современной молодежи: исследование миграционных установок	227
Галкина Е.П., Климович Л.В. Динамика миграции детей и молодежи в Российской Федерации	232
Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Миграционные намерения молодежи в условиях нестабильности: региональный аспект	236
Рахмонов А.Х. Турция как новое направление трудовой миграции из Таджикистана на фоне экономического кризиса в России	240
Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Междисциплинарная концепция человеческого капитала	244
Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Современные вызовы демографического развития России	248

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

А.А Гусейнов, д-р филос. наук, академик РАН, врио директора Института философии РАН

Разрешите от имени Института философии Российской академии наук приветствовать вас и начать «Лапинские чтения».

Николай Иванович Лапин многократно заслуживает этого как ученый, как гражданин. Он до последних дней жизни обладал удивительной работоспособностью и удивительным креативным началом. Приветствуя сам факт, что вы начинаете посвященные ему чтения, я бы хотел особенно поприветствовать и подчеркнуть, что вы соединяете эти чтения с очередной конференцией того проекта, который задумал и которым занимался последние 20 лет Николай Иванович Лапин. Может быть, это самая достойная форма чествовать ученого, а именно продолжить его дело. Причем это очень важно, потому что начало, которое он положил, сам этот проект ценны не только собственными результатами, но и как определенное направление нашей научной работы.

Мы много говорим о междисциплинарности во взаимодействии разных дисциплин, но как конкретно осуществлять эту междисциплинарность мы часто не знаем. Николай Иванович Лапин своим проектом показал конкретный синтез, конкретное единство социологии и философии. Может быть, как раз в этом и обнаруживается дополнительная ценность этого проекта, который получит продолжение и в каких-то других инициативах. Это единство двух подходов (именно социологического и философского) особенно обнаружилось тогда, когда ученый присоединил проект социокультурного анализа развития российских регионов к российскому проекту цивилизационного развития и тем самым вдохнул в него новую жизнь, новые подходы. Этот проект сегодня получает обобщающее название «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях», что является не только заявкой, пожеланием, но и обобщением больших результатов, которых вы добились за последние почти 20 лет совместной работы. Мне кажется, трудно найти какую-то другую формулировку кроме «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях», которая была бы столь точной по своей актуальности, по важности и в то же время соответствовала теоретическому содержанию. Как добиться этой консолидации? И не только на уровне общих принципов, а в конкретном опыте развития России и, в частности, его различных и многообразных регионов. Как раз Николай Иванович разработал свою методологию, которую он последние годы называл «Антропосоциокультурный эволюционизм развития».

Я хочу пожелать успехов вашей конференции, чтобы уход Николая Ивановича, который концентрировал в своих руках этот проект, ни в коей мере не ослабил ваши усилия и, напротив, вы нашли новые силы, новые подходы. Это будет самым достойным чествованием такого выдающегося человека, как Николай Иванович Лапин.

М.Ф. Черныш, д-р социол. наук, член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра

Уважаемые коллеги, для меня большая честь выступить на конференции Николая Ивановича Лапина!

Я знал его лично, мы общались в формальной и неформальной обстановке, и, думая о том, как относиться к выступлению на конференции, я вспоминал его. Николай Иванович был беспокойным в научном плане человеком, он всегда занимался поиском нового, всегда старался продвигать общественную науку, и именно в этом продвижении он соединял разные дисциплины: философию и социологию. Не знаю, кем он был больше: социологом или философом, наверное, последовательно в начале философом, затем, как многие философы, социологом. На меня в моей ранней социологической биографии он произвел серьезное впечатление своей книгой «Молодой Маркс». Мы, молодые ученые, ею зачитывались, она формировала нашу точку зрения на то, что можно считать глубинным Марксом, раскрывала базовую логику его теоретической мысли. Это то, что осталось с нами, и то, что предопределило наше уважительное отношение к Марксу и его наследию. Дело в том, что у Николая Ивановича Маркс представал совсем иным исследованием и ученым, чем в стандартной советской репрезентации, ведь в советское время Маркс начинался манифестом коммунистической партии, а тут вдруг выяснилось, что есть и другие работы Маркса, в которых он представал несколько иным, чем в более позднем периоде его научных изысканий. И Николай Иванович умело связал эти два периода его биографии и сделал это блестяще, описав эволюцию Маркса через понятие практики – революционной практики, через преобразовательную практику и ее возможности. Одним словом, эта книга для нас, молодых социологов, была очень важна.

Но Николай Иванович никогда не стоял на месте, он стремился определять и переопределять природу изучаемых явлений. Именно этим можно объяснить, что он занялся изучением ценностей российского общества, в котором мы живем. Мы знаем те книги, в которых представлены результаты его исследований. Николай Иванович пришел к выводу, что Россию надо показать в региональном разрезе. Россия – это страна регионов. Но до сих пор многие из нас не могут осознать эту истину, а Николай Иванович доказал, что Россия – страна регионов, проведя мощное комплексное исследование, в котором участвовало большинство российских регионов по одной методике. Это дало ученым возможность получить полноценный формат регионов России, определить то общее, что объединяет их, общие тенденции эволюции. Во-вторых, очень важно, что в центре внимания находилась социальная ситуация в каждом отдельном регионе, люди получали возможность сравнить тенденции развития с другими регионами, понять, как живут люди не только в Москве или крупных городах, но и на всем пространстве страны.

Наконец, мне кажется важным то, что этот проект позволил объединить социологов России в общем деле, обрести основу, с помощью которой они смогли бы работать вместе, и не случайно в числе участников конференции социологи и философы из многих регионов России – это и есть эхо того большого проекта, отражение того пристального внимания, с которым Николай Иванович и его команда относились к регионам России, как глубоко и интересно они работали с регионами. Будем надеяться, что этот проект будет продолжен, он очень важен для России, которая остается страной регионов.

Николай Иванович внес огромный вклад в теоретизирование по поводу современного состояния и модернизации России. Этот проект он затевал в сотрудничестве с китайскими коллегами, видя новые перспективы и перемены, происходящие в нашей стране, которая за последние 30 лет совершила переход от застойного состояния к динамике. Причем не только в экономическом, но и в социальном плане. Сравнение с Китаем дало нетривиальные результаты, что Россия и Китай отличаются друг от друга, но мы увидели и то, что Россия на момент исследований находилась с точки зрения тех показателей, которые были заложены в исследовании, на более высоком уровне, чем Китай и его регионы.

Николая Ивановича всегда интересовали подлинные и глубинные смыслы российской жизни, по-моему, это очень важно. Его интересовала проблема российской, русской цивилизации в целом, то, как она развивается, куда идет. Все сюжеты, которых он касался, все его начинания должны иметь продолжение в работах современных действующих социологов, в их социологических и философских трудах. Должно быть движение, потому что в этом есть своя основа, свой фундамент, на основе которого мы с вами можем изучать, как меняется общество. В программе конференции участвуют крупные специалисты, ученые, представляющие разные дисциплины, и мне хотелось бы от всей души пожелать им успешной работы, плодотворных результатов, помогающих всем понять, что такое российское общество в один из самых трудных периодов его развития.

Ильин В.А., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

Добрый день, уважаемые коллеги! Разрешите поприветствовать вас на 17-й Всероссийской научно-практической конференции «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях». Вполне закономерно, что с этого года она обрела имя своего идейного вдохновителя и идеолога – Николая Ивановича Лапина – «Лапинские чтения».

В своем приветственном слове, предваряющем нашу большую работу и, я уверен, плодотворную дискуссию, хотелось бы остановиться на общем фоне. Сегодняшняя ситуация в мире и нашей стране во многом была ожидаемой и предсказуемой. Под словом «сегодняшняя» я имею в виду период, который начался после объявления Президентом РФ В.В. Путиным о начале проведения специальной военной операции (24 февраля 2022 г.). Эта дата стала поворотной в истории нашей страны и всего мира; «рубикон», как ее оценили многие эксперты.

Назревающий в мире цивилизационный, культурный кризис, необходимость духовного самоопределения, запрет на идеологию в Конституции России, а по факту господство либерально-демократической парадигмы на протяжении последних 30 лет и, как следствие, снижение морально-нравственных ориентиров и уровня духовно-нравственных ценностей общества – сегодня все это становится предметом широкого обсуждения в экспертных кругах. Напряженная внешнеполитическая ситуация, которую мы наблюдаем сегодня, связана с очередным глубоким кризисом капиталистической парадигмы развития, который назревал уже не одно десятилетие и по оценкам многих экспертов был предсказуем и неизбежен.

Не случайно многие авторитетные ученые уже давно говорят о том, что «капитализм – это система, а все системы имеют свой срок жизни, они не вечны, и вопрос, который теперь стоит перед миром, не в том, как правительства могут реформировать капиталистическую систему, а в том, что придет ей на смену»¹. «Нынешний кризис можно четко отсчитывать от 1989–1991 годов... знаменует кризис и конец капитализма как системы»². При этом специальная военная операция является «последним и решающим аккордом в процессе перехода от однополярного мира к многополярному»³.

В этих условиях крайне важно то, как ведет себя объект наших с вами исследований; как ведет себя российское общество. Данные российских исследований и наших социологических опросов показывают, что общество реагирует на сложившуюся ситуацию усилением консолидации вокруг национального лидера, государства, национальных интересов и одновременно всплеском патриотического самосознания и гражданской активности.

Примером и доказательством этого являются данные мониторинга общественного мнения, который мы ведем в Вологодской области более 25 лет, опрашивая по 1,5 тыс. чел. 6 раз в год. Вот, например, данные российских и региональных исследований, которые говорят о том, что в октябре 2022 г. около 70% россиян считали, что наша страна «это особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» (рис. 1).

¹ Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн [и др.]. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

² Фурсов А.И. Кризис в третьей степени. Такого еще не было. 03.05.2022. URL: <http://geoclub.info/krizis-v-tretej-stepeni-takogo-eshhho-ne-bylo-andrej-fursov>

³ Дугин А.Г. Государство-Цивилизация. Континент-Россия и многополярный мир // Завтра. 31.05.2022.

Рис. 1. Установки россиян и жителей Вологодской области на западную или особую российскую цивилизационную модель, % от числа опрошенных

Источники: Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики): информационно-аналитический доклад Института социологии ФНИСЦ РАН. Москва, 2022 (опрос был проведен в марте 2022 г.); Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (опрос был проведен в октябре 2022 г.).

Наши исследования показывают также, что за последние 20 лет фактически в 2 раза увеличилась доля людей, считающих, что объединяющей идеей должны быть «возрождение России как великой державы» (с 23 до 52%); «возвращение к социалистическим идеалам и ценностям» (с 6 до 20%); «объединение славянских народов» (с 5 до 18%), «противостояние Западу» (с 3 до 12%) и т.д. (табл. 1).

При этом важно подчеркнуть, что значительно уменьшилась доля людей, которые не имеют четких представлений о том, какая идея могла бы объединить российское общество: с 2002 по 2022 г. их удельный вес снизился на 10 п.п. (с 32 до 21%).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какая идея, на Ваш взгляд, способна объединить наше общество?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Июнь 2002 г.	Окт. 2022 г.	Изменение (+/-), окт. 2022 г. к июню 2002 г.
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	22,6	51,9	+29
Идея укрепления России как правового государства	22,1	38,5	+16
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	7,8	25,9	+18
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	6,6	20,1	+14
Идея объединения всех славянских народов	5,0	18,2	+13
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	3,2	12,1	+9
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	3,9	9,0	+5
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	2,3	6,7	+4
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	3,9	3,0	-1
Идея очищения общества через православную веру	4,1	2,7	-1
Другая идея	0,2	3,2	+3
Затрудняюсь ответить	31,9	20,5	-11

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

На рис. 2–3 представлены данные ВЦИОМ (в целом по стране) и данные ВолНЦ РАН (по Вологодской области) ежемесячно, за 2020, 2021 и 2022 гг. Как показывают результаты опросов, с момента начала спецоперации поддержка главы государства (и по стране, и по данным региональных исследований) резко пошла вверх. К примеру, в «ковидные» 2020–2021 гг. ничего подобного не наблюдалось, хотя ковид внес немало изменений в нашу повседневную жизнь и еще больше страхов за жизнь свою и своих близких. Или, другими словами, люди чувствуют разницу между угрозами эпидемиологического и цивилизационного характера, они чувствуют суть происходящего исторического момента.

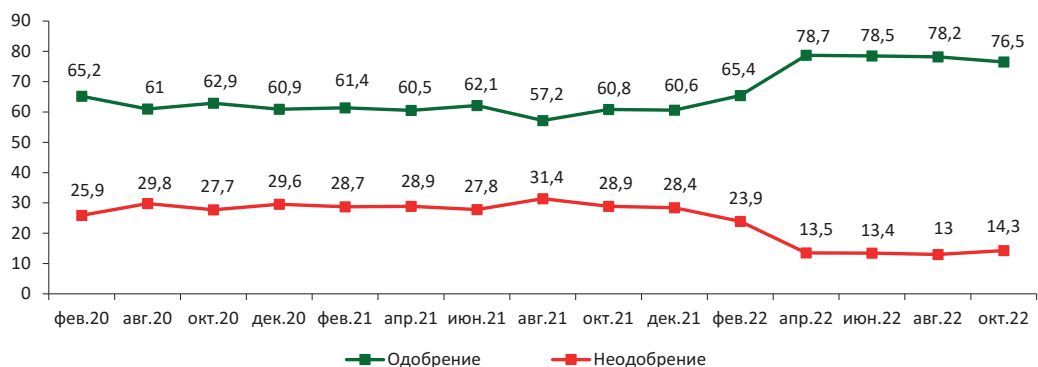

Рис. 2. Оценка деятельности Президента РФ, данные ВЦИОМ, формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?», % от числа опрошенных

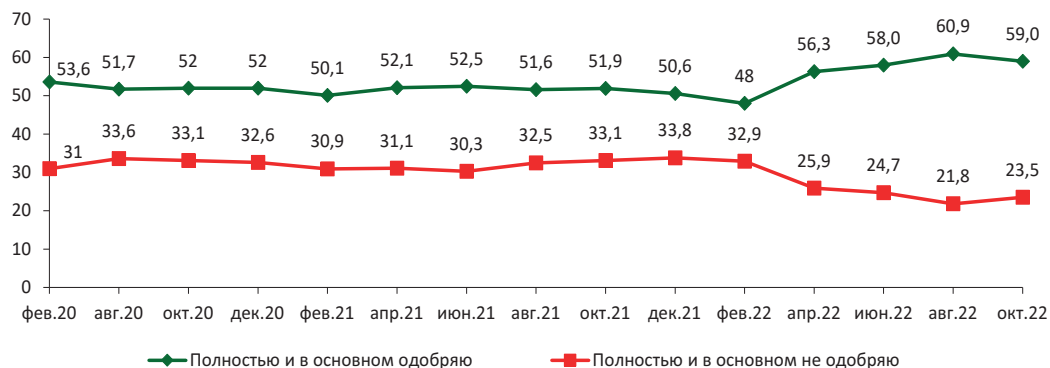

Рис. 3. Оценка деятельности Президента РФ, данные ВолНЦ РАН*, формулировка вопроса «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?», % от числа опрошенных

* В апреле – июне 2020 г. опросы не проводились в связи с карантинными ограничениями в регионе.

С февраля по октябрь 2022 г. доля положительных оценок деятельности Президента увеличилась почти во всех (в 13 из 14) основных социально-демографических категориях населения, особенно среди людей средней и старшей возрастных категорий (на 14 п.п.), а также в Вологде и Череповце (на 12–13 п.п.), районах области (на 9 п.п.). Такой консолидации всех слоев общества вокруг главы государства не наблюдалось ни в 2020, ни в 2021 г. (табл. 2).

Тот факт, что примерно с середины 2022 г. рост поддержки Президента стабилизировался, говорит о том, что чувствуя всю значимость исторического момента, общество ждет не менее значимых перемен в жизни страны – тех самых, о которых оно слышит каждый день в СМИ и в публичных выступлениях Президента: о национальной ориентированности властвующих элит; о приоритетном развитии социальной сферы; о том, что люди – это главное; о том, что общественное мнение – ключевой критерий эффективности государственного управления и т.д. От этих перемен зависят сегодня внутренняя ситуация в стране, а значит и дальнейшие возможности государства довести до конца то, что было начато 24 февраля 2022 года.

Таблица. 2. Динамика доли положительных оценок деятельности Президента РФ в различных социально-демографических категориях, % от числа опрошенных

Категории населения	Февр. 2020 г.	Окт. 2020 г.	Изменение (+/-) за февр. – окт. 2020 г.	Февр. 2021 г.	Окт. 2021 г.	Изменение (+/-) за февр. – окт. 2021 г.	Февр. 2022 г.	Авг. 2022 г.	Окт. 2022 г.	Изменение (+/-) за период		
										февр. – окт. 2022 г.	февр. – авг. 2022 г.	авг. – окт. 2022 г.
Пол												
Мужской	50,8	48,1	-3	48,9	50,4	+2	45,9	59,9	58,9	+13	+14	-1
Женский	55,8	55,1	-1	51,0	53,2	+2	49,7	61,8	59,1	+9	+12	-3
Возраст												
До 30 лет	52,8	48,5	-4	38,6	52,5	+14	51,6	53,7	45,4	-6	+2	-8
30–55 лет	48,4	49,2	+1	48,1	50,7	+3	44,4	59,0	58,6	+14	+15	0
Старше 55 лет	60,2	57,0	-3	56,9	53,2	-4	51,0	66,2	64,6	+14	+15	-2
Образование												
Среднее и н/среднее	47,3	55,1	+8	47,5	46,4	-1	44,0	56,9	53,9	+10	+13	-3
Среднее специальное	55,4	50,8	-5	50,2	51,7	+2	48,5	59,5	59,4	+11	+11	0
Высшее и н/высшее	57,7	49,7	-8	52,7	57,7	+5	54,2	67,4	64,3	+10	+13	-3
Доходные группы												
20% наименее обеспеченных	38,5	43,0	+5	38,5	40,7	+2	37,0	43,1	42,6	+6	+6	-1
60% среднеобеспеченных	57,1	54,0	-3	53,1	52,2	-1	50,4	64,0	63,4	+13	+14	-1
20% наиболее обеспеченных	61,5	61,1	0	63,7	65,9	+2	56,5	63,2	63,6	+7	+7	0
Территории												
Вологда	50,6	46,1	-5	44,4	42,5	-2	38,8	52,4	50,6	+12	+14	-2
Череповец	58,3	59,5	+1	55,0	58,1	+3	53,3	67,4	66,4	+13	+14	-1
Районы	52,6	51,0	-2	50,4	53,8	+3	50,1	62,0	59,5	+9	+12	-3
Область	53,6	52,0	-2	50,1	51,9	+2	48,0	60,9	59,0	+11	+13	-2
Общее число групп, в которых произошли положительные/отрицательные изменения			4/9			10/4				13/1	14/0	0/11

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Как отмечают эксперты, специальная военная операция провела «водораздел между историей России как квазиколонии с 1991 года до 24.02.2022 и новейшей историей суверенной России после указанной даты», поэтому столь значимые перемены требуют «качественно иного общественного договора между верховной властью России в лице ее президента (и одновременно лидера нации) и населения»⁴. Общественного договора, основанного на принципах социального государства, социальной справедливости, на новой идеологии, на традиционных духовно-нравственных ценностях и в том числе на новых элитах, глубоко разделяющих все эти понятия.

Необходимо иметь четкое представление о том, какое государство мы строим; от этого в конечном итоге будет зависеть и все остальное, в том числе успешный выход России из нынешнего цивилизационного противостояния с коллективным Западом, то есть фактически будущее нашей страны. Конечно, это задача рассчитана на долгую перспективу, но решать ее надо уже сейчас, в рамках специальной военной операции, то есть по сути нам нужен новый общественный договор в условиях военного времени, предполагающий персональную и справедливую ответственность всех управленческих кадров за реализацию возложенных на них обязательств: в экономике, политике, культуре, общественной деятельности, на линии фронта и т.д.

Работа по формированию контуров нового общественного договора идет уже сейчас, в рамках спецоперации. Президент и правительство фактически в ежедневном режиме принимают решения, направленные на повышение ответственности не только чиновников, но и каждого гражданина, и что очень важно – на формирование условий для появления новых элит и новой духовно-нравственной атмосферы в обществе. Приведем лишь некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, шаги Президента в этом направлении:

– 4 марта 2022 г. – установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил России, и уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил России;

– 3 мая – Указ Президента РФ № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»;

– 24 мая – министр науки и высшего образования РФ В. Фальков объявил о выходе России из Болонской системы образования;

– 31 июля – утверждены Морская доктрина Российской Федерации и Корабельный устав Военно-Морского флота;

– 5 августа – Указ о применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций;

– 24 сентября – Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; поправки в УК РФ уточняют категории «мобилизация», «военное положение», «военное время», вводят новые виды нарушений («Добровольная сдача в плен», «Мародерство»), ужесточают меры наказания за оставление части или неявку в срок на службу, неисполнение подчиненным приказа начальника, отказ от участия в военных или боевых действиях, неисполнение государственного оборонного зака-

⁴ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Экономическая теория власти. 2022. № 3. С. 76.

за, повреждение или уничтожение военной техники (за все эти преступления предусматриваются сроки наказания от 3 до 15 лет лишения свободы);

– 5 октября – Президентом подписаны Федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе РФ Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области;

– 19 октября – Указ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756»;

– 9 ноября – Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– 17 ноября – Указ № 832 «О внесении изменений в состав Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека».

Из всего этого хотелось бы обратить внимание на поправки, внесенные в Уголовный кодекс 24 сентября 2022 г., – новые виды нарушений («Добровольная сдача в плен», «Мародерство»), ужесточение мер наказания (от 3 до 15 лет) за оставление службы, неисполнение приказа и т.д. – все это реальные и необходимые шаги по усилению дисциплины и ответственности на самом важном сегодня направлении – на линии фронта. И это реальное повышение ответственности каждого гражданина за сохранение и сбережение государства русской цивилизации.

Таким образом, уважаемые коллеги, мы видим, что сегодня Россия находится на этапе исторических перемен, на пути преодоления своего 30-летнего полукOLONиального существования и достижения полного национального суверенитета. Общество чувствует это, понимает и ждет значительных перемен от государства.

По большому счету о необходимости перемен в системе государственного управления говорил и Николай Иванович Лапин, с которым нас связывает 15-летняя история отношений, включая такие этапы и формы сотрудничества, как:

– участие в программе «Социокультурный портрет регионов» (с 2007 г.);
– создание информационной системы «Модернизация» (2011 г.);
– подготовка «Атласа модернизации России и ее регионов» (2016 г.);
– реализация методологического подхода к измерению «семейства центильных коэффициентов неравенств» (2019–2020 гг.; публикация статей в № 1–2 журнала «Социологические исследования» в 2020 г.);

– Круглый стол «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» (2021 г.), посвященный празднованию 100-летия Института философии РАН, 30-летнего юбилея исследований по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», а также юбилея научного руководителя программы члена-корр. РАН, д.ф.н., проф. Н.И. Лапина и др.

Николай Иванович указывал на то, что «необходима модернизация для всех», что обеспечить эту модернизацию может только «социальное государство», и что для этого социальное государство, зафиксированное в российской Конституции, должно менять свою форму с пассивной на более активную – с «защищающей» на «созидательную»⁵. События, начавшиеся после 24 февраля 2022 г., лишь ускорили и сделали жизненно важным для страны решение этих задач.

⁵ Лапин Н.И. О раскрытии активной гуманистической функции социального государства в России // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 9–10.

И поэтому закончить свое выступление я бы хотел тем же, на что обращал внимание и в прошлом году: в нашем понимании научное сообщество, несмотря ни на какие политические или экономические условия, должно системно и методично не только измерять, «видеть» и прогнозировать ситуацию, но и предупреждать власть о возможных рисках, активно влиять на органы власти через институты гражданского общества, СМИ, общество «Знание», профессиональные союзы и т.д., чтобы в конечном итоге способствовать не только заключению, но и реализации нового общественного договора между народом и властью, обеспечивающего России достижение полного национального суверенитета и конкурентоспособного государства российской цивилизационной модели.

Вот этим пожеланием ко всем участникам сегодняшнего форума я бы и хотел закончить свое вступительное слово. Благодарю за внимание.

Библиографический список

1. Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн [и др.]. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
2. Фурсов А.И. Кризис в третьей степени. Такого еще не было // Новости глобальной политики. 03.05.2022. URL: <http://geoclub.info/krizis-v-tretej-stepeni-takogo-eshhyo-ne-bylo-andrej-fursov>
3. Дугин А.Г. Государство-Цивилизация. Континент-Россия и многополярный мир // Официальный сайт Изборского клуба. URL: <https://izborsk-club.ru/22879>
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Экономическая теория власти. № 3. С. 74–90.
5. Лапин Н.И. О раскрытии активной гуманистической функции социального государства в России // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 9–17.

ПЕРВАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Обращаясь к научному наследию Н.И. Лапина

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПОД РУКОВОДСТВОМ Н.И. ЛАПИНА И В.А. ЯДОВА «ЦЕННОСТИ, ИНТЕРЕСЫ, ГРУППОВЫЕ СОЛИДАРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Аннотация. *Повышение качества научного анализа проблем консолидации российского общества связано с использованием эффективных педагогических методик, инновационных программ в подготовке специалистов в современном университете. В статье раскрывается успешный опыт и результаты подготовки научных кадров членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным в рамках реализации программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов».*

Ключевые слова: *интеграция, научный проект, учебно-научный центр, мастер-класс, Н.И. Лапин, В.А. Ядов, научное наследие, социологическая школа.*

В конце 90-х гг. XX века была поставлена задача по интеграции социологического образования в вузах и научных исследований, проводимых институтами РАН, в том числе Институтом философии РАН и Институтом социологии РАН. Этому способствовала Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» (ФЦП «Интеграция»)¹. Главная идея программы заключалась с одной стороны, во включении студентов и аспирантов вузов, обучающихся по специальности «Социология», в академическую исследовательскую среду, а с другой – привлечении научных сотрудников институтов Российской академии наук к чтению учебных социологических дисциплин в вузах. Эта интеграция, давала возможность молодым социологам получить современные научные знания и использовать их для подготовки своих курсовых, дипломных проектов, кандидатских диссертаций, научным сотрудникам институтов РАН – расширить состав участников академических проектов, привлечь талантливую молодежь к дальнейшему обучению в аспирантуре. Напомним, что в это время остро стоял вопрос о пополнении корпуса российской, в том числе социологической, науки, молодежью, так шел активный отток выпускников вузов в бизнес и другие сферы материального производства.

Одним из таких интеграционных проектов стало сотрудничество факультета социологии Российского государственного социального университета (в то время – МГСУ) с двумя институтами РАН – Институтом философии и Институтом социологии. От Института философии РАН школу возглавил член-корреспондент РАН Николай Иванович Лапин, а от Института социологии РАН – его директор, доктор философских наук, профессор Владимир Александрович Ядов. Соруководителем проекта со стороны университета была доктор социологических наук, профессор, директор Академии социологии и управления – Г.И. Осадчая. Научной основой интеграционного проекта стала комплексная проблема, носящая одновременно фундаментальный и прикладной характер: «Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление». В ходе ее реализации решались три основные задачи: изучение структуры базовых ценностей населения реформируемой России и тенденций ее изменения; разработка и возможность использования новейших для того

¹ О федеральной целевой программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.»: Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1996 г. № 1062. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9029153> (дата обращения 10.10.2022).

времени технологий сбора эмпирической информации (качественными методами) при изучении процессов солидаризации; анализ изменений социальной структуры российского общества и появление в нем новых социальных страт.

В статье мы делаем акцент на роли члена-корреспондента РАН Николая Ивановича Лапина в этом проекте.

В ходе реализации проекта на базе Института философии РАН был учрежден Учебно-научный центр (УНЦ) под руководством Н.И. Лапина [1, с. 6]. В Центре также работали ведущий научный сотрудник, доктор социологических наук Л.А. Беляева, научный сотрудник, кандидат психологических наук В.П. Горяинов, младший научный сотрудник И.Е. Ахваткина.

Учебно-научный центр принял на себя общие функции генерального координатора работ по проекту. Был также создан Совет проекта, который разрабатывал нормативно-правовую основу сотрудничества; рассматривал программу очередного этапа реализации проекта, определял цели конкурса научных работ студентов и аспирантов, состав научных консультантов конкурсных работ из числа сотрудников академических институтов и преподавателей РГСУ (МГСУ).

Через обучение и участие в проводимых УНЦ исследованиях будущие социологи осваивали различные теоретико-методологические подходы и современную методику исследования ценностей, интересов, солидарностей и социального управления, практикуемые в современной социальной науке. Студенты и аспиранты на практике, а не словах, смогли включиться в научный дискурс по современной социологии. Им предоставлялась возможность самостоятельно доказывать, что именно их концептуальный подход наиболее адекватен изучению избранной проблемы, что именно их методология научного поиска даст наиболее верное решение поставленной исследовательской задачи.

Было важно и то, что преподаватели РГСУ (МГСУ), участвующие в проекте, также интенсивно осваивали именно такую парадигму подготовки специалистов, что в дальнейшем сказалось и на их научном пути.

Учебно-научный центр под руководством Н.И. Лапина разработал новую для того времени дидактику мастер-класса. Руководитель мастер-класса побуждал аудиторию студентов, аспирантов и преподавателей университета задавать вопросы «мэтру», более того – возражать ему. Он сопоставлял различные исследовательские подходы, демонстрируя поиск наиболее адекватного из них, опираясь на работы коллег и избегая соблазна сделать «по-своему» только потому, что это «наш подход».

Мэтрами, естественно, были Н.И. Лапин и В.А. Ядов. Николай Иванович проводил мастер-класс по проблеме социокультурных систем и процессов. Он всегда провоцировал дискуссии, предлагал студентам и аспирантам найти свое решение обсуждаемых проблем, сформулировать и обосновать собственные гипотезы.

В Учебно-научном центре были также разработаны и проведены два эмпирических исследования на основе техник формализованного и полужормализованного интервью. Студенты смогли под руководством своих наставников реализовать их полные циклы. Так под руководством Л.А. Беляевой студенты проводили предварительный анализ данных [2, с. 12]. Темами социологических проектов стали: «Наши ценности, интересы, солидарности» и «Роль ценностей и интересов в деятельности муниципальных служащих».

Опыт показал целесообразность включения студентов начиная со II курса в научную деятельность. Даже первокурсники посещали занятия, проводимые в рамках

проекта, а некоторые студенты II курса подготовили выступления и выступили на студенческой конференции. В ходе исследовательской работы студенты стали смелее обращаться к новым методам анализа, оперировать современными концептуальными построениями, приобретать навыки эвристического мышления. Эффективными результатами данного интеграционного сотрудничества стало поступление 20 выпускников проекта в аспирантуру РГСУ, Института философии РАН и Института социологии РАН, 8 молодых специалистов приняты на работу в академические институты. Для студентов и аспирантов университета открылась возможность использовать имеющиеся в ИС РАН и ИФ РАН базы данных, соответствующие программам учебных курсов и новые материалы, получаемые в ходе совместных полевых исследований.

Данный проект дал возможность приращения нового научного знания. Активное обсуждение проблемы взаимосвязи ценностей, интересов, солидарности и социального управления позволило выйти участникам проекта на новый уровень обобщения и определить первую версию интегрированного подхода, предложенную Н.И. Лапиным. Также проведено различие между «жесткими» и «мягкими» социальными структурами и отмечено возникновение новых мягких структур как потенциальных антикризисных механизмов.

Библиографический список

1. Юдина Т.Н. Социология жизни, или Жизнь в социологии // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 2 (139). С. 5–12.
2. Лапин Н.И., Осадчая Г.И., Ядов В.А. Опыт интеграции социологического образования в вузе и научных исследований // СОЦИС. 2002. № 2. С. 28–32.

Информация об авторах

Галина Ивановна Осадчая (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; osadchaya111@gmail.com).

Татьяна Николаевна Юдина (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; ioudinatn@mail.ru).

Osadchaya G.I., Yudina T.N.

THE SOCIOLOGICAL SCHOOL UNDER THE LEADERSHIP OF N.I. LAPIN AND V.A. YADOV «VALUES, INTERESTS, GROUP SOLIDARITY AND SOCIAL MANAGEMENT»

Abstract. *Improving the quality of scientific analysis of the problems of consolidation of Russian society is associated with the use of effective pedagogical techniques, innovative programs in the training of specialists at a modern university. The article reveals the successful experience and results of the training of scientific personnel by corresponding member of the Russian Academy of Sciences, N.I. Lapin, within the framework of the Program «Problems of socio-cultural evolution of Russia and its regions».*

Key words: *integration, scientific project, educational and scientific center, master class, N.I. Lapin, V.A. Yadov, scientific heritage, sociological school.*

Information about the authors

Galina I. Osadchaya (Russia, Moscow) – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Research of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia; osadchaya111@gmail.com).

Tatyana N. Yudina (Russia, Moscow) – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher of the Department of Research of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia; ioudinatn@mail.ru).

References

1. Yudina T.N. Sociology of life, or life in sociology. *Social Policy and Sociology*, 2021, 20, 2 (139), 5–12.
2. Lapin N.I., Osadchaya G.I., Yadov V.A. The experience of integrating sociological education in higher education and scientific research. *SOCIS*, 2002, 2, 28–32.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.И. ЛАПИНА

Аннотация. В статье рассматривается подход Н.И. Лапина к выработке методологии и метода изучения ценностей, отмечается осмысление им концептуальных идей предшественников классической и современной социологии, эффективность его методики измерения ценностей в организации мониторинга социокультурных процессов.

Ключевые слова: методология, метод, ценности, норма, мотив, действие.

В современном мире интенсивно протекают процессы социальных трансформаций, растет неравенство, напряженность в системе социальных и межгосударственных отношений, наблюдаются противоречия интересов и ценностей разных типов общественного устройства государств. С распадом СССР произошли социально-политические перемены в бывших союзных республиках. Россия проделала за короткий период большой путь социального переустройства, утверждения многообразия собственности, плюрализма культур. В отечественной социологии ведется теоретическое осмысление основных тенденций развития, организуются эмпирические исследования социальных проявлений, изменения социальной структуры, функциональных связей, ценностно-нормативной системы. В докладе предпринята попытка осветить некоторые аспекты теоретико-методологического подхода и метода изучения социокультурных ценностей в исследованиях философа и социолога Н.И. Лапина.

Методология изучения ценностей

В годы перестройки и на рубеже 90-х гг. Н.И. Лапин все больше проявляет научный интерес к проблеме изучения природы ценностей и их роли в мотивации социальных действий. Свою методологию он выстраивает путем нового прочтения концептуальных идей классиков социологии и известных представителей современной социологии. Первое в социологии объяснение природы ценностей содержится в работах Макса Вебера. В них Н.И. Лапин выделяет прежде всего утверждение о том, что ценности представляют собой нечто значимое, дают возможность выбора жизненного ориентира. В них присутствует индивидуальный опыт человека. Другим важным выводом является соотнесение ценностей с исторической эпохой [1].

Н.И. Лапин обращает внимание и на ценностные представления Т. Парсонса. Приверженец структурно-функционального подхода отмечал в ценностях универсальное, характерное для всех и конкретное, определяющее поступки, действия. Ценности определялись им как важный компонент социальной структуры, обеспечивающий ее функциональность, сохранение и воспроизводство порядка, образца [2].

Среди отечественных социологов значительное место отводилось вкладу в изучение ценностей А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова. Так, А.Г. Здравомыслов называл побудителями к социальным действиям потребности, интересы и ценности [3]. На взгляд В.А. Ядова, ценностные ориентации согласуются с идеалом, определяют отношение личности к обществу [4].

Анализ теоретических идей и собственные исследования позволили Н.И. Лапину заключить, что ценности представляют собой обобщенные цели и средства их

достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. В них он выделяет функцию обеспечения интеграции общества, помощи индивидам в осуществлении социально одобряемого выбора поведения в жизненно значимых ситуациях. При этом указывает, что каждая ценность и их совокупность имеют двуединое основание: в индивиде и в обществе [5].

Откликаясь на провозглашение ООН 2010 года Международным годом сближения культур, Н. Лапин подчеркивал, что такое сближение возможно, если имеются ценности, свойственные всем существующим культурам, то есть универсальные ценности, необходимости стремления к консенсусу относительно их содержания. С другой стороны, отмечает он, сближение культур имеет границы, поскольку каждая культура стремится к самосохранению и воплощается в неисчислимом многообразии социокультурных сообществ и общностей, жизненных миров людей [5]. И так, в видении Н.И. Лапина важна гармония, сочетание универсального и специфического находит выражение в многообразии социокультурных сообществ и общностей.

Метод измерения ценностей

При разработке методики мониторинга изменения ценностей были взяты во внимание и учтены результативные элементы методик М. Рокича, Ш. Шварца, Р. Инглхарта, а также результаты эмпирических исследований отечественных ученых В.А. Ядова, Н.Ф. Наумовой и др. В разработке программы мониторинга приняла участие группа ученых в составе Л.А. Беляевой, А.Г. Здравомыслова, П.М. Козыревой, Н.Ф. Наумовой, В.А. Ядова и др. [6].

В результате дискуссий и пилотажных опросов были определены 14 базовых ценностей – 7 терминальных и 7 инструментальных, давалась типологическая характеристика ценностей традиционных, либеральных и общечеловеческих. Предусматривалось в ходе опроса задавать респондентам вопросы не прямо о ценностях, а предлагать оценить в баллах ценностные суждения, за которыми сокрыты конкретные ценности.

Название структурных разделов иерархии ценностей уточнялось в ходе проведения мониторинга изменения ценностей. В последнем варианте эта структура выглядит следующим образом: интегрирующее ядро (свыше 57%), интегрирующий резерв (45,0–57,0%), оппонирующий дифференциал (30,0–44,9%), конфликтогенная периферия (менее 30,0%) [7].

Блок ценностей, используемый в мониторинге, включен в методический инструментарий типового проекта «Социокультурный портрет регионов России» [8]. Межрегиональное сравнение результатов исследований показывает, что набор ценностей, например интеграционного ядра, в одних регионах совпадает полностью или во многом, в других обнаруживается явное различие, несоответствие, что объясняется спецификой регионов, культурными особенностями, разными социальными условиями, состоянием правопорядка. Естественно, это структурное распределение не жесткое, коррелирует с изменениями социальных, культурных и правовых факторов, а также со сменой поколений. В 2006 году по результатам общероссийского исследования интеграционное ядро составляли (индекс 4,69–4,51): семья, порядок, общительность, в 2010 – семья, порядок, общительность, жизнь человека, благополучие (4,79–4,5). В Чеченской Республике (2009) – жизнь человека, жертвенность, семья, традиция, порядок (4,82–4,65). В Челябинской области (2011) – жизнь человека, порядок, семья, общительность (4,76–4,61) [9; 10].

Однако в целом выстраивание цивилизационной модели базисных ценностей свидетельствует, что при всей неизбежной региональной специфике все субъекты РФ находятся в одном цивилизационном или социокультурном пространстве. Это подтверждают матричная типология ценностей, группировка их по линии: терминальные, инструментальные, а также выделение ценностей традиционных, современных и общечеловеческих (универсальных). Здесь просматриваются незначительное отклонение обобщенных данных, схожесть общей тенденции, колебаний в процентном выражении социологических показателей.

Таким образом, выработанные Н.И. Лапиным вместе с единомышленниками методология и метод изучения ценностей имеют фундаментальное научное значение, содержат потенциал отслеживания и анализа текущих социокультурных процессов, прогнозирования перспективы развития нашего общества.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. Москва: Политиздат, 1986. 223 с.
4. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Ленинград: Мысль, 1979. 456 с.
5. Лапин Н.И. Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». С. 105–107. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihicht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/038_N.I.Lapin.pdf
6. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990–2002 гг.) // Мир России. 2003. № 4. С. 120–159.
7. Лапин Н.И. О методах внутристрановых и межстрановых сопоставлений структуры ценностей населения». URL: <https://www.hse.ru/data/758/986/1235/Lapin.doc>
8. Лапин Н.И., Беяева Л.Н. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). Москва: ИФРАН, 2010. 111 с.
9. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН; сост., общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беяевой. Москва: Academia. 2013. С. 273.
10. Юсупов М.М. Социокультурные аспекты модернизации постконфликтного региона // Философские науки. 2012. № 7. С. 42–56.

Информация об авторе

Юсупов Муса Мовлиевич (Россия, Грозный) – кандидат социологических наук, доцент, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова (Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32; musa_y17@hotmail.com).

METHODOLOGY AND METHOD OF VALUES STUDIES IN N.I. LAPIN'S RESEARCH

Abstract. *The paper considers N.I. Lapin's approach to developing a methodology and method for studying values, noting his comprehension of the conceptual ideas of predecessors of classical and modern sociology, and the effectiveness of his methodology for measuring values in organizing monitoring of socio-cultural processes.*

Key words: *methodology, method, values, norm, motive, action.*

Information about the author

Musa M. Yusupov (Russia, Grozny) – candidate sociological sciences, Associate Professor, A.A. Kadyrov Chechen State University (32, Sheripov Street, Grozny, Russia; musa_y17@hotmail.com).

References

1. Weber M. Selected Works. Translation from German; Compilation, General Editing and Afterword by Doctor of Philosophy Y.N. Davydov. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
2. Parsons T. System of Modern Societies. Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Ed. by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect Press, 1998. 270 p.
3. Zdravomyslov A.G. Needs, Interests, Values Moscow: Politizdat, 1986. 223 p.
4. Yadov V.A. Self-regulation and prediction of a person's social behavior. Edited by V.A. Yadov. Leningrad: Mysl, 1979. 456 p.
5. Lapin N.I. Universal Values and the Diversity of Worlds of Life. Plenary Session «Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: the formation of a global culture». 105–107 pp. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/038_N.I.Lapin.pdf
6. Lapin N.I. How Russian citizens feel, what they aspire to. Results of Monitoring «Our Values and Interests Today» (1990–2002). World of Russia, 2003, 4, 120–159.
7. Lapin N.I. On the Methods of Intracountry and Inter-country Comparisons of the Structure of the Population's Values. URL: <https://www.hse.ru/data/758/986/1235/Lapin.doc>
8. Lapin N.I., Belyaeva L.N. Program and Typical Toolkit «Sociocultural Portrait of the Region of Russia» (Modification-2010). Moscow: IFRAM, 2010.
9. Problems of Socio-Cultural Modernization of Russia's Regions/Institute of Philosophy RAS. Compilation, Editorial Board: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia, 2013. P. 273.
10. Yusupov M.M. Sociocultural Aspects of Post-Conflict Region Modernization. Philosophical Sciences, 2012, 7, 42–56.

ВКЛАД Н.И. ЛАПИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСА ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ

Аннотация. Согласно результатам исследований Лапина, посвященным измерению социального самочувствия и доверия, важнейшие принципы, обеспечивающие доверие к институтам, – это эффективность и справедливость их функционирования. Экстремальное неравенство, по мнению Лапина, препятствует общественной солидарности и свидетельствует о дисфункциях социального государства как средства обеспечения справедливости.

Ключевые слова: доверие к институтам, политические процессы, социальное самочувствие, гражданско-общественная культура, Н.И. Лапин.

Тезисы подготовлены в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF-2022-0009 «Проблема доверия к институтам как фактор политических процессов»).

Вопрос доверия к институтам чрезвычайно важен в контексте консолидации общества. Николай Иванович Лапин в последние десятилетия неоднократно обращал внимание на проблемы, возникающие из-за несоответствия политических процессов тем принципам, на которых выстраивается общественное доверие. Он использовал как социологические инструменты, так и доводы из политической философии. Согласно Веберу и Штомпке, особенность легальной легитимности [1, с. 122] состоит в том, что публично-правовые механизмы заменяют случайное волеизъявление и тем самым закрепляют устойчивые правила игры, процедурное и всеобщее доверие вместо спонтанного и локализованного.

В политологии и социологии сложилось несколько подходов к проблематизации и измерению доверия к институтам. Исторически первым может считаться принцип культурного анализа, который Алмонд и Верба применяли для систематизации видов политического поведения [1, с. 48], а Роберт Патнем использовал для выявления определяемых культурой различий между регионами в масштабе коррупции [2, с. 481]. Николай Иванович ориентировался на этот метод, а также на системный анализ Парсонса и анализ социальных взаимодействий по Сорокину для описания гражданско-общественной культуры [3, с. 106]. Другой подход предлагает в первую очередь обращать внимание на эффективность институтов, указывая на прямую связь между эффективностью института и уровнем доверия к нему [1, с. 143]. Еще один подход отмечал роль социального государства как фактора, влияющего на доверие к институтам [2, с. 385].

Лапин в своих статьях отсылает к понятию социального государства и эффективности институтов, в частности, в контексте консолидации общества. Он видит в экстремальном неравенстве главное препятствие для солидарности [4, с. 20]. Из тех сведений, которые он получил в ходе анализа статистических данных и результатов социологических опросов, Лапин делает вывод о том, что сокращение неравенства воспринимается как реализация социальной справедливости [5, с. 8]. Социальное государство в его рассуждениях выступает в качестве инструмента снижения нега-

тивного воздействия неравенства на консолидацию общества и институционального воплощения принципа солидарности [4, с. 20].

Лапин также указывает на риски для солидарности и консолидации, связанные с неустойчивыми изменениями в мотивационных приоритетах населения на фоне недоверия к институтам [6, с. 219]. Ценности граждан влияют на социальное самочувствие и определяют их отношение к институтам. Ощущение защищенности, по мнению Лапина, зависит от уровня доверия институтам, который можно считать индикатором их эффективности. Доверие зависит от того, насколько качественно институты выполняют свои функции. Доверие, в свою очередь, улучшает социальное самочувствие, трудовую мотивацию граждан, уровень безопасности общества [6, с. 215–216]. Лапин указывает на данные опросов Европейского социального исследования, Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Вологодского научного центра РАН, согласно которым для России характерен невысокий уровень доверия к институтам [4, с. 23–24].

Лапин указывает на связь между ценностной мотивацией и выстраиванием взаимопонимания в обществе относительно ценностей для его консолидации [6, с. 219]. Вслед за Аристотелем Лапин считает государство необходимой для общественной жизни структурой и дает определение общества через указание на организующую функцию государства, а субъектность индивида выводит из гражданской принадлежности [3, с. 106]. Ссылаясь на Канта, Лапин предлагает путь преодоления гоббсовской проблемы страха как формы базового социального взаимодействия с помощью мужества и гражданской солидарности [3, с. 110].

Николай Иванович Лапин внес существенный вклад в развитие исследований по проблеме доверия к институтам. Он использовал данные, полученные в ходе социологических исследований, разрабатывал методологию оценки самочувствия граждан для описания особенностей гражданско-общественной культуры. Ученый опирался как на социологические теории XX века, так и на классические политико-философские работы, чтобы обосновать приоритет принципа справедливости для функционирования государства и сохранения общественной солидарности, а значит, и доверия институтам. Социальное государство Лапин считал важнейшим институциональным воплощением справедливости, необходимым для оправдания доверия.

Библиографический список

1. Штомпка П. Доверие – основа общества. Москва: Логос, 2012. 440 С.
2. The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. 747 p.
3. Лапин Н.И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 104–115.
4. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 20–30.
5. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17.
6. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // Модернизация экономики и общественное развитие: VIII Международная научная конференция. В 3 кн. Кн. 2. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 210–219.

Информация об авторе

Подольский Вадим Андреевич (Россия, Москва) – кандидат политических наук, доцент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук (Россия, 119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26; deomniscibili@yandex.ru).

Podolskiy V.A.

N.I. LAPIN'S CONTRIBUTION TO THE RESEARCH ON THE ISSUE OF TRUST IN INSTITUTIONS

Abstract. *According to the results of Lapin's research on measuring the social well-being and trust, the most important principles that ensure trust in institutions are the efficiency and fairness of their functioning. Strong inequality, according to Lapin, hinders social solidarity and indicates dysfunctions of the welfare state as the means of ensuring justice.*

Key words: *trust in institutions, political processes, social well-being, civil society culture, N.I. Lapin.*

Information about the author

Vadim A. Podolskiy (Russia, Moscow) – candidate of political sciences, assistant professor at the faculty of political science, State Academic University for the Humanities (26, Maronovsky sidestr., Moscow, 119049, Russia; deomniscibili@yandex.ru).

References

1. Stompka P. Trust – the foundation of society. Moscow: Logos, 2012. 440 p.
2. The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. 747 p.
3. Lapin N.I. Basic interaction between people and civic and social culture as a subject of research. Sociological studies, 2021, 5, 104–115.
4. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the welfare state (part 2). Sociological studies, 2020, 2, 20–30.
5. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the welfare state (part 1). Sociological studies, 2020, 1, 4–17.
6. Lapin N.I. Basic values, social well-being and trust in the institutions of power. VIII International Scientific Conference. Modernization of the economy and social development: in 3 books. Book 2. Moscow: HSE Publishing house, 2007, 210–219.

ВТОРАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Потенциал консолидации в современной России

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. В докладе анализируются основные этапы трансформации российского федерализма (1990–2022 гг.). За этот период страна эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» к модели «централизованной федерации». Последнюю не следует рассматривать как попытку возврата к унитарному государству. Скорее, она тяготеет к специфическому использованию модели «форалистического федерализма» и хорошо вписывается в характерную для России имперскую парадигму развития.

Ключевые слова: государство, империя, конфедерация, федерация, федерализм.

Обсуждение проблемы «Консолидации российского общества в новых геополитических реалиях» (так звучит тема конференции) предполагает осмысление специфики государственного устройства нашей страны: государственной формы, которая наиболее предпочтительна для сохранения этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия России. Не взирая на то, что опыт полиэтнических стран государств XX–XXI вв. свидетельствует о приблизительно равных возможностях сохранения этнического мира, поддержания и развития этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия в унитарных и федеративных государствах, большинство специалистов отдают предпочтение федеративной форме государственного устройства.

Как известно, в основу Российской Федерации положены национально-территориальный и территориальный принципы, каковые определяют и федеративные системы Бельгии, Канады, Индии, где эти системы достаточно эффективно обеспечивают решение национального вопроса и разграничение полномочий центра и регионов. Но почему в Российской Федерации использование этих принципов в 1990-е гг. привело к невиданному росту этнонационализма?

По мнению ряда авторов, это было связано с историческим своеобразием постсоветской России, которая осуществила «двойной переход» в новое качество: одновременное реформирование и экономической, и политической сфер жизни. «Слабость российского государства и федеральной конституции, – отмечал известный специалист по федерализму К. Росс, – создала ситуацию, когда федеральные власти не в состоянии охранять и поддерживать универсальные демократические принципы на территории всей страны и защищать права граждан в регионах, где правят сегодня авторитарные лидеры... основой отношений между центром и периферией в России стали политические и экономические связи, подменившие собой правовые и конституционные процедуры» [1, с. 17].

Английский политолог во многом прав: несовершенство конституционно-правовой базы РФ 1990-х гг. в значительной мере определяло ее неустойчивость. Так, например, противоречия, содержащиеся в Конституции СССР и дополненные законодательными инициативами периода 1988–1991 гг., сыграли заметную роль в процессе распада СССР¹. Помимо этого серьезные последствия для националь-

¹ Прежде всего, это статья 72, предусматривавшая возможность свободного выхода каждой союзной республики из СССР, и принятый в 1990 году закон, ограничивший это право, возведение автономных республик в ранг субъектов советской федерации и др.

но-государственного единства России имел заключенный в 1992 году Федеративный договор. В мировой практике принято делить федерации в зависимости от путей возникновения на две группы. Так называемые договорные федерации (США, Швейцария, Австралия) возникли в результате договора между равноправными субъектами, делегировавшими федеральному центру определенные полномочия. В таких федерациях субъекты первичны, а федерация вторична, и может быть аннулирована с согласия ее учредителей. Другую группу составляют федерации, созданные «сверху», т.е. решением центральной власти, наделяющей территориальные единицы определенными полномочиями. Такие федерации отличаются более высокой степенью централизации управления. Но главная их особенность состоит в том, что федеральный центр, в конечном счете, оставляет за собой право создавать и упразднить самоуправляющиеся территории, а также менять их границы.

Исторически РСФСР (в отличие от СССР) была федерацией, образованной «сверху» решением V Всероссийского съезда Советов, принявшего конституцию РСФСР. В результате многие народы России, либо никогда не имевшие собственной государственности, либо утратившие ее несколько веков назад, получили символическую государственность (впрочем, местные политические элиты восприняли ее как реальную). Подписание Федеративного договора в 1992 году превратило Россию в договорную федерацию. Центр и субъекты федерации поменялись ролями, и теперь уже бывшие автономии стали стремиться ограничить компетенцию центральной власти.

Принятие в 1993 году Конституции России мало что изменило: договорные отношения между федеральным центром и многими регионами продолжают действовать. И это «параллельное право», легитимирующее объективное неравенство регионов и в ряде случаев создающее преимущество республик перед другими субъектами федерации, постоянно провоцировало (и провоцирует) этнополитический и этнокультурный национализм и, соответственно, неустойчивость России как федеративного государства. К началу XXI века оно во многом потеряло управляемость и распалось на множество полунезависимых субъектов, в которых не исполняющиеся федеральные законы подменялись собственными, часто противоречащими самой сути российской Конституции. Не случайно летом 2000 года Конституционный суд РФ признал понятия «суверенный» и «субъект международного права» по отношению к субъектам Федерации противоречащими Основному закону. А ведь этот принцип еще совсем недавно являлся чуть ли не краеугольным камнем для нашего федерализма и следовал из декларации президента Б.Н. Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько хотите».

Отрицательный опыт федеративного строительства 1990-х гг. в России, распад Югославской федерации, другие примеры такого же рода безусловно способствовали пересмотру Кремлем модели федеративного устройства России: в первое десятилетие XXI века она относительно плавно эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» (т.е. «договорной федерации») к модели «централизованной федерации» – выстраиванию «вертикали власти» федеральным центром. В частности, были созданы «федеральные округа», укрупнены некоторые субъекты федерации, отменены должности «президентов» республик. Важную роль сыграло изменение вектора геополитической ориентации страны: после «консервативного поворота Путина» (Мюнхенская речь, 2007), мировых экономических кризисов, провала идеи «Европа от Атлантики до Владивостока» и ряда других событий, обостривших кон-

фронтацию РФ с «коллективным Западом». Страна, многие годы ориентированная на США и Европу, наконец обратилась к Востоку: «внутреннему» и «внешнему». И все это вместе взятое определило трансформацию российского федерализма в 1990–2022 гг.

За этот период государство эволюционировало от модели «кооперативного федерализма» к модели «централизованной федерации». Тем самым, как считают некоторые, Россия пошла по пути использования модели «федералистического федерализма»², которая, не отменяя практики заключения договоров между республиками и федеральным центром в исключительных (специальных) случаях, обеспечивает единый правовой статус субъектов федерации, предполагает расширение полномочий последних в сфере совместного ведения, подчеркивая усиление ответственности регионов за соблюдение федерального законодательства.

Поддерживая аргументы в пользу перспективности такой модели, хочу добавить, что она хорошо вписывается в имперскую парадигму развития, которая, как я уже писал, наиболее адекватна для больших полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций на большие расстояния [2; 3]. Ошибочно думать, что многовековая имперскость России свидетельствует о ее «несовременности» [4]. Это широко распространенное убеждение основано на идеологически ангажированном и предвзятом понимании таких сложных форм политического устройства, каковыми являются «империи». Они сплошь и рядом квалифицируются как наихудшие формы правления и «тюрьмы народов», как государства, основанные на военном и экономическом насилии. При этом благополучно забывают, что именно полиэтнические империи «изобрели» и эффективно использовали асимметричную систему управления народами разной культурной и цивилизационной принадлежности.

Примером успешно функционировавшей асимметричной системы управления народами в свое время была Римская империя, а значительно позже – династическая Российская империя Романовых, где одним было устройство Финляндии, а совсем иным – Кавказа. Асимметрично оформленной федерацией является Индия, где в зависимости от этнокультурных особенностей оформились различные системы управления и политического устройства штатов и территорий, которые складывались путем автономного конституирования отдельных этносов и культурных групп. Современная Российская Федерация движется тем же путем. Главное на этом пути – сохранять баланс федерального централизма и регионального (политического, экономического и социокультурного) разнообразия, не забывая, что «усредненные» гетерогенные федерации СССР и СФРЮ распались.

Библиографический список

1. Росс К. Федерализм и демократизация России // Полис. 1999. № 3. С. 16–27.
2. Гранин Ю.Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–86.
3. Гранин Ю.Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 2–3.
4. Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя. Россия в поисках себя. Москва: Альпина Паблшер, 2021.

² Сущность которой заключается в том, что отдельные субъекты федерации имеют преимущества («фору») по сравнению с другими субъектами данной федерации.

Информация об авторе

Гранин Юрий Дмитриевич (Россия, Москва) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; maily-granin@mail.ru).

Granin Yu.D.

THE EVOLUTION OF RUSSIAN FEDERALISM IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES

Abstract. *The report analyzes the main stages of the transformation of Russian federalism (1990–2022). During this period, the country has evolved from the model of «cooperative federalism» to the model of «centralized federation». The latter should not be regarded as an attempt to return to a unitary State. Rather, it tends to the specific use of the model of «foralistic federalism» and fits well into the imperial development paradigm characteristic of Russia.*

Key words: *state, empire, confederation, federation, federalism.*

References

1. Ross K. Federalism and democratization of Russia. *Polis*, 1999, 3, 16–27.
2. Granin Yu.D. The Infinite Imperialism of Russia. The civilizational dimension. *Questions of philosophy*, 2022, 9, 76–86.
3. Granin Yu.D. The imperial character of Russia: A historical dead end or a «window of opportunity»? *Journalist. Social communications*, 2022, 2–3.
4. Abalov A., Inozemtsev V. *An endless empire. Russia in search of itself*. Moscow: Alpina Publisher, 2021.

Information about the author

Yuri D. Granin (Russia, Moscow) – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia; maily-granin@mail.ru).

ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Аннотация. Автор рассматривает гражданское участие как показатель гражданской культуры. Поднимается проблема о действенности практик гражданского участия в регионах Центрального Черноземья. На основании проведенного полевого социологического исследования делается вывод о готовности граждан к конструктивному диалогу с властью.

Ключевые слова: гражданское участие, регионы, протестная активность, конструктивный диалог, доверие, местное самоуправление, волонтерство.

В современных условиях все большую силу набирает тенденция активного вовлечения граждан и их объединений в решение общественных проблем. Гражданское участие в деятельности некоммерческих организаций, вовлеченность в реализацию проектов муниципалитетов и территориальных образований регионального уровня способствует повышению эффективности функционирования управленческого звена, улучшению качества разрабатываемых программ, повышению доверия к органам власти за счет открытости и последовательности в принятии решений. Гражданское участие в своем практическом воплощении предстает важным маркером гражданской культуры в целом, в рамках которой, как отмечает Н.И. Лапин, «индивиды используют творческий потенциал своего ума... для понимания общественных смыслов своих действий – как взаимодействий с другими индивидами и с обществом в целом» [1, с. 29].

Гражданское участие проявляется в самых разнообразных формах. На основе реальной социальной практики выделяют следующие ключевые формы: электоральная активность; публичная активность граждан, в том числе протестная; участие в волонтерстве и других добровольческих сообществах; религиозная активность; электронная активность (социальные сети, блоггерство, краудсорсинг) [2, с. 69]. Обозначенный вид участия содержит в себе элементы других видов участия – прежде всего, социального, общественного и политического.

Представляется важным обратиться к вопросу о том, в какой мере являются действенными практики гражданского участия жителей отдельных российских регионов. В нашем случае обратимся к результатам эмпирического социологического исследования, проведенного в сентябре – октябре 2020 года в трех регионах Центрального Черноземья (ЦЧ) – Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200). Исследование было проведено с опорой на методику «Социокультурный портрет региона», разработанную в ЦИСИ ИФ РАН [2].

Отметим, что гражданская активность проявляется прежде всего в реальном участии жителей регионов в мероприятиях общественной и политической жизни. Как показало наше исследование, максимально вовлечены жители ЦЧ в участие в выборах (72,6%), коллективное благоустройство территорий, субботники (23,3%), сборы пожертвований, средств, вещей для нуждающихся (12,3%). Помимо этого, граждане регионов ЦЧ охотно участвуют в подписании обращений, петиций в органы власти (8,3%), вовлекаются в деятельность избирательных компаний (6,3%), в работу ТСЖ и домовых комитетов (5,5%). При этом каждый пятый респондент (20,7%) заявил,

что никак не проявляет свою гражданскую позицию. Среди препятствий, мешающих людям проявлять общественную активность и гражданственность, обозначены «привычка надеяться на других, в том числе на власть» (34,2%), «неверие в возможность оказывать влияние на решения властей» (32,7%), «безразличие к общим делам, индивидуализм» (29,1%). Эти данные наглядно подтверждают позицию ряда отечественных политологов об утвердившейся среди части жителей страны общественной апатии по отношению к происходящим процессам.

Проводимые нами в мониторинговом режиме полевые исследования в Курской области фиксируют довольно высокую протестную (правда, латентную) активность жителей региона. Исследование 2020 года не стало исключением. В Курской области о готовности принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека) заявили 43,6% опрошенных, по трем регионам ЦЧ – 38,2%. Отметим, что в Курской области данная активность является максимальной, в Липецкой области (36,5%) – минимальной.

При этом жители регионов готовы к проведению конструктивного диалога с представителями властных структур. Мы предложили респондентам указать, какие формы взаимодействия граждан региона (муниципального образования) с органами власти представляются для них наиболее оптимальными. На первом месте оказались личные встречи лидеров органов власти с отдельными представителями разных слоев населения (52,4% ответов); на втором – публичная отчетность представителей органов власти перед гражданами региона (46,6%); на третьем – проведение регулярных опросов общественного мнения (33%). В период пандемии COVID19 личные встречи проводить было довольно проблематично. А вот реализация второй и третьей обозначенных позиций в деятельности региональных властей осуществлялась довольно широко. И не без обращения к результатам проводимых опросов осуществлялась ротация глав муниципалитетов. Например, в 2020 году в Курской области, согласно исследованию, проведенному Региональным центром развития Курской области, удовлетворенность деятельностью главы г. Курска В. Карамышева составила 62,6%, в 2021 году – 53,6% [3]. А в феврале 2022 года мэром г. Курска стал И. Куцак.

Вовлеченность в практики гражданского участия в определенной мере определяется уровнем доверия/недоверия граждан к социальным институтам. Согласно данным проведенного в 2020 году опроса, максимальный уровень доверия жители Центрального Черноземья проявляют по отношению к суду (51,4%), губернатору (47,5%) и прокуратуре (42,9%). Довольно высоким можно считать уровень доверия также к полиции (42,5%) и областной администрации (38,5%). Наибольший уровень недоверия проявляется в отношении средств массовой информации (48%), интернета (43,5%) и региональных отделений партий (41,2%). Весьма весом уровень недоверия к муниципальным органам управления (34,9%), а также к региональным парламентам и законодательным собраниям (34,8%).

Отметим, что к органам местного самоуправления у жителей ряда регионов складывается амбивалентное отношение. В частности, в проведенном осенью 2021 года полевом исследовании, посвященном гражданскому участию жителей Курской области в местном самоуправлении (N = 301), 32,6% респондентов ответили, что местное самоуправление не выполняет возложенные на них административные обязанности в населенном пункте; 34,6% граждан дали противоположный ответ. При ответе на вопрос о том, чьи интересы в первую очередь представляет местное самоуправление, респонденты аналогично поделились на две группы – первые (28,9%) считают,

что местное самоуправление защищает муниципальные интересы, то есть интересы определенной территории; представители второй группы (26,9%) полагают, что данный институт защищает и отстаивает только собственные интересы. Обозначенные оценки свидетельствуют о недостаточно благоприятных условиях для вовлечения жителей региона в деятельность органов местного самоуправления.

Одной из форм гражданского участия жителей региона является их членство в тех или иных партиях, общественных организациях и движениях. В ходе полевого социологического опроса 2020 года о своем членстве в какой-либо общественной организации или партии заявили лишь 13,7%. Большинство из них – члены профсоюза, меньшая часть представлена членами религиозных организаций. Отметим, что за последнее десятилетие в регионах резко сократилось число профсоюзных организаций. Так, в Курской области на начало 2010 года их количество составляло 682, на начало 2013 года – 535, на начало сентября 2015 года – 360, на начало октября 2022 года – 247, т.е. за 12 лет произошло сокращение почти в три раза.

Одной из наиболее популярных форм гражданского участия в последние годы стало участие в волонтерской деятельности. В проведенном на базе научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета в мае – июне 2021 года полевом социологическом исследовании (N = 300) респондентам было предложено указать ведущие направления деятельности волонтерских организаций. Самым популярным оказалось социальное волонтерство (65,1%), в меньшей мере представлены культурно-просветительское волонтерство (16,3%) и медицинское волонтерство (4,7%). Отметим, что социально ориентированные НКО оказывают жителям регионов России весомую помощь в решении жизненно важных проблем, соответственно в данном направлении следует осуществлять оценку развития добровольческих движений, оказывать реальную поддержку в реализации волонтерских программ и проектов.

Следовательно, нужно признать, что жители регионов Центрального Черноземья готовы взаимодействовать с властью в решении социальных вопросов. Потенциал их гражданского участия весом, однако в практическом воплощении принимает скромные формы. Актуальным представляется обращение к вопросам об условиях, механизмах и инструментах активизации гражданского участия для получения более действенных результатов.

Библиографический список

1. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. Москва: Весь Мир, 2021. 364 с.
2. Евлегина А.М. Гражданское участие: актуальные вопросы содержания и типологии // Дискуссия. 2016. № 7. С. 66–72.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). Москва: ИФРАН, 2010. 111 с.
4. Результаты IT исследования «Оценка эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и образовательных организаций Курской области» за 2021 год. URL: <https://соцпортал46.рф/report/rezultatyi-it-issledovaniya-otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-rukovoditeley-organov-mestnogo-samoupravleniya-unitarnyih-predpriyatij-i-obrazovatelnyih-organizatsiy-kurskoy-oblasti-za-2021-god-2> (дата обращения 10.09.2022).

Информация об авторе

Когай Евгения Анатольевна (Россия, Курск) – доктор философских наук, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет (Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; eakogay@mail.ru).

Kogay E.A.

PRACTICES OF CIVIC PARTICIPATION RESIDENTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

Abstract. *The author considers civic participation as an indicator of civic culture. The problem of the effectiveness of civic participation practices in the regions of the Central Black Earth region rises. Based on the conducted field sociological research, it is concluded that citizens are ready for a constructive dialogue with the authorities.*

Key words: *civic participation, regions, protest activity, constructive dialogue, trust, local self-government, volunteering.*

Information about the author

Evgeniya A. Kogay (Russia, Kursk) – Doctor of Philosophy, the manager of department of sociology, Kursk State University (33, Radishchev str., Kursk, Russia; eakogay@mail.ru).

References

1. Lapin N.I. The complexity of the formation of the new Russia. Anthroposociocultural Approach. Moscow: Ves Mir, 2021.
2. Evlegina A.M. Civic participation: topical issues of content and typology. Discussion, 2016, 7, 66–72.
3. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Program and standard tools «Socio-cultural portrait of the region of Russia» (Modification – 2010). Moscow: IFRAN, 2010.
4. Results of the IT study «Evaluation of the effectiveness of the activities of heads of local governments, unitary enterprises and educational organizations of the Kursk region» for 2021. URL: <https://socialportal46.rf/report/rezultaty-it-issledovaniya-otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-rukovoditeley-organov-mestnogo-samoupravleniya-unitarnyih-predpriyatij-i-obrazovatelnyih-organizatsiy-kurskoy-oblasti-za-2021-god-2> (accessed 09.10.2022).

ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ В ВОСПРИЯТИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены социокультурные аспекты центр-периферийных представлений. Теоретическо-методологические подходы опираются на традиции социологии села, антропосоциокультурный подход Н.И. Лапина. Выдвинутые предположения были проверены на данных социологических исследований в Тюменской области.

Ключевые слова: Антропосоциокультурный, сельский, центр, периферия, слоевая близость.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

В контексте изучения консолидации российского общества в новых геополитических реалиях научное и практическое значение приобретает концепт «центр – периферия», интегрирующий не только классические представления о взаимодействии центральных и периферийных районов в процессе их развития [1], но в целом мир – системные представления. В мир – системных концептах центр и периферия – это не только конкретное место проживания человека (или социальной общности), но и логика исторического, социального и других «сложных» процессов, которые не развиваются линейно, отрицают и разрушают простые ограничения и правила [2]. Безусловно, каждая территория имеет свои особенные закономерности развития, которые накладываются и на особенности социума. В этом смысле формируются «периферийное сознание», «периферийное поведение» и другие социокультурные признаки «разорванной реальности». Мир-системные представления помогают развивать социологию села через понимание периферии. История развития социологии сельской жизни исходит от традиций А.В. Чаянова [3]. Достойным продолжением научной традиции стала исследовательская школа Т. Шанина и его последователей [4]. Особо значимы результаты исследований под руководством Т.И. Заславской и И.В. Рывкиной [5], антропосоциокультурный подход к изучению российского проекта цивилизационного развития Н.И. Лапина [6]. На основе теоретических разработок выделен ряд значимых особенностей процессов трансформации в российской деревне, которые на протяжении последних десятилетий систематически вымывали человеческий капитал. Нужно отметить, что после 2000-х гг. государственная поддержка развития села была кратковременной, непоследовательной, но в некоторые периоды вполне успешной.

Если систематизировать представления о центр-периферийных признаках, можно выделить некоторые ее экономико-географические коннотации: 1) низкий исходный уровень социально-экономического развития при низком темпе и неустойчивом характере его динамики; 2) повышенная доля занятых в отраслях первичного сектора и сферы нерыночных услуг, минимальная доля наукоемких отраслей; 3) слабая внутренняя интеграция и ограниченное участие в территориальном разделении труда; 4) преобладание работников с традиционными навыками аграрного труда; 5) однородный или резко контрастный социальный состав; 6) традиционализм населения, отставание социальных новаций; 7) ускоренная поляризация; 8) сохранение консервативности развития, адаптивность функций; 9) ориентация на экстенсивное использование ре-

сурсов. Практически все эти признаки можно применить к современной российской реальности, в особенности для ее сельских территорий. Для нас важно выделить социокультурные признаки периферии и ее особенности в современной реальности.

Методологически инструментарий опирается на разработки социокультурных портретов регионов России [7]. Эмпирические данные, которые были включены в анализ, опираются на исследование 2021 года в Тюменской области в рамках научного проекта РФФИ №20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий» [8]. Выборка квотная, случайная внутри квот, составила 1723 человека (66,7% городские и 33,3% сельские жители; 46% мужчин и 54% женщин). Отклонения от структуры генеральной совокупности в разрезе пол/возраст/тип поселения не превышают 2,2%.

Если рассматривать самооценки материального положения, социального самочувствия, уровня доверия жителей сельских поселений, малых городов и региональной столицы, то нет принципиальных различий между городом и селом. Тем не менее, проявляется значимое снижение в сельских поселениях компонент социального оптимизма, уверенности в будущем, удовлетворенности жизнью в целом, уровня самостоятельности. Сельские жители по ряду причин ощущают себя менее уверенно, но при этом они в меньшей степени подвержены критическим настроениям при оценке всех сторон своей жизни. Жители малых периферийных городов в ряде случаев оказываются более критичны, чем сельские жители или жители региональной столицы.

Центр-периферийные представления можно анализировать, например, по структуре ответов (рисунок). Сельские жители практически по всем осям указывают большую слоевую близость, чем жители региональной столицы. Более подробно раскрывается структура региональных идентичностей при анализе влияния таких факторов, как образование, уровень дохода и занятость. Сделан вывод о важности факторов, определяющих структуры центр-периферийных представлений.

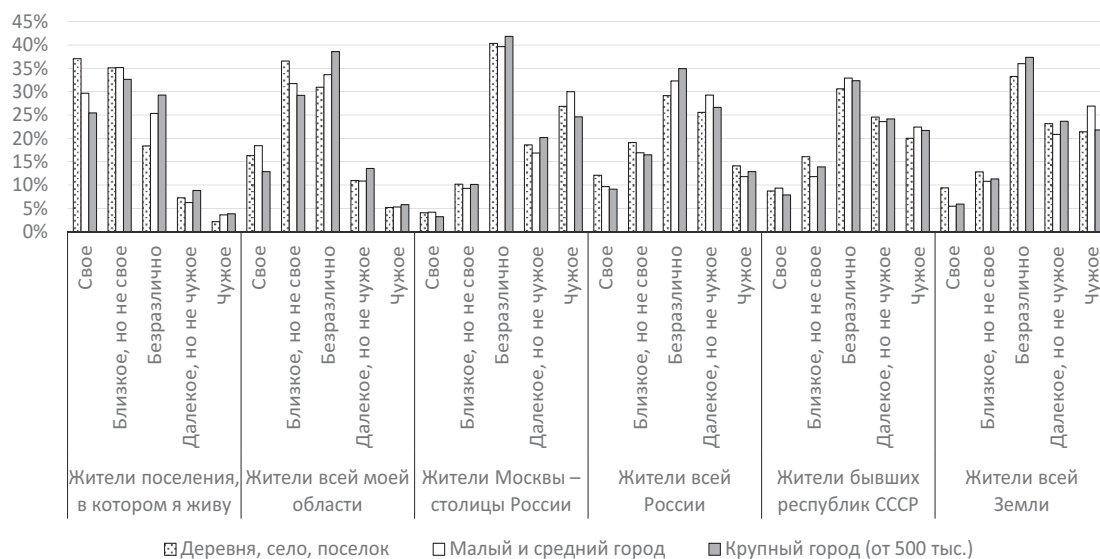

Рис. Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность (свое – чужое) с ...», 2021 год, Тюменская область, % от числа опрошенных

Библиографический список

1. Friedman J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge: MIT Press, 1966.
2. Wallerstein I. World-Systems Analysis. Social Theory Today. Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.
3. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: избр. труды / редкол.: Л.И. Абалкин (предисл.) [и др.]. Москва: Экономика, 1989. 492 с.
4. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2002. 592 с.
5. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 442 с.
6. Лапин Н.И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3 (1). С. 6–42.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». Москва: МФ РАН, 2010.
8. Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Худякова М.В. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

Информация об авторе

Ромашкина Гульнара Фатыховна (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; g.f.romashkina@utmn.ru).

Romashkina G.F.

THE CENTER-PERIPHERY IN THE PERCEPTION OF THE VILLAGERS

Abstract. *The article considered the socio-cultural aspects of the center-peripheral representations. Theoretical and methodological ideas are based on the traditions of rural sociology, the anthroposociocultural approach of N.I. Lapin. The assumptions put forward were verified by the results of sociological research in the Tyumen region.*

Key words: *Anthroposociocultural, rural, center, periphery, layer proximity.*

Information about the author

Gulnara F. Romashkina (Russia, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen (6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia; g.f.romashkina@utmn.ru).

References

1. Friedman J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela, Cambridge: MIT Press, 1966.
2. Wallerstein I. World-Systems Analysis. Social Theory Today. Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.

3. Chayanov A.V. Peasant economy: Selected works. Editorial ser.: L.I. Abalkin (pred.) et al. Moscow: Ekonomika, 1989.
4. Reflexive peasant studies. Decade of research in rural Russia. Edited by T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilova. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2002.
5. Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. Sociology of Economic Life. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdnie, 1991.
6. Lapin N.I. «The Russian project of civilizational development» and the anthroposociocultural approach. Problems of civilizational development, 2021, 3 (1), 6–42.
7. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Program and standard tools «Socio-cultural portrait of the region of Russia». Moscow, 2010.
8. Davydenko V.A., Andrianova E.V., Khudyakova M.V. Modern world contexts of rural sociology in the realities of Russian rural life. Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies, 2020, 6 (3), 23, 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

СЕКЦИЯ № 1

**Цивилизационные вызовы развития России
в новых социально-политических обстоятельствах**

ФИЛОСОФИЯ НАИВЫСШЕГО СОЗНАТЕЛЬНОГО И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБМАНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается феномен обмана как элемент негативных социокультурных изменений, происходящих в российском обществе. Показано, что обманливые действия людей оказывают тормозящее влияние на социально-экономическое развитие регионов России. Приводятся данные о распространенности обмана в молодежной среде и анализируются причины, порождающие его. Описывается мысленный «эксперимент с обманом» и интерпретируются его результаты. В связи с этим предлагается развивать в человеке нравственно-этические качества наивысшего сознательного, способствующие консолидации общества и решению глобальных проблем современности.

Ключевые слова: человек, общество, социокультурная эволюция, наивысшее сознательное, обман, распознавание обмана.

В современных геополитических условиях развития российского общества возрастает роль человечества как «движущей силы» устойчивого развития нашей страны и ее регионов. Однако в последние годы все чаще выявляются проблемы, связанные с социокультурными изменениями в российском обществе, тормозящими социально-экономическое развитие страны и мешающими консолидации населения в новых геополитических реалиях и, в том числе, в условиях санкций. В частности, у российских граждан отмечается снижение уровня морального сознания и роли таких этических качеств, как честность, справедливость, долг, совесть, честь и возрастание уровня безнравственного поведения и обмана. Обман при межличностных взаимоотношениях людей стал нормой поведения не только в политике, экономике, СМИ, спорте, искусстве, педагогике и науке, но и в повседневной жизни многих людей. Как отмечает Е.Н. Чекушкина [1], среди многочисленных проблем российского общества, порожденных кризисом нравственной культуры, значимой является проблема выявления динамики содержания феномена обмана. Обман как многофункциональный феномен рассматривается как сложное переплетение поведенческих, интеллектуальных и нравственных аспектов личности и как инструмент достижения социального, политического или культурного успеха [2]. Известный философ Д.И. Дубровский подчеркивает необходимость исследования феномена обмана как неустранимого фактора межличностных и социальных коммуникаций, отмечает важность учета различных форм обмана и соответствующих ему свойств сознания [3]. С другой стороны, обманливые действия должностных лиц и простых граждан России наносят существенный вред экономике нашей страны, разобщают, а не консолидируют общество, вносят определенный разлад в его политическое и социальное устройство и, как следствие, тормозят экономическое развитие регионов. Вот почему воспитание в человеке высших нравственно-этических качеств личности имеет сейчас первостепенное значение. В то же время мы четко понимаем, что без искоренения злонамеренных обманливых действий при межличностных и социальных коммуникациях деловых людей затруднительно сохранение материальных ресурсов страны, планомерное и устойчивое развитие регионов.

Однако отметим, что человек по своей природе обладает высшим сознанием, но не всегда может его реализовать в повседневной жизни. Высшее состояние со-

знания в человеке является источником ценностей и этики в целом. Пути развития сознания и реализация высших состояний сознания создают альтернативу узкотехнологическому развитию человеческой цивилизации. Этот путь позволит решить глобальные проблемы, стоящие перед современным обществом: демографические, военно-технические, экологические, энергетические, проблемы нехватки ресурсов, угрозы деградации культуры [4]. Вот почему можно в полной мере согласиться с мнением М.В. Жулькова, поскольку мы так же, как и он, полагаем, что наивысшее сознательное, имеющееся в человеке позволяет осуществлять ноосферные преобразования, составляющие основу российской экономики. В этом отношении можно сказать, что именно наивысшее сознательное изменяет природную человеческую сущность [5]. Какие же качества наивысшего сознательного позволяют человеку достигать успехов в жизни и во всех сферах его деятельности? На наш взгляд, к таким качествам можно отнести честность, справедливость, долг, совесть, честь, красоту, искренность, открытость, ответственность, целеустремленность, доброжелательность, трудолюбие, упорство, решительность, аккуратность, вежливость, дисциплинированность, жизнерадостность, воспитанность, дружелюбие и взаимопомощь. Также важнейшими морально-этическими качествами наивысшего сознательного в человеке являются сострадание и уважение к людям, терпение и отзывчивость, сочувствие и милосердие, строгость и рассудительность, а также скромность, искренность и доброта. Без развития этих основополагающих человеческих качеств невозможно построить цивилизованное человеческое общество.

В то же время обман как элемент негативных межличностных человеческих взаимоотношений является неприемлемым и вредоносным фактором, который, к сожалению, еще достаточно широко распространен в российском обществе. Однако менталитет российского человека, его природная данность таковы, что он в принципе не нацелен на постоянный обман своего собеседника. Особенно это касается лиц юношеского возраста. Имеющиеся у нас данные показывают, что около 10% представителей студенческой молодежи вообще не обманывают людей, 85% очень редко обманывают и лишь 5% часто обманывают своего собеседника при разговоре. Что касается причины обмана, то в большинстве случаев она связана либо с материальной выгодой, либо имеет «благородные» намерения, так называемая «ложь во благо», чтобы не расстраивать близкого человека и не причинять ему боль. В редких случаях обман используется человеком как сознательная манипуляция людьми, шутка, розыгрыш или лицемерие. С нейронаучной точки зрения обман носит сознательный характер и имеет место, например, в ситуациях, когда надо избежать конфликта, и лишь в редких случаях человек может неосознанно обманывать. Это может проявляться при недоговаривании чего-либо или при передаче непроверенной (ложной) информации. Психологи говорят, что обман можно успешно распознать. Так известный американский психолог П. Экман [6] считает, что скрыть обман чрезвычайно сложно, поскольку микровыражения и микрожесты человека всегда выдают в нем лжеца. В связи с этим проведем мысленный «эксперимент с обманом». Допустим, вам необходимо устроиться на ответственную работу, но перед этим надо пройти психологическое обследование. В кабинете сидит опытный психолог, которому нужно выяснить характерные черты вашей личности, например, посредством десяти «неудобных» для вас вопросов. Сможете ли вы сознательно обмануть психолога, скрыв имеющиеся негативные факты своей биографии? Можно предположить, что если вы не лжец, то обман вам удастся скрыть от одного до пяти раз, поскольку

вашу ложь будут выдавать вербальные и невербальные признаки: мимика, дрожание голоса, покраснение лица, блеск глаз, жестикауляция, отвод взгляда в сторону, потливость и др. Поэтому, если вы не отъявленный лжец, то вам лучше не обманывать людей. С философской точки зрения истинность или ложность высказывания человека непременно связана с сознанием и разумом. В этом отношении еще В.И. Вернадский указывал на то, что на каждом шагу мы видим замену точного и истинного ложным и неправильным. По его мнению, новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры, создает в настоящее время ноосферу [7].

Таким образом, хотя обман и является составной частью межличностных отношений и человеческого бытия, он не мешает развивать в себе нравственно-этические качества наивысшего сознательного, а это непреходящий залог консолидации всех слоев нашего общества и его успешного социально-экономического развития России.

Библиографический список

1. Чекушкина Е.Н. Этико-философский аспект функций феномена обмана // Гуманитарий. 2008. № 7. С. 74–78.
2. Хакимова Ю.М. Проблема обмана как психологического феномена // Пензенский психологический вестник. 2017. № 2 (9). С. 94–109.
3. Дубровский Д.И. Нейроэтика: некоторые актуальные философско-методологические вопросы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 1. С. 24–41.
4. Жульков М.В. Восточный путь самосовершенствования человека: высшие состояния сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 81–86.
5. Артеменков А.А. Категория «мозг» в решении междисциплинарных нейронаучных проблем современности: наивысшее сознательное // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер.: Философские науки. 2022. № 2. С. 32–48.
6. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 304 с.
7. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Москва: Т8RUGRAM, 2017. 576 с.

Информация об авторе

Артеменков Алексей Александрович (Россия, Череповец) – кандидат биологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет.

Artemenkov A.A.

PHILOSOPHY OF THE HIGHEST CONSCIOUSNESS AND THE PHENOMENOLOGY OF DECEPTION IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The article deals with the phenomenon of deception as an element of negative socio-cultural changes taking place in Russian society. It is shown that the deceitful actions of people have an inhibitory effect on the socio-economic development of Russian regions. Data on the prevalence of deception among young people are given and the reasons that give rise to it are analyzed. A mental «experiment with deception» is described and its results are interpreted. In this regard, it is proposed to develop in a person the moral and ethical qualities*

of the highest conscious, contributing to the consolidation of society and the solution of global problems of our time.

Key words: *human, society, sociocultural evolution, higher consciousness, deception, deception recognition.*

Information about the author

Aleksey A. Artemenkov (Russia, Cherepovets) – PhD in Biology, Associate Professor, Cherepovets State University.

References

1. Chekushkina E.N. Ethical and Philosophical Aspect of the Functions of the Deception Phenomenon. *Humanitarian*, 2008, 7, 74–78.
2. Khakimova Yu.M. The problem of deception as a psychological phenomenon. *Penza Psychological Bulletin*, 2017, 2 (9), 94–109.
3. Dubrovsky D.I. Neuroethics: some topical philosophical and methodological issues. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, 4 (1), 24–41.
4. Zhulkov M.V. The Eastern Way of Human Self-Improvement: Higher States of Consciousness. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Studies. Questions of Theory and Practice*, 2014, 11 (49), 1, 81–86.
5. Artemenkov A.A. Category «brain» in solving interdisciplinary neuroscientific problems of our time: the highest conscious. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 2022, 2, 32–48.
6. Ekman P. *Psychology of lies. Lie to me if you can*. St. Petersburg: Piter, 2010.
7. Vernadsky V.I. *Biosphere and noosphere*. Moscow: T8RUGRAM, 2017.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ И МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ТОРМОЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?

Аннотация. Современная Россия представляет собой гетерогенную общность, в которой регионы, территории, общности различаются уровнем экономического развития, наличием человеческого капиталом, преобладанием трудовых навыков населения, за которыми стоят более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер. Цивилизационная гетерогенность России сопряжена с модернизационной гетерогенностью, которая должна учитываться при анализе перспектив социокультурного развития страны и регионов и при формировании целостного цивилизационного облика страны.

Ключевые слова: цивилизация, гетерогенное общество, модернизация.

В статье рассмотрены два подхода к анализу гетерогенности российского общества в их взаимосвязи и взаимовлиянии – цивилизационная и региональная социокультурная гетерогенности. Если последняя в нашем коллективе широко исследована на протяжении более двух десятилетий на примере 25 регионов, то цивилизационная гетерогенность пока не стала предметом изучения не только нашим межрегиональным коллективом, но и вообще в междисциплинарных исследованиях в нашей стране. Между тем эта проблематика становится все более острой и актуальной в современных геополитических условиях, в которых оказалась наша страна. Вопросы цивилизационной принадлежности России становятся объектом острых научных дискуссий и политического выбора, затрагивают жизненные миры населения. И здесь важно ориентироваться в тех представлениях о российской цивилизации, которые сформулированы в последние годы в наиболее ярких работах российских ученых, профессионально занимавшихся этой проблемой¹. По необходимости приходится ограничиваться в данном тексте только кратким упоминанием отдельных мыслей и идей этих авторов. Но начну я с Питирима Сорокина, который считал, что большинство цивилизаций – это не столько «культурные системы», сколько крупные социальные общности (социальные системы), сложившиеся на основе центрального ядра [1, с. 48–49].

Современные авторы выделяют следующие основные типологии цивилизаций: традиционные – техногенные, восточные – западные, традиционные – либеральные и др.² Для В.С. Степина традиционные общества характеризуются замедленными темпами социальных изменений. Конечно, в них также возникают инновации как в сфере производства, так и в сфере регуляции социальных отношений, но прогресс идет очень медленно по сравнению со сроками жизни индивидов и даже поколений. Соответственно, в культуре этих обществ приоритет отдается традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления.

¹ В Институте философии в настоящее время разрабатывается тема «Российский проект цивилизационного развития», в рамках которой готовятся к публикации материалы видных современных российских философов и социологов, работавших над проблемами российской цивилизации.

² Из-за ограничения объема статьи сняты сноски на работы авторов, но их легко восстановить при помощи поисковых систем.

В противовес традиционным в техногенных цивилизациях самое главное и действительно эпохальное состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое. Техногенная цивилизация существует чуть более 300 лет, но она оказалась динамичной, подвижной и очень агрессивной: она подавляет, подчиняет себе, переворачивает, буквально поглощает традиционные общества и их культуры. Такое активное взаимодействие техногенной цивилизации и традиционных обществ, как правило, оказывается столкновением, которое приводит к гибели последних, к уничтожению многих культурных традиций, по существу, к гибели этих культур как самобытных целостностей. Но именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге своего самоуничтожения.

А.С. Панарин видел фундаментальные основания в различии двух типов цивилизаций и культур: восточных и западных. При этом учитываются их фундаментальные ориентации: запад – на искусственный, технологически воспроизводимый мир, восток – на естественный космически планетарный мир. Панарин предугадал сегодняшние геополитические вызовы, рассматривал их в контексте процессов модернизации и глобализации и наметившегося мирового смещения цивилизационного центра с Запада на Восток. Эти процессы оценивались автором как новый «исторический шанс» для цивилизационного развития России и одновременно как возможная угроза ее существованию, если не будет своевременно налажен плодотворный диалог православных, мусульманских и иудейских социально-культурных традиций. Россию Панарин представлял как гетерогенную западно-восточную страну, не усыновленную ни одной из цивилизационных ниш. Поэтому ее существование – рискованное, а историческая судьба – драматична.

А.С. Ахиезер выделил два типа суперцивилизаций: а) традиционную, означающую простое воспроизводство и основанную на ценностях неизменности человеческих отношений; б) либеральную, основанную на ценностях развития и прогресса. Каждая из них может перейти в деструктивное состояние, превращающееся в кризис и завершающееся катастрофой. Движение России между двумя основными цивилизациями приобрело конфликтный, неорганический характер, получивший свое яркое воплощение в сложном явлении, которое можно назвать расколом – как социокультурный раскол внутри общества, между элитой и низами, обществом и государством, даже внутри сознания отдельного человека и т.д.

Российское общество в представлении Ахиезера – это промежуточное, «застрявшее» между двумя основными суперцивилизациями: традиционной и либеральной. Россия, сдав определенные позиции традиционализма в пользу утилитаризма, не смогла пока найти в себе достаточно творческих сил для перехода к либеральной суперцивилизации.

Некоторыми учеными поставлен вопрос о вхождении России как локальной цивилизации во всемирную или планетарную цивилизацию. Так, В.М. Межуев считал, что всемирная цивилизация объединяет в себе все локальные цивилизации, в том числе и Россию: «Россию трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся, во всем отличную от Запада цивилизацию. Существование России в качестве особой цивилизации можно поставить под сомнение, если понимать под цивилизацией не просто культуру, а определенное общественно-экономическое и политическое состояние». Автор делает вывод, что, только сознавая свою причастность к общечеловеческой судьбе, к судьбе цивилизации,

способной стать универсальной, Россия может сохранить себя в качестве самостоятельного субъекта истории.

Напротив, В.Л. Цымбурский показывает, что цивилизационное единство – это только иллюзия, реально существуют непреодолимые геополитические разломы. Россия по всем своим исходным характеристикам не вписывалась в западный мир, однако она не всегда сознавала это обстоятельство и почти никогда не руководствовалась в своих действиях этим пониманием.

В.Ж. Келле видел локальную цивилизацию как социокультурную систему, включающую в себя материальную и духовную, объективную и субъективную стороны, социальное и культурное начала общественной жизни в их органическом единстве. Эта общность не однородна, она включает разные цивилизационные образования, обуславливающие ее гетерогенный характер.

Есть мнение, что Россия, как и Латинская Америка, относится к пограничному типу цивилизаций, для которых характерно многообразие, преобладающее над единством по сравнению с цивилизациями классического типа.

А.В. Смирнов под термином «цивилизация» понимает культуру, воплощенную «в материале», застывшую в виде артефактов. Вместе с тем он подчеркивает, что в крупных цивилизациях существует своя логика рациональности, например, в европейской – субстанциальная, в арабо-мусульманской культуре – процессуальная. Всечеловеческое видится Смирнову как «национальная идея», способная органично собрать все культурно-цивилизационные потоки современной России на общегуманитарном внеконфессиональном культурном пространстве, обосновать наше общее «мы».

По отношению к России Смирнов отмечает, что в общественной науке до сих пор не осмыслен несомненный факт многорелигиозности, многонациональности, многокультурности России. В такой оптике Россия может быть представлена как цивилизационно гетерогенная страна, в которой численно превосходящий русский этнос и православие сосуществуют с другими многочисленными, нередко крупными этносами и религиями, включает в себя многообразие национальных культур.

Столь широкий, но не полностью приведенный здесь спектр цивилизационных подходов заставляет констатировать, что в российском обществоведении не получил удовлетворительного решения вопрос о цивилизационной идентичности современной России, есть потребность исследовать многие параметры социокультурного развития, имеющие цивилизационное значение, в частности, массовое сознание населения, уровни идентичности, языковые и культурные характеристики, миграционные процессы, демографическое поведение групп населения и пр. Такой анализ пока не стал мейнстримом современного дискурса о цивилизационной принадлежности России, между тем как наша страна многоконфессиональная, многонациональная, многоэтническая, многорегиональная, и это ставит актуальный вопрос, что объединяет индивидов, разные общности, проживающие на огромных, природно и географически разнообразных территориях. Есть ли что-то в сознании населения, что превращает или может превратить его в народ, сделает его единым во время внешних угроз и в обычное, неэкстремальное время. Эта задача не получила пока удовлетворительного решения в отечественном обществоведении в силу того, что сама проблема атрибутивных признаков цивилизационного сознания и цивилизационной идентичности до сих пор должным образом не отрефлексирована в теории цивилизаций. В самом общем виде эта проблема рассматривается в таких,

довольно абстрактных понятиях как культурный код, национальная идея, культурная идентичность, ядро культуры каждой локальной цивилизации. Как подчеркивал Н.И. Лапин, причастность каждого человека к той или иной цивилизации, идентичность его мировоззрения со смыслами ядра ее культуры формируется в процессе социализации человека. Одним из вариантов представления цивилизационной идентичности может рассматриваться во взаимовлиянии группа идентичностей: конфессиональная, этническая, национальная, языковая, региональная, гражданская, государственная. Цивилизационная картина, сложенная из таких показателей, может претендовать на рассмотрение России как гетерогенной цивилизации. Но цивилизационная идентичность не сводится к совокупности перечисленных идентичностей. Она более сложное формирование. Проблема идентичностей актуализируется в условиях кризиса и тесно связана с политической ситуацией в стране и мире. Одним из значимых последствий распада СССР явился кризис идентичности, когда традиционные составляющие идентичности перестали выполнять свои функции: объединять, интегрировать, воспроизводить границы и дистанции, выступать центром ориентации для большинства российского народа. Современная конфликтная ситуация вокруг Украины также вносит значительные изменения в идентичность населения России, переопределяет ее место в мире и это дает основания предполагать, что общество, его социальные группы неоднозначно воспринимают идентификационные послы, в том числе цивилизационные, транслируемые сверху. В связи с такой ситуацией цивилизационное сознание имеет перспективу в изучении ценностных ориентаций личности и социальных общностей, их динамики.

Сложной и также недостаточно изученной является проблема взаимосвязи цивилизационной гетерогенности России и различий регионов по уровню модернизации. Здесь как бы взаимодействуют два типа гетерогенностей – цивилизационная и модернизационная. Отмечу, что Н.И. Лапин одним из первых поставил вопрос о цивилизационных смыслах разных уровней модернизации регионов России [14]. В своей статье он задает вопрос: не таятся ли за модернизационными различиями более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер? Действительно, так исторически сложилось, что южные регионы фронта представляют в своем большинстве многоконфессиональные, многоэтнические, многокультурные образования. Они же занимают нижние позиции по уровню модернизационного развития среди регионов страны. На нижнем уровне находятся два федеральных округа – Южный и Северо-Кавказский. Средний уровень составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный. Выше среднего уровня располагается Уральский федеральный округ, а самый высокий уровень представлен Северо-Западным и Центральным федеральными округами. Можно предположить, что модернизационное развитие округов и регионов определяется не только исторически сложившимися структурами, традициями и инвестиционными стратегиями Центра, но и тем человеческим потенциалом, который есть на этих территориях. Этот потенциал характеризуется уровнем образования, профессиональной подготовкой, ориентациями на рациональные, инновационные действия, или на сохранение используемых практик, на традиционные или современные ценности. Успех модернизации определяется, в том числе, и массовостью традиционных или современных типов личности, приверженностью их традициям или инновациям. Видимо, на низкомодернизированных территориях недостаточно активно развивался человеческий потенциал.

Итак, при всех теоретических и методологических сложностях определения цивилизационной принадлежности России необходимым является учет уровня модернизационного развития регионов, федеральных округов, их внутренней модернизационной гетерогенности. В то же время постепенное сокращение модернизационных дистанций не может быть преодолено без раскрытия и использования цивилизационных факторов – этнокультурных, конфессиональных, этнических и других.

Библиографический список

1. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. Москва: Аспект Пресс, 1999. С. 48–49.
2. Лапин Н.И. Дистанции между состояниями модернизованности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 61–71.

Информация об авторе

Беляева Людмила Александровна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН (Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12; bela46@mail.ru).

Belyaeva L.A.

CIVILIZATIONAL AND MODERNIZATIONAL HETEROGENEITY OF RUSSIA: HISTORICAL REGULARITIES OR A RESULT OF THE INDERGATION OF THE COUNTRY'S DEVELOPMENT?

Abstract. *Modern Russia represents a heterogeneous society in which the regions, territories, communities differ in the level of economic development, available human capital, the prevalence of population's labor skills, backed by deeper socio-cultural bases of civilizational character. The civilizational heterogeneity of Russia is associated with modernization heterogeneity, which should be taken into account while analyzing the prospects for the socio-cultural development of the country and its regions, as well as forming an integral civilizational image of the country.*

Key words: *civilization, heterogeneous society, modernization.*

Information about the author

Lyudmila A. Belyaeva (Russia, Moscow) – Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes, Institute of Philosophy RAS.

References

1. Sorokin P. General principles of civilizational theory and its criticism. Comparative study of civilizations: reader. Comp. B.S. Erasov. Moscow: Aspect Press, 1999, 48–49.
2. Lapin N.I. Distances between the states of modernization of macro-regions of Russia and their civilizational meanings. Social sciences and modernity, 2015, 5, 61–71.

ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПРОГНОЗЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Аннотация. В XXI веке Россия существует в контексте вызовов, обусловленных многообразием складывающихся трендов в различных сферах общества, в условиях изменяющейся геополитической ситуации в мире. Вызовы носят системный характер, они затрагивают экономику, политику, социальную сферу, инновации, технологии и влияют на человеческий потенциал страны, его особенности и качество. В связи с этим вопрос об образе будущего, целеполагании в цивилизационном развитии и роли человеческого потенциала становится особенно актуальным. Важным и все более востребованным в современном геополитическом контексте помимо эмпирического становится метод прогнозирования возможных изменений и рекомендаций в его использовании в процессах трансформации общества и человека. В статье автор обращается к ряду научных прогнозов, в которых даются возможные рекомендации на складывающиеся тенденции, которые могут быть учтены в развитии России и в поиске путей адекватного реагирования на вызовы. Это ряд прогнозов исследований ученых академических институтов «Мир-2035» Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, теоретиков и практиков бизнеса «Вызов-2035». В них рассматриваются проблемы, связанные с управлением разнообразием и поиском путей консолидации человеческого потенциала народа, образом будущего, прогнозы в сфере труда, занятости и мотивации развития, а также влияния новейших технологий. Обобщая данный материал, автор приходит к выводу об определяющей роли согласия на развитие, консолидации человеческого потенциала народов Российской Федерации для ответов на многообразие вызовов, консолидации в реализации привлекательной и эффективной модели развития России на основе всесубъектности и всечеловечности.

Ключевые слова: вызовы, прогнозы, будущее, человеческий потенциал, консолидация.

Вопросы, связанные с образом будущего в его различных измерениях, становятся в XXI веке важными, потому что мир вступает в эпоху неопределенности, обусловленной многообразием складывающихся трендов, как на глобальном, так и на региональном уровнях, формируется новый мировой геополитический порядок. Многие из вызовов имеют отношение к человеческому потенциалу страны и требуют философского подхода к их анализу. «На смену противостоянию социализма и капитализма приходит конфликт интересов, ценностей и идентичностей с сильными национальными, религиозными и историко-культурными акцентами» [2, с. 11]. Изменения носят системный характер, они затрагивают экономику, политику, социальную сферу, инновацию и технологии. Для России, прошедшей этап социализма в своей истории, вопрос о выборе пути в будущее имеет принципиальное значение. В качестве репрезентации обратимся к двум таким прогнозам. «Мир-2035» [2] и «Вызов-2035» [3].

В концептуальном подходе «Мир-2035. Глобальный прогноз», развиваемый экспертным сообществом национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) отмечаются такие вызовы. Вызов в мире идей обусловлен противоречиями между раз-

личными мировоззренческими системами, между которыми идет жесткая конкуренция за влияние на сознание людей. Вызовы в мире политики связаны с усилением конфликтности, а в сфере социальной политики связаны с растущим неравенством в старых и новых формах и поисками путей адекватного на них реагирования. Это также вызовы новейших технологий, резко повышающие их роль как фактора, влияющего не только на экономическое развитие, но и на индивидуальное и общественное сознание. Это и вызовы неравномерности развития стран и регионов вследствие масштабных структурных сдвигов в производстве, а также вызовы культурного разнообразия, безопасности и климатических изменений.

Что может ждать нас в будущем на основе складывающихся тенденций? Авторы прогнозов считают, что миру предстоит столкнуться с масштабным переформатированием структуры общества: размыванием среднего класса и уходом в недостижимый отрыв новой элиты, формирующейся на базе экономики знаний и инноваций постиндустриального типа цивилизационного развития.

В прогнозе подчеркивается, что в мире начала XXI века так и не выработана новая концепция развития, способная стать альтернативой «безответственному развитию», основанному на эксплуатации природных ресурсов, использовании технологий манипулирования общественным сознанием. В качестве ключевого ответа на вызовы, и это особенно важно для философского ракурса рассмотрения и глубокой теоретической проработки, предлагается идеал продвижения к «желаемому завтра», определяемый как ответственное развитие. В качестве приоритетов такого развития выдвигается идея использования возобновляемых источников, в первую очередь интеллектуальных источников социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Этот приоритет выделяет фактически значимость роли человеческого потенциала, творчества и культурно-этических мотиваций в деятельности, причем речь идет «в долгосрочной перспективе о возвращении к дискурсу нравственной мотивации развития и поискам адекватных путей его политического и экономического обеспечения» [2, с. 83].

Складывающиеся тенденции позволяют прогнозировать будущее, к которому следует готовиться. Эти тенденции также связаны с человеческим потенциалом. Наибольшие изменения прогнозируются в сфере труда, занятости, социальной сфере, мотивации развития человека. Важно также отметить, что при таком образе будущего, возникнут проблемы, решение которых необходимо предлагать и продумывать уже сегодня. Сокращение качественных рабочих мест и рабочих мест вообще, перевод на «безлюдные технологии» ведет к распространению бедности и неравенства в еще больших масштабах, чем это было в индустриальную эпоху. Как реакция на эти процессы идет «размывание социального государства» и среднего класса. Эти изменения усилятся в будущем, они воспринимаются как нарушение справедливости и могут принимать форму межэтнических, межконфессиональных и социально-экономических конфликтов.

Для России с ее многоэтническими, многоконфессиональными особенностями предложение о формировании и реализации привлекательной и эффективной модели национального развития на основе всесубъектности (А.В. Смирнов) [4] и консолидации (собрания) человеческого потенциала страны, достижения согласия на развитие, имеет принципиальное значение.

Возможно, что речь должна идти в согласии общества на мобилизацию, очередную в истории России. Возможно, как это было перед Великой Отечественной во-

йной и затем победой в ней, в построении социализма и современного индустриального общества. В современных условиях возможно, это согласие на прорыв в технологическом плане, в технологиях, способных поднять эффективность экономики, опираясь уже на другие идеи, такие как сохранение суверенитета, статуса «великой державы».

Авторы данного глобального прогноза в разделе «Россия в мире. Стратегические рекомендации» [2, с. 327–350] анализируют вызовы, риски и дают соответствующие рекомендации в сфере идеологии, инновационного развития, институциональных вызовов в управлении, экономике, социальной сфере, международной безопасности. О России в будущем мире отмечается: «Главная стратегическая рекомендация России состоит в том, что в течение предстоящих двух десятилетий ей предстоит найти свои, достойное ее место и роль на новом этапе мирового развития. Последнее означает прежде всего сохранение и повышение ее места в иерархии силы и ответственности на основе структурной перестройки российской экономики, роста ее технологического уровня. Это создает условия для повышения политической роли России в решении региональных глобальных проблем и позволит ей претендовать на роль одного из глобальных лидеров» [2, с. 348]. Поэтому и роль человеческого потенциала как главного ресурса многократно возрастает в социальных изменениях технологического и геополитического развития.

Другой прогноз будущего «Вызов-2035» подготовлен группой аналитиков и практиков бизнеса, акцентирует проблематику будущего в связи с наступлением нового технологического уклада, анализирует влияние новых технологий на трансформацию и развитие человека. Авторы данного прогноза отмечают, что в мире разворачивается конкуренция за образ будущего, особенно это касается гуманитарной сферы. В связи с этим остро стоят вопросы о радикальном продлении человеческой жизни на основе современных технологий, возникновения рынка человеческих способностей, изменении общественного отношения к приватной персональной информации, поскольку речь идет о сохранении суверенитета личности под мощным давлением всепроникающих СМИ и глобальных информационных структур масс-медиа.

Кроме этих проблем, в прогнозе представлена модель «кремниевых долин», в картине которой прогнозируется как человеческий потенциал, таланты могут быть распределены в сценарии глобальных геополитических процессов. Речь идет об авангардных лидерах изменений – о субобществах (кластерах) ведущих экономик («кремниевые долины»). «В них воспроизведено общество будущего – нестареющее, креативное, техноинтегрированное; экономика будущего – роботизированные производства, сервисы, транспорт, стартап-экономика» [3, с. 47]. Такие кластеры «долин» становятся безусловными лидерами агрегации талантов, провоцируя отток неудачников (людей и бизнесов) в зону обеспечивающего «зеленого» пояса. «Зеленые», «желтые» и «красные» пояса – ресурсообеспечивающие, прежде всего человеческими ресурсами и талантами. Это политика глобального управления. Авторы прогноза считают, что «Россия в последние 30 лет дрейфует из потенциально «зеленого» пояса (мечта перестройки), в «желтый» (1990–2000 гг.) и в перспективе в «красный» – в настоящее время мы находимся на их границе. Дальнейшая траектория зависит от глобального сценария и выбора нашей страны» [3, с. 49].

Как бы ни относиться к этому экзотическому сценарию / прогнозу, модели «кремниевой долины», важно понимать, что Россию он не устроит. Она имеет богатую

историю и культуру, способную не только на интеллектуальных и технологических основах быть и остаться в статусе великой державы, сохраняющей суверенитет, но иметь и сохранять культуру как духовную основу духовно-нравственной жизнеспособности российской нации.

На важность духовной культуры и ее роли в формировании человеческого потенциала народа обращает внимание академик В.А. Тишков. Он ставит важный вопрос: почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир. Его ответ в национальном самосознании – идентичности, которая делает россиян народом-нацией. В.А. Тишков подчеркивает, что «солидарность и повседневная лояльность, т.е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим, составляет основу того, что называют национальным самосознанием или идентичностью» [5, с. 22].

В современных геополитических условиях, когда идеи войны все чаще звучат и реализуются военные конфликты, в которые вовлечена в настоящее время Россия, вопросы консолидации и духовно-нравственных оснований приобретают особую актуальность. В связи с этим представляет интерес антропологический анализ экзистенциальных проблем победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., проведенный в Институте этнологии и антропологии РАН, где был поставлен вопрос: каковы именно были основные факторы мобилизации и консолидации граждан разных национальностей и разной судьбы в условиях жизни предвоенных лет. В результате исследования были выявлены следующие факторы: «Ощущение реальной угрозы физического уничтожения большого числа людей от нацизма; угроза разрушения исторической государственности, включая внутренние этнотерриториальные автономии в форме республик; вера в справедливость социального строя и его преимущества как итог идеологической индоктринации и повседневного опыта советского строительства; жесткие условия мобилизации и дисциплинирования людей в тылу, на фронте, в эвакуации и партизанских отрядах; важнейшими факторами стали вера в «правое дело» и в победу над врагом, исходившее от руководства страны, прежде всего от Сталина; обращение к теме славного прошлого русской истории, защиты Отечества, а также сформировавшаяся «снизу» и «сверху» ненависть к врагу». [6, с. 35–36]. Эта Великая Победа стала ключевым фактором общенациональной идентичности, одной из основ отечественного патриотизма.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Вызовы цивилизационного развития в XXI веке как в мире, так и в России носят системный характер, проявляющийся в экономике, технологиях, социальной сфере и предполагают многообразие ответов при эффективной реализации человеческого потенциала. В разработке и реализации привлекательной модели цивилизационного развития России с ее многоэтническими и многоконфессиональными особенностями идеи все субъектности и консолидации человеческого потенциала приобретают принципиальный характер. В этом процессе духовная культура как целеполагание в развитии и ее исторические традиции и историческая память могут укреплять человеческий потенциал, как главный ресурс модернизации страны и завоевания ею статуса великой державы, способной давать адекватные ответы на встающие перед ней вызовы.

Библиографический список

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. Москва: Весь мир, 2016. 360 с.

2. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.П. Дынкина. Москва: Магистр, 2017. 352 с.
3. Вызов 2035 / сост. И.Р. Агамерзян [и др.]. Москва: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.
4. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. Москва: Изд. дом ЯСК, 2019. 216 с.
5. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва: Наука, 2013. 649 с.
6. Тишков В.А. Ярость благородная. Великая победа и советский народ (антропологический подход) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва: ИЭА РАН, 2018. Вып. 242. 44 с.
7. Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / ФГБУН ВолНИЦ РАН; под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабуновой. Москва: Весь мир, 2022. 190 с.

Информация об авторе

Веряскина Валентина Петровна (Россия, Москва) – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии РАН. (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; vveryaskina@gmail.com).

Veryaskina V.P.

CHALLENGES TO THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE XXI CENTURY: FORECASTS, TRENDS AND IMAGE OF THE FUTURE

Abstract. *In the 21st century, Russia exists in the context of challenges caused by the variety of emerging trends in various spheres of society, in the context of a changing geopolitical situation in the world. The challenges are systemic in nature, they affect the economy, politics, social sphere, innovations, technologies and affect the country's human potential, its features and qualities. In this regard, the question of the image of the future, goal-setting in civilizational development and the role of human potential becomes especially relevant. Important in the modern geopolitical context is, in addition to the empirical, the method of predicting possible changes and recommendations for their use. In the article, the author refers to a number of scientific forecasts that provide possible responses to challenges and emerging trends that can be taken into account in the development of Russia and the search for ways to adequately respond to challenges. This is a series of forecasts of research by scientists from academic institutions «Mir-2035» of the Institute of World Economy and International Relations. Primakov, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N.Miklukho-Maclay, theorists and practitioners of business «Challenge-2035». They address issues related to managing diversity and finding ways to consolidate the human potential of the people, the image of the future, forecasts in the field of work, employment and development motivation, as well as the impact of the latest technologies. Summarizing this material, the author comes to the conclusion about the decisive role of consent to development, consolidation of the human potential of the peoples of the Russian Federation to respond to a variety of challenges, consolidation in the implementation of an attractive and effective model of Russia's development based on all-subjectivity and all-humanity.*

Key words: *challenges, forecasts, future, human potential, consolidation.*

Information about the author

Valentina P. Veryaskina – PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; vveryaskina@gmail.com).

References

1. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Col. scientific work. Comp. and otv.red. N.I. Lapin. Moscow: Ves Mir, 2016. 360 p.
2. World 2035. Global forecast. Under the editorship of A.P. Dynkin. Moscow: Master, 2017. 352 p.
3. Agamerzyan I.R. [et al.]. Challenge 2035. Moscow: Olimp-Business, 2016. 240 p.
4. Smirnov A.V. Universal vs. universal. Moscow: LLC «Sandra»: Ed. House of Yask, 2019. 216 p.
5. Tishkov V.A. Russian people: History and meaning of national self-consciousness. Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay RAS. Moscow: Nauka, 2013. 649 p.
6. Tishkov V.A. Rage is noble. The Great Victory and the Soviet People (An Anthropological Approach). Studies in Applied and Urgent Ethnology. Moscow: IEA RAN, 2018. 44 p.
7. Sociocultural evolution of Russia: 30 years of research. VolINTs RAS. Ed. N.I. Lapina, L.A. Belyaeva, A.A. Shabunova. Moscow: Ves Mir, 2022. 190 p.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме становления социального государства на Западе и в России. Показано, что социальное государство – это социальная инновация Запада, которая возникла во второй половине XIX–XX вв. в связи с необходимостью решения проблемы пауперизма. В то же время ключом к пониманию института социального государства является институт социального страхования, который в своей развитой форме впервые был реализован в Германии периода правления имперского канцлера О. фон Бисмарка. Всего же в западном мире возникли три модели социального государства: консервативная, либеральная и социал-демократическая. В России в советский период также была реализована определенная модель социального государства, которая характеризуется как недемократическая. Есть и важные концептуальные различия между государствами социальным и социалистическим. В то же время советская модель социальной политики выполняла важные функции социальной поддержки населения. В современной России созданы предпосылки для формирования социального государства, но «сильное» социальное государство до сих пор не возникло. Это связано с подчинением национальных интересов интересам правящей бюрократии. Демократизация в России может осуществиться только в том случае, если элиты сочтут для себя необходимым опереться на народ.*

Ключевые слова: *социальное государство, капитализм, пауперизм, консерватизм, либерализм, социал-демократия, равенство, справедливость, бюрократия, демократия.*

Как мы писали ранее в своих работах [1], социальная справедливость в последние десятилетия приобрела статус подлинной национальной идеи для России (как, впрочем, и для многих других постсоветских государств, например, Украины или Казахстана). Прежде всего, проблема заключается не столько в бедности населения, сколько в огромных масштабах социально-экономического неравенства. Как показывали социологи Института социологии ФНИСЦ РАН еще во второй половине 2010-х гг., в последние два десятилетия общее благосостояние нашей страны значительно увеличилось (прежде всего, за счет нефтегазовых доходов государства), однако увеличилось и неравенство. Так, разрыв между верхними и нижними 10% населения оценивался в 2016 году как девятикратный, а разрыв между верхним и нижним 1% – уже как сорокакратный [2, с. 26]. Таким образом, можно сказать, что в нашей стране реализовалась своего рода утилитаристская перспектива – общее благосостояние, но без учета благосостояния частей.

При этом интересно обратить внимание на отношение населения к данному высокому уровню неравенства. Оно оценивается как несправедливое и нелегитимное. При этом нельзя сказать, чтобы наши граждане хотели жить в условиях полного социального равенства: неравенства признаются справедливыми, если они проистекают из образования, квалификации и трудового вклада. Идеал же общественного устройства – это общество не классово разделенное, но общество средних слоев (почти по Аристотелю).

Таким образом, как констатируют социологи Института социологии ФНИСЦ РАН, российские представления о справедливости и неравенстве вполне отвечают европейским нормам.

Что же мешает российскому обществу приблизиться к чаемым стандартам социального распределения? Думается, что причиной всего является невыстроенность социального государства.

Однако, прежде чем обратиться к ситуации в нашей стране, скажем несколько важных вещей о формировании социального государства на Западе. Что же такое социальное государство? Социальное государство представляет собой важнейшую социальную инновацию Запада второй половины XIX–XX вв., которая позволила справиться с тенденцией обнищания масс в условиях капиталистического развития. Если говорить об индустриальном развитии западного мира с XVIII века, то надо отметить, что для него характерно, с одной стороны, увеличение благосостояния, с другой стороны – значительное ухудшение положения непосредственных производителей товарной продукции (пролетариата). С чем конкретно это было связано? Здесь много причин, среди которых – конкуренция товаропроизводителей между собой, снижавшая зарплаты, конкуренция продавцов рабочей силы, ввиду ее избыточности, что опять-таки позволяло снижать зарплаты, введение машинного производства и др. В результате мы получаем феномен пауперизации – т.е. обнищания рабочего класса.

Для того чтобы справиться с этой ситуацией, правительства западных стран уже с первой половины XIX века начинают вводить законы в отношении регулирования труда (чтобы облегчить положение женщин и детей). Однако подлинной инновацией стало введение института социального страхования. В литературе описываются различные стадии развития этого института, однако в своем развитом виде социальное страхование реализовалось впервые в бисмарковской Германии, которая стремилась противостоять социал-демократической «заразе». При Бисмарке были приняты три основных закона: о страховании при болезни, о страховании от несчастных случаев, а также при старости и инвалидности. Главная задача Бисмарка – поддержание высокого социально-экономического статуса рабочего класса (консервативная политика), однако позже эти достижения социальной политики были расширены и на другие категории населения. Таким образом, Германия стала первопроходцем в области построения социального государства.

Впоследствии, уже в XX веке сформировались три основные разновидности социального государства: 1) консервативная (корпоративистская) модель; 2) либеральная модель; 3) социал-демократическая модель. Как мы уже сказали, для консервативной модели характерно прежде всего, поддержание высокого социально-экономического статуса отдельных категорий работников; для либеральной – ликвидация бедности и нищеты в масштабах всего общества (модель Бевериджа в Великобритании); социал-демократическая модель отличается одновременно универсализмом (как либеральная) и нацеленностью на высокий уровень жизни населения (как консервативная). Либеральная модель осуществилась прежде всего в англосаксонских странах, тогда как социал-демократическая – в скандинавских (прежде всего, Швеция). Условиями для реализации последней стало многолетнее нахождение у власти социал-демократических правительств вместе с особой общественной и политической культурой Швеции (культура толерантности и компромисса).

Какова же ситуация в нашей стране? Как полагают многие исследователи, социальное государство, хотя и своеобразное, существовало в Советском Союзе. Так, социальный философ В.Г. Федотова [3, с. 427] считает, что социальное государство было в России, но оно отличалось недемократическим характером (в отличие от Западного). В то же время это, советское социальное государство выполняло все ос-

новые функции, присущие и социальному государству на Западе (социальная поддержка населения, субсидиарность, культурное развитие и т.д.).

В то же время, некоторые авторы полагают, что социальное государство и социалистическое государство – это два принципиально разных проекта эпохи модерна. Так, согласно философу Л.Н. Кочетковой, социальное государство на Западе реализовывало собой модель социального компромисса и возникло в условиях наличия частной собственности, рыночной экономики и классового разделения. Совсем не то – советское социалистическое государство. Этот проект был направлен не на конвергенцию, а на замену одного социального строя другим, и на построение бесклассового общества [4, с. 131]. Это важные концептуальные различия, впрочем для нас важно то, что социальная политика была сильной и в Советском Союзе, несмотря на разность общественно-политического строя.

Таким образом, в начале 1990-х гг., вместе с переходом к капитализму, возникли все основные предпосылки формирования социального государства в буржуазном смысле: частная собственность, рыночная экономика, классовое деление. Принцип социального государства был закреплён конституционно. Однако 1990-е гг. – чрезвычайно тяжелое время для российского общества. Как отмечает та же Л.Н. Кочеткова [4, с. 136], это было время беспрецедентных социальных рисков, которые вовсе не компенсировались государством, несмотря на провозглашение социального государства. В то же время, происходила институционализация социального государства – возникли важнейшие фонды: Пенсионного страхования, Социального страхования, Фонд медицинского страхования.

В 2000-е гг. ситуация в плане благосостояния значительно улучшилась (благодаря прежде всего, потоку нефтегазовых доходов), однако вместе с увеличением благосостояния выросло неравенство. Именно эпоха правления нынешнего президента РФ В.В. Путина – это усиление власти чиновничества и постоянный рост неравенства в российском обществе.

Что же мешает построению нормального (как в западных странах) социального государства в современной России? Как полагают некоторые ученые, именно забюрократизированность государства, подчинение общенациональных целей интересам жадной и коррумпированной «элиты». Как пишет, например, экономист О.А. Александрова [5, с. 56–57], в западных странах существует тесное взаимодействие между экономикой и политикой: государство осуществляет значительные социальные трансферты, чтобы поддерживать платежеспособный спрос, тогда как одновременно с этим существует прогрессивная шкала налогообложения, которая позволяет сглаживать социальное неравенство и одновременно с этим осуществлять инвестиции в производство. В России же подобного механизма не существует: фактически нет прогрессивной шкалы, шкала социальных отчислений регрессивная, нет налогов на роскошь и наследство, получаемые государством доходы уходят не в инвестиции, а резервные фонды и т.д. Таким образом, исследователь делает вывод о том, что российская система социальной и экономической политики служит не основному населению, а правящему классу, ориентированному явно не национально.

К похожим выводам приходит и исследователь А.Ф. Храмцов [6], который в своей книге и статьях называет существующую российскую систему «бюролиберализмом», полагая (как и предыдущий автор), что она ориентирована исключительно на интересы правящих элит. Как говорит Храмцов, в России выстроено социальное государство, однако это социальное государство не для населения, а для бюрократии.

Оно напоминает гигантский гейзер, который выбрасывает потоки воды не сверху вниз, а почти исключительно снизу вверх.

Что же делать в данной ситуации, как преодолеть бюрократизм и косность российских правящих элит? Здесь сложилась непростая ситуация. С одной стороны, как отмечает в своей книге известный специалист по модернизации Д.Я. Травин [7], в России не просматривается сколько-нибудь явных признаков дестабилизации существующего социально-политического порядка (власть сильна как никогда, а общество почти не демонстрирует признаков оппозиционности), с другой стороны, существует запрос элит на формирование более четкого правого порядка, который защищал бы эти элиты от наездов тех же «силовиков». Таким образом, реальная демократизация российского общества вряд ли начнется сегодня снизу, и скорее нужно обратить внимание на состояние российских элит, которые рано или поздно предпочтут опереться на население (те или иные его сегменты), для того чтобы закрепить собственное положение. И тогда можно ожидать начала реальных процессов демократизации и дебюрократизации общества.

Что касается социального государства, то его модель в России скорее будет носить смешанный характер, сочетая элементы консервативной (социальное страхование), либеральной (адресность социальной помощи) и социал-демократической (прогрессивная шкала) моделей. Что, впрочем, соответствует общемировым тенденциям.

Библиографический список

1. Канарш Г.Ю. Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. Москва: Ленанд, 2020.
2. Тихонова Н.Е. Материальная сторона жизни в мечтах россиян и в реальности // «Идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае / отв. ред. М.К. Горшков [и др.]. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 20–45.
3. Федотова В.Г. Хорошее общество. Москва: Прогресс-Традиция, 2005.
4. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве. Москва: Инфра-М, 2012.
5. Александрова О.А. Социальное государство в современной России: развитие или демонтаж // Вестник РГГУ. 2013. № 15 (116). С. 55–64.
6. Храпцов А.Ф. Бюрократия и социальное государство. Москва: ИСПАН, 2010.
7. Травин Д.Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.

Информация об авторе

Канарш Григорий Юрьевич (Россия, Москва) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; grigkanarsh@yandex.ru).

Kanarsh G.Yu.

THE WELFARE STATE: FOREIGN EXPERIENCE AND DIFFICULTIES OF IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the problem of the formation of a social state in the West and in Russia. It is shown that the welfare state is a social innovation of the West, which arose*

in the second half of the XIX–XX centuries in connection with the need to solve the problem of pauperism. At the same time, the key to understanding the institution of the welfare state is the institute of social insurance, which in its developed form was first implemented in Germany during the reign of Imperial Chancellor O. von Bismarck. In total, three models of the welfare state have emerged in the Western world: conservative, liberal and social-democratic. In Russia during the Soviet period, a certain model of the welfare state was also implemented, which is characterized as undemocratic. There are also important conceptual differences between social and socialist states. At the same time, the Soviet model of social policy performed important functions of social support for the population. In modern Russia, the prerequisites for the formation of a social state have been created, but a “strong” social state has not yet emerged. This is due to the subordination of national interests to the interests of the ruling bureaucracy. Democratization in Russia can be realized only if the elites deem it necessary for themselves to rely on the people.

Key words: *social state, capitalism, pauperism, conservatism, liberalism, social democracy, equality, justice, bureaucracy, democracy.*

Information about the author

Grigory Yu. Kanarsh (Russia, Moscow) – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia; grigkanarsh@yandex.ru).

References

1. Kanarsh G.Yu. Justice, democracy, capitalism: Ways of modernization of Russia in the XXI century. Moscow: Lenand, 2020.
2. Tikhonova N.E. The material side of life in the dreams of Russians and in reality. «Ideal society» in the dreams of people in Russia and China. Ed. by M.K. Gorshkov [et al.]. Moscow: New Chronograph, 2016, 20–45.
3. Fedotova V.G. Good Society. Moscow: Progress-Tradition, 2005.
4. Kochetkova L.N. Philosophical discourse on the social state. Moscow: INFRA-M, 2012.
5. Alexandrova O.A. The social state in modern Russia: Development or dismantling. Bulletin of the Russian State University, 2013, 15 (116), 55–64.
6. Khramtsov A.F. Bureaucracy and the social state. Moscow: ISRAN, 2010.
7. Travin D.Ya. How the state gets richer: A guide to historical sociology. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2022.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Аннотация. *В статье сформулированы исследовательские возможности использования метода когнитивного картирования в социальных науках, которые были выявлены в результате проведения автором контент-анализа отечественных научных исследований, опубликованных в период с 2010 по 2021 год.*

Ключевые слова: *когнитивное картирование, социальное картирование, идентичность, социокультурный портрет индивида.*

Социокультурные трансформации оказывают влияние не только на образ жизни всего человечества, но и на характер социальных процессов, происходящих в обществе. Непосредственным инициатором, актором-субъектом и одновременно участником-объектом социокультурных изменений является человек с индивидуальными внутренними когнитивными установками, которые обуславливают его поведение, социальные интеракции и коммуникации с другими членами общества. С помощью какого метода, мы социологи, можем раскрыть и исследовать латентные когнитивные установки индивида, его социокультурный портрет, ценностные установки – все то, что находится во внутреннем мире человека, но проявляется во внешнем? Одним из таких методов является когнитивное картирование. Несмотря на то, что классическое картирование прежде всего было применено в географии и геологии, данный метод стал активно использоваться и в социальных науках. Полагаем, что инструментальный потенциал картирования позволяет использовать его при социологической диагностике социокультурных характеристик и особенностей российского общества с целью планирования устойчивого развития нашей страны в условиях современных социальных турбулентностей и вызовов, однако важным для исследователя вопросом является понимание того, какие преимущества и недостатки присущи методу когнитивного картирования, каков его исследовательский потенциал при анализе различных типов идентичностей населения России, ее регионов и городов.

Когнитивное картирование позволяет выявить существующие в сознании индивида когнитивные установки по отношению к: собственной индивидуальной идентичности; другим индивидам, социальным группам, институтам; репрезентации своей страны в системе международных отношений и др. Использование метода картирования активно используется в экономических и социальных науках в своем классическом понимании как метод социального картирования, когда экономические и социально-демографические показатели располагаются на физической карте того или иного региона, страны или мира по соответствующим зонам и территориальным областям [1]. Важно отметить, что в нашем понимании метод картирования представляет собой качественный эмпирический метод субъективной когнитивной репрезентации окружающего пространства индивидом. В современном научном сообществе представлено небольшое количество трудов, которые посвящены эмпирическим исследованиям с использованием метода когнитивного картирования. Так, российский философ Е.В. Бакшутова в своем исследовании задействовала метод когнитивного картирования для прогноза восприятия социальной реальности различными этноконфессиональными группами России [2]. По мнению ученого, «ассоциативные комплексы эвристичны для идентификации групповых когнитивных

схем, прототипов, обеспечивающих понимание реальности, т.к. ассоциации в групповом когнитивном сознании являются смыслопорождающим фактором» [2, с. 176]. Метод социального картирования также получил широкое распространение при изучении городского социального пространства [3–6]. Отдельно стоит выделить исследование российского этнографа Т.Б. Щепанской, которое было посвящено изучению ментальных представлений молодежи о городском пространстве Санкт-Петербурга и маркерах городской идентичности методом когнитивного картирования [7]. По мнению автора, «представленное на такой карте городское пространство фактически становится проекцией идентичности автора» [7, с. 403]. Метод когнитивного картирования также используется в исследованиях, посвященных современным геополитическим проблемам [8–11]. В языкознании и современной лингвистике когнитивное картирование активно используется при изучении лексических аспектов понимания и восприятия текста [12–15].

Контент-анализ вышеуказанных публикаций позволил нам оценить исследовательский потенциал метода когнитивного картирования. К слабым сторонам данного метода, по нашему мнению, следует отнести: 1) высокие временные издержки, т.к. исходя из положения о том, что каждая когнитивная карта, созданная респондентом, представляет собой уникальный графический рисунок с текстовыми рукописными блоками, отдается приоритет доскональному изучению и анализу когнитивной карты со стороны исследователя, а не искусственного интеллекта с автоматизированным алгоритмом, как это возможно при анкетировании; 2) ограничение в применении полученных результатов и выводов при исследовании иных проблематик в социальных науках (когнитивные карты создаются респондентами в соответствии с целью исследования и его тематикой, как следствие, каузальные связи, отображенные на карте, и их интерпретация со стороны исследователя не могут быть применены в других научных исследованиях); 3) ограничения в классификации и группировании ответов, которые возникают при использовании респондентами оригинальных словосочетаний и выражений при создании когнитивных карт, хотя, как правило, когнитивные карты имеют схожие области, каузальные связи и термины, но большая часть их содержания имеет оригинальное творческое начало, что является одновременно преимуществом данного метода, а именно: возможность выявить латентные ментальные установки индивида по отношению к тому или иному событию, явлению, индивиду или социальной группе (при создании ментальной карты респондент задействует не только свое сознание, но и подсознание, отражает характерные особенности своего индивидуального мышления – все то, что не позволяют выявить количественные методы). Как отмечает Н.В. Веселкова, «молодые люди изображают [на ментальных картах] то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города... Одно выражает их индивидуальность, «субъективность», а другое – беспристрастный, «объективный» образ...» [4, с. 18]. Еще одним преимуществом когнитивного картирования является его низкий уровень формализованности, который «раскрепощает» респондента, предоставляя ему «свободу действий» при создании когнитивной карты. Несмотря на то, что некоторые респонденты в начале опроса могут испытывать затруднения, ссылаясь на скромные художественные таланты и неспособность к отображению пространства в соответствии с его действительными физическими (внешними) или территориальными (пространственными) свойствами, данное субъективное расхождение отображенных на когнитивной карте объектов от реальности является еще одной сильной стороной метода, которое позволяет исследователю получить оригинальный эмпирический материал, т.к. когнитивная карта

«несет в себе жизненный мир и опыт информанта в целом с поправкой на контекст конкретной жизненной ситуации и ситуации проведения исследования» [4, с. 17]. Как отмечают М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова и Е.В. Прямикова в своем исследовании, «в восприятии обывателя физические/материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость и становятся, например, привлекательными или непривлекательными с позиций устройства собственной жизни» [5, с. 102]. И, наконец, четвертое преимущество метода когнитивного картирования проявляется в возможности выявить индивидуальное или групповое «социальное настроение» относительно того или иного экономического, политического или духовного события, происходящего в социуме – негативные или положительные установки относительно происходящего в городе, регионе, стране или мире. Так, в исследовании А.В. Шеняковой и Н.В. Гришина применение метода когнитивного картирования позволило «проанализировать восприятие и интерпретацию лидерами общественного мнения, которые оппозиционно настроены по отношению к власти, акций протеста» [9, с. 89], а также раскрыть ценностные установки инфлюенсеров в современном обществе, которые оказывают значительное влияние на формирование общественно-политического группового мнения определенных категорий населения.

В контексте осознания эмпирической сложности выявления и изучения латентных когнитивных установок, ценностных ориентаций, социально-личностной позиции и жизненных приоритетов человека, методологический потенциал когнитивного картирования, несмотря на его исследовательские ограничения и слабые стороны, позволяет использовать данный метод при анализе и исследовании различных типов идентичностей российского общества, в основе которых лежит осознание индивидом своей принадлежности к той или иной социальной группе и его восприятие окружающей действительности через призму индивидуальных ценностных установок и жизненного опыта – та латентная составляющая внутреннего мира человека, которую респондент может (намеренно или ненамеренно) не раскрыть при анкетировании или в ходе интервью, но которую он в полном или частичном объеме задействует при создании когнитивной карты как творческом процессе.

Библиографический список

1. Пыстогова Е.А. Состояние качества жизни населения в регионах России: социальное картирование // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2015. Т. 11. № 4 (29). С. 104–115.
2. Бакшутова Е.В. Картирование гомогенности групповых прототипов категориальных систем социального сознания // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 171–184.
3. Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 301 с.
4. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 2–29.
5. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 101–111.
6. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

7. Щепанская Т.Б. Рецепция пространства Санкт-Петербурга студенческой молодежью (по мат-лам когнитивных карт 2014–2017 гг.) // Антропология Петербурга: сб. ст. к 85-летию со дня рождения Н.В. Юхневой / отв. ред. Н.Е. Мазалова. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2017. Ч. 1. 436 с.
8. Громакова В.Г., Варданян В.Н. Выявление угроз терроризма как инструмента современной геополитики на основе когнитивного картирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 175–181. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-175-181
9. Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 88–109. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.155
10. Харчук Е.Н. Методология когнитивного картирования в исследованиях международных отношений: возможности и ограничения // Актуальные проблемы международных отношений и международного права: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (28 апреля 2018 г., Москва). Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, 2018. С. 573–580.
11. Катусева К.А. Когнитивное картирование как метод сравнительной политологии // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2013. № 2. С. 2.
12. Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Куприева И.А. Преимущества когнитивного картирования в изучении лексики с общим значением «психические процессы» (на материале английского языка) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). С. 134–141.
13. Екшембеева Л.В. Когнитивное картирование как стратегия понимания текста // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 89–93.
14. Вин Ю.Я., Кондратьев Д.Е. Инновационные принципы анализа лексики византийского права и актов: когнитивное картирование // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 25–56.
15. Мадиева Г.Б. О развитии когнитивной ономастики и методики когнитивного картирования в ономастике // Языкознание. 2017. № 4 (68). С. 53–58.

Информация об авторе

Ракова Кристина Викторовна (Россия, Москва) – младший научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; rakova@iphras.ru).

Rakova K.V.

RESEARCH POTENTIAL OF THE COGNITIVE MAPPING METHOD IN THE SOCIAL SCIENCES

Abstract. *The article formulates the research possibilities of the cognitive mapping method use in the social sciences, which were identified as a result of the author's content analysis of national scientific studies published within the period from 2010 to 2021.*

Key words: *cognitive mapping, social mapping, identity, socio-cultural portrait of an individual.*

Information about the author

Kristina V. Rakova (Russia, Moscow) – junior research fellow, Institute of Philosophy the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia; rakova@iphras.ru).

References

1. Pystogova E.A. The State of the Quality of Life of the Population in the Regions of Russia: Social Mapping. *Ustojchivoe innovacionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie*, 2015, 11, 4 (29), 104–115.
2. Bakshutova E.V. Mapping the Homogeneity of Group Prototypes of Categorical Systems of Social Consciousness. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal*, 2017, 14 (2), 171–184.
3. Vavilina N.D., Skalaban I.A. *Social Mapping: A Research Method and a Tool for the Development of the Territory*. Novosibirsk: Sibprint, 2015.
4. Veselkova N.V. Mental Maps of the City: Questions of Methodology and Practice of Use. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2010, 31, 2–29.
5. Vandyshev M.N., Veselkova N.V., Pryamikova E.V. Places of Memory and Symbolic Capital of Territories in Mental Maps of Citizens. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2013, 3 (68), 101–111.
6. Glazkov K.P. Mental Maps: Methods of Analysis, Error and Spatial Metric. *Sociologiya vlasti*, 2013, 3, 39–56.
7. Shchepanskaya T.B. Reception of the Space of St. Petersburg by Student Youth (based on the materials of cognitive maps 2014–2017). *Antropologiya Peterburga: Sbornik statej k 85-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Yuxnyovoj*. Ed. by N.E. Mazalov. St. Petersburg: MAE RAS, 2017. Part 1.
8. Gromakova V.G., Vardanyan V.N. Identification of Terrorism Threats as a Tool of Modern Geopolitics Based on Cognitive Mapping. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2020, 3, 175–181. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-175-181
9. Shentyakova A.V., Grishin N.V. Mobilization of Political Protest of Youth and Russian Video Bloggers: Results of Cognitive Mapping. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, 3 (2), 88–109. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.155
10. Kharchuk E.N. Methodology of Cognitive Mapping in Studies of International Relations: Opportunities and Limitations. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnyx otnoshenij i mezhdunarodnogo prava: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moscow, April 28, 2018)*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2018, 573–580.
11. Katusheva K.A. Cognitive Mapping as a Method of Comparative Political Science. *GosReg: Gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvennyx otnoshenij*, 2013, 2, 1–2.
12. Prokhorova O.N., Chekulai I.V., Kuprieva I.A. Advantages of Cognitive Mapping in the Study of Vocabulary with a Common Meaning «Mental Processes» (based on the material of the English language). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, 18 (113), 134–141.
13. Ekshembeeva L.V. Cognitive Mapping as a Strategy for Understanding the Text. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2013, 11, 89–93.
14. Vin Yu.Ya., Kondratiev D.E. Innovative Principles of Analyzing the Vocabulary of Byzantine Law and Acts: Cognitive Mapping. *Informacionnyj byulleten' associacii Istoriya i komp'yuter*, 2012, 39, 25–56.
15. Madieva G.B. On the Development of Cognitive Onomastics and Methods of Cognitive Mapping in Onomastics. *Yazykoznanie*, 2017, 4 (68), 53–58.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ

Аннотация. В послесловии раскрыты некоторые существенные проблемы нынешнего философствования в России в контексте поисков ответов на цивилизационные вызовы России. Обосновывается точка зрения, согласно которой не существует философии вообще. Философия всегда соответствует логике цивилизационному развитию того или иного региона и его языку. Показано, что на идейной основе западной цивилизации (в т.ч. романо-германской или англо-саксонской субцивилизаций) российской философии будет очень сложно найти свой собственный путь. В качестве возможного ориентира для России предлагается экокцивилизационный подход, представленный экофилософиями восточных цивилизаций (прежде всего, Китая и Индии, которые рассматривают человека в единстве с его местобытием). Его применение к осмыслению российской действительности автор связывает с идеями всечеловечности и экологичности.

Ключевые слова: Российская философия, идеология, цивилизационный подход, язык философствования, всечеловечность, субъектоцентризм, экокцентризм, местобытие.

Хотелось бы остановиться на некоторых актуальных в моем понимании проблемах. Сформулирую свое отношение к ним в тезисном виде.

Философия есть предпосылка национальной идеологии, но она не сводится к ней. Ее миссия значительно шире, и она состоит в другом. Возможно, в том, чтобы предлагать обществу обоснованные модели цивилизационного развития. Но как быть с тем, что она расколота, как минимум, на три противоборствующих идейных течения – либерально-западническое, консервативно-почвенническое и левопатриотическое, каждое из которых хотя и предлагает свою модель цивилизации, но сходится в одном – все они, так или иначе, центрированы на субъекте, его участии в преобразовании или сохранении существующего порядка?

Однако ни одно из этих течений не может объединить философское сообщество. Линия раскола проходит, на мой взгляд, не между ними, а в совершенно иной плоскости – между представлениями об основополагании субъекта и идеями об основополагании места (местобытия). А значит, прежде чем предлагать нечто, нужно выйти за рамки этих идейных разногласий и определить собственную логику развития как цивилизации, так и философии.

В первую очередь необходимо понять, что современный мир существует не сколько в полицентричной или многополярной, а сколько в бинарной логике развития. Это было, по крайней мере, в последние два столетия. Столкновение цивилизаций, участниками которого мы сегодня являемся, имеет своей предпосылкой не просто различие идей или ценностей, а различие двух основных парадигм развития. Какими бы ценностями философы не руководствовались, в настоящий момент им приходится выбирать, кроме всего прочего, между основополаганием субъекта и основополаганием места (местобытия).

Запад и западная философия уповают на субъектоцентричную модель развития, которая базируется на «диктатуре субъекта», усиленного мощью разума, техники и цифровых технологий. Считается, что субъект важнее места и вправе распоряжаться им по своему собственному усмотрению. Отсюда вытекают про-

грессизм, социальная инженерия, трансгуманизм и многие другие следствия злоупотребления технологиями.

Восточные цивилизации (прежде всего, Китай и Индия) с их тысячелетними философскими традициями полагаются на гармонические отношения между человеком и миром. Они выступают в большей мере за «экоцентричную» модель цивилизации [7]. Экоцентризм же в свою очередь основывается на идее дома. Для него важны категории местобития и месторазвития. Это – «диктатура места» с его уникальным социоприродным ландшафтом и столь же уникальной культурой (или культурами). Здесь место важнее субъекта. Только дом делает его обитателя тем, чем или кем он есть. Беда в том, что мы до сих пор не рассматриваем свою цивилизацию как общий дом.

Следовательно, столкновение цивилизаций и соответствующим их философских систем в переживаемый нами период истории выражается, прежде всего, в противоборстве двух основных парадигм развития – субъектоцентризма и экоцентризма.

России необходимо определиться с тем, какой путь цивилизационного развития соответствует логике ее культуры. Цивилизационный дискурс в России продолжается. И в нем участвуют философы и другие гуманитарии. Философы еще не завершили осмысление пути цивилизационного развития России. Намечены некоторые проблемы и определены дилеммы цивилизационного развития, в т.ч. общечеловечность – всечеловечность, субстанциальность – процессуальность, экоцентризм – субъектоцентризм, а также предложены различные версии цивилизационного проекта для России [4; 5; 10].

Пока же следует признать, что Россия находится между субъектоцентризмом и экоцентризмом, продолжая осознавать инаковость своего способа развития и образа жизни. Конечно, Россия, заключая в себе множество ландшафтов и культур, близка к идее всечеловечности, которую отстаивали Данилевский и Достоевский, а также классические евразийцы (Об идеях этих и других русских мыслителей см. статьи В.П. Веряскиной, Ю.М. Резника и А.В. Смирнова, В.Н. Шевченко и других авторов [2; 10]. Но вместе с тем ей не чужд экологизм как способ цивилизационного развития. Обоснование перспектив экологической цивилизации в России приводится мной в других публикациях [8; 9].

Проблема лишь состоит в том, что у нас недостаточно развиты традиции социально-экологического мышления и экологически ориентированной философии. Большинство российских философов воспитано в логике западного рационализма, субстанциализма (субъектоцентризма в моем понимании) и продолжает оставаться в ней. А с этой логикой нам нечего сегодня противопоставить Западу. Ведь бессмысленно критиковать западную философскую мысль с ее же собственных онтологических и методологических позиций. Для этого нужна иная точка отсчета.

На мой взгляд, России «подходит» в первую очередь философия, которая предлагает модель цивилизации как особого местобития, развивающегося в логике собственной культуры и с учетом сложившегося на ее территории социоприродного ландшафта. Нам необходимо строить российскую цивилизацию на ее собственных культурных и экологических основаниях, прежде всего, на идеях всечеловечности и экологичности.

Имеется несколько попыток преодолеть субъектоцентризм и утвердить экоцентризм в философии. Примерами тому могу служить отчасти китайская и индийская философии. Как известно, они превозносят жизнь во всех ее проявлениях. Человек – часть Природы, с которой ему необходимо установить гармонические отноше-

ния. Бережное отношение к природе есть важнейшая часть практик по построению справедливого миропорядка. Каждая цивилизация имеет собственные социальные и экологические идеалы, а также приоритеты развития. Конечно, единую экологическую цивилизацию, охватывающую несколько стран, в ближайшей перспективе построить не удастся. Но очевидно, что России нужна своя экофилософия, вырастающая на собственной культурной почве.

Пора, наконец, понять, что пытаться осуществлять развитие страны по чужим цивилизационным лекалам бесплодно. Созвучные идеи мы находим у многих русских мыслителей, которые искали особый путь России в мире цивилизаций (Н.Ф. Федоров, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.С. Трубецкой и др.). Отечественная философия должна способствовать укреплению и продвижению экологического и всечеловеческого статуса российской цивилизации в современном мире.

Стоит ли преодолевать идейную зависимость отечественной философии? Ведь многие коллеги до сих пор убеждены, что русская философия выросла из недр античной и новоевропейской философии и другого пути, как продолжать развиваться в их лоне, у нее нет. Другие же исследователи считают, что, несмотря на то что западная философия по-прежнему является глобальной надстройкой на фундаменте российской философии, необходимо преодолевать идейную зависимость от нее. При этом следует отметить, что плюрализм зачастую подменяется имитацией равенства всех философий, а мультикультурализм – торжеством одной, единственно «правильной» культуры.

Чтобы прорваться в пространство новых идей и стать на собственный, отнюдь не обособленный путь развития, нам необходимо освободить нашу культуру, в т.ч. и философию, от колониального влияния западной культуры и философии. Идеи разума, свободы, плюрализма и им подобные, относящиеся к атрибутам субъекта и используемые представителями западной философии, лишь прикрывают стремление к идейному доминированию Запада, который не признает никакой иной философии, кроме своей собственной. Это – одна из главных причин многовековой колонизации незападной мысли. Различное в философии вовсе не означает равное или равнозначное. Следует признать, что русская философия никогда не воспринималась на Западе как рядоположенная и равноправная часть.

К сожалению, приходится констатировать и тот факт, что современная российская философия до сих пор не является самодостаточной. Чтобы сохранять себя в прежнем виде, ей нужна постоянная идейная подпитка извне. Конечно, мне могут возразить, заявив, что философия не принадлежит какой-либо отдельной стране. Она как пространство свободной мысли является всеобщим достоянием и далее в том же духе.

Но я убежден в другом: философия, если рассматривать ее как самосознание культуры, т.е. как привязанную к национальной ментальности и социоприродному ландшафту рефлексию культурных универсалий, обращена внутрь собственной цивилизации, вырастает из ее местобития. Заимствование или копирование чужих идей, сколь бы органичными они не казались ее агентам, еще не делает такую мыследеятельность философией. Нет философии вообще, есть философия той или иной цивилизации с учетом культурной и экологической специфики ее региона. Пора освободиться, наконец от полуколониальной зависимости и сформировать собственную повестку дня в философствовании.

А для этого нам нужен свой язык философствования. Дело в том, что в большинстве исследований отечественных философов используются старые как мир кон-

цепты западной философии. Как известно, каков язык, таковы и правила дискурса. Переиначивая известную поговорку, можно предположить: «скажи мне, на каком языке ты говоришь, и я тебе скажу, кто ты». Причем речь идет не о лингвистическом значении языка, а о языке философии и философствования.

Еще раз подчеркиваю, чтобы соответствовать собственной цивилизационной миссии, если таковая все же признается философским сообществом, нам необходимо выработать свой философский язык. Иначе мы не сможем вырваться из концептуальных пут западной философии и освободиться от ее универсалистских притязаний (европоцентризм, субстанциализм, трансгуманизм, неокOLONИализм и пр.). Возможно, для этого нам потребуется критика современной западной философии, которая разоблачала бы ее претензии на универсализм и общечеловечность. Пока же мы продолжаем разрабатывать и транслировать ее базовые идеи, используя для их описания логику субстанциализма и чужой язык.

Философия вырастает из культурных устоев цивилизации. Можно ли, например, изучать труды Гегеля, абстрагируясь от цивилизационного контекста Германии того времени? Конечно, же нет. Парадокс ситуации заключается в том, что современные отечественные философы чаще всего проводят свои исследования и представляют их результаты в чуждой им системе философских координат. К этому следует добавить заимствованные извне методики оценки результатов научных исследований, публикационной активности и пр. [1; 3; 6].

Хочу еще раз подчеркнуть, что философия есть в определенном плане смыслополагание конкретной цивилизации. На самом деле философий в мире не так уж и много. Смее предположить, что их ровно столько, сколько ученые насчитывают развитых цивилизаций. У западной цивилизации имеется, как минимум, две субцивилизации – англосаксонская и романогерманская, которым соответствуют аналитическая и континентальная философии. Как известно, еще называют индийскую и китайскую, латиноамериканскую и арабо-мусульманскую цивилизации. И каждая из них уже имеет собственную философию, а не пытается сформировать ее заново. Именно такая философия определяет образ мысли и представления о приемлемом для жителей данной цивилизации местобитии.

Полагаю, что нам нужна цивилизационно укорененная философия, которую понимали бы близкие нам по культуре страны. И это не просто русская философия или «философия по-русски», как предлагает ее назвать Л. Поляков¹. А это философия, соответствующая духу местобития и логике развития российской цивилизации.

Жить в цивилизации означает, помимо прочего, мыслить и действовать («мыслить-действовать») в системе ее философских координат. Национальные центры (школы) философии привносят лишь своеобразие в философию определенной цивилизации. Однако только цивилизация способна породить универсальный по-своему способ мышления (мировоззрение), в т.ч. философию. Так, например, аналитическая философия является детищем англосаксонской субцивилизации, а русская философия XIX – начала XX вв. смогла возникнуть на почве культурно-религиозных идеалов православной цивилизации. Но последнее вовсе не значит, что только с ней мы связываем самосознание российской интеллигенции. Здесь необходимо учитывать философское наследие советского марксизма, евразийский проект и многое, многое другое.

Убежден, что идейный суверенитет России нельзя отстоять без реформирования философии, в т.ч. в образовательном пространстве. В ситуации обостряющейся ци-

¹ URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/7260> (дата обращения 20.02.2022).

визационной конфронтации, когда на кону оказалась судьба России, нам нужна суверенная философия, способная активно противостоять доминированию философии Запада и конструктивно перерабатывать опыт философствования как в нашей стране, так и за рубежом.

Однако недостаточно научиться говорить на своем философском языке и отвергать универсалистские притязания западной философии, ставящей себя над всеми философиями и культурами вообще. Необходимо создать новую философию мира, основанную на экософии каждой цивилизации и представлении о справедливом миропорядке. Нам нужна культурно-ориентированная философия (своего рода «экокультурфилософия»), соответствующая духу местобытия российской цивилизации.

Библиографический список

1. Резник Ю.М. Scopus и судьба философских журналов России // Вестник РФО. 2020. Вып. 3–4 (93–94). С. 131–144.
2. Резник Ю.М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 10–22.
3. Резник Ю.М. Научные журналы России в тисках международных сетевых структур // Вопросы культурологии. 2020. № 9. С. 82–91.
4. Резник Ю.М. О некоторых философских основаниях цивилизационного дискурса в современной России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 8. № 1. С. 211–231.
5. Резник Ю.М. О российском цивилизационном проекте (введение в дискуссию) // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 1–2 (№ 109–110). С. 94–105.
6. Резник Ю.М. Об идейных приоритетах российского философского журнала (приглашение к дискуссии) // Вестник РФО. 2021. Вып. 3–4 (97–98). С. 6–18.
7. Резник Ю.М. Проект экологической цивилизации для России (собственные основания и китайский опыт) // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 140–159.
8. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // Личность. Культура. Общество. 2022. Вып. 2 (№ 114). С. 89–115.
9. Резник Ю.М. Экологической цивилизации в России быть (ответ рецензентам) // Личность. Культура. Общество. 2022. Вып. 3–4 (115–116). С. 148–154.
10. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. Москва: ООО Сандра, Изд. дом ЯСК, 2019. 216 с.

Информация об авторе

Резник Юрий Михайлович (Россия, Москва) – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений (Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; reznik-um@mail.ru).

Reznik Y.M.

RUSSIAN PHILOSOPHY IN SEARCH OF REPLIES TO THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL CHALLENGES

Abstract. *The afterword reveals some significant problems of the current philosophizing in Russia in the context of the search for answers to the civilizational challenges of Russia. The*

point of view is substantiated, according to which there is no philosophy at all. Philosophy always corresponds to the logic of the civilizational development of a particular region and its language. It is shown that on the ideological basis of Western civilization (including Romano-Germanic or Anglo-Saxon subcivilizations), it will be very difficult for Russian philosophy to find its own path. As a possible reference point for Russia, an ecocivilizational approach is proposed, presented by the ecophilosophies of Eastern civilizations (first of all, China and India, which consider a person in unity with his place of residence). The author connects its application to the understanding of Russian reality with the ideas of universal humanity and environmental friendliness.

Key words: *Russian philosophy, ideology, civilizational approach, the language of philosophizing, all-humanity, subject-centrism, ecocentrism, the place of being.*

Information about the author

Yurii M. Reznik (Russia, Moscow) – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, the Center for the Study of Sociocultural Changes (12, Goncharnaya St., Moscow, Russia; reznik-um@mail.ru).

References

1. Reznik Yu.M. Scopus and the fate of philosophical journals in Russia. *Vestnik RFO*, 2020, 3–4 (93–94), 131–144.
2. Reznik Yu.M. Two projects of the civilizational future of Russia: Huntington vs. Danilevsky (the experience of actual reconstruction). *Intellect. Innovation. Investments*, 2020, 4, 10–22.
3. Reznik Yu.M. Scientific journals of Russia in the grip of international network structures. *Issues of Cultural Studies*, 2020, 9, 82–91.
4. Reznik Yu.M. On some philosophical foundations of civilizational discourse in modern Russia. *Problems of civilizational development*, 2021, 8 (1), 211–231.
5. Reznik Yu.M. About the Russian civilizational project (introduction to the discussion). *Personality. Culture. Society*, 2021, XXIII, 1–2 (109–110), 94–105.
6. Reznik Yu.M. On the ideological priorities of the Russian philosophical journal (invitation to discussion). *Vestnik RFO*, 2021, 3–4 (97–98), 6–18.
7. Reznik Yu.M. The project of ecological civilization for Russia (own foundations and Chinese experience). *Problems of civilizational development*, 2022, 4 (1), 140–159.
8. Reznik Yu.M. Ways of building an ecological civilization in Russia (eco-integral approach). *Personality. Culture. Society*, 2022, 2 (114), 89–115.
9. Reznik Yu.M. Ecological civilization in Russia to be (answer to reviewers). *Personality. Culture. Society*, 2022, 3–4 (115–116), 148–154.
10. Smirnov A.V. *Universal vs universal*. Moscow: OOO Sandra, Ed. house YaSK, 2019.

О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СМЫСЛАХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния современных модернизационных процессов на политическую, экономическую и культурную жизнь российского общества. Автор интерпретирует поэтапную модернизацию в стране как цивилизованный способ роста уровня благосостояния населения, расширения возможностей самореализации каждого как личности, гражданина и субъекта происходящих в обществе трансформаций, достижение согласия и сотрудничества с другими народами и государствами. В статье фиксируется внимание на возникающие в ходе модернизации в социально-культурном пространстве российского общества линии напряжения, требующих «упреждающего контроля» со стороны государства и гражданского общества.

Ключевые слова: Модернизация, цивилизация, социально-культурные смыслы, государство, гражданское общество, материальное благополучие, творческая самореализация человека.

Сегодня один из главных векторов отечественного социального знания связан с вниманием к влиянию модернизации на динамику политических, экономических и культурных трансформаций российского общества. Ему соответствует обращение к социально-культурной составляющей модернизационных процессов, к их общечеловеческим, гуманистическим смыслам, которые действительно ставят вопрос об осмыслении модернизации как цивилизационного феномена. Цель статьи – рассмотреть модернизацию в этом методологическом ключе, как явление, охватывающее материальную и духовную жизнь людей в их единстве, и в этом смысле как реформацию нового времени. Важной задачей в контексте заявленных «Лапинских чтений» видится обращение к идеям Н.И. Лапина и руководимого им на протяжении многих лет научного коллектива «Центра изучения культурных изменений», созданного в рамках Института философии РАН. Эти идеи ориентируют рассмотрение модернизационных процессов в их связке со всеми формами социально-культурной жизни России, с расширением возможностей творческой самореализации человека как личности, гражданина и субъекта происходящих изменений. Эти идеи определили содержание работ коллектива, получивших широкую известность и признание научной общественности. [1–3] В них обобщены результаты многолетних конкретно-социологических исследований по социально-экономическому и культурному развитию более 25 регионов страны. Модернизация, рассмотренная как источник этого развития, предстает в четырех составляющих – технико-технологической (состояние технологических укладов), социально-экономической, социально-культурной и институционально-регулятивной. Итогом такого подхода стало описание сегодняшних модернизационных процессов через оптику цивилизационного движения российского общества к более совершенным способам организации общественной жизни.

Рассмотрение модернизации как цивилизационного процесса соотносится с обращением к трансформациям, происходящим не только в производственно-техническом укладе современного общества, но в самих основаниях его жизнедеятельности как социума. В смысловом поле такого подхода становится возможным сопря-

жение достижений науки, технического прогресса и производственных технологий с учетом как их позитивной значимости для жизни человечества, так и «издержек», то есть возможных и реальных негативных последствий. Сегодня это гонка вооружения, борьба вплоть до военных столкновений отдельных государств за мировое господство, угроза ядерной войны, рост политической напряженности в мире, углубление экономической дифференциации между отдельными народами и социальными группами, обострение противостояния власти и гражданского общества. Рождаемые ими коллизии, создают дополнительные линии напряжения в локальных и мировом социально-культурных пространствах, актуализируя вопрос о способах контроля над развитием модернизационных процессов и теми изменениями, которые их сопровождают в экономике, культуре, образовании, армии, в системе правовых отношений людей с государством и друг с другом.

Внимание к этой проблеме представляется особенно важным в сегодняшних условиях. И не только потому, что она не имеет однозначного решения, но и потому, что обращение к ней порой ограничивается, как не раз отмечал Н.И. Лапин, декларативными призывами. В рассуждениях о модернизации и ее значении для жизни человечества часто ускользает, что с ней как социально-культурным явлением всегда связаны определенные этапы цивилизационного развития человечества. Каждое из них характеризуется достигнутым уровнем знания о мире, исторически сложившимися нормами социального поведения, принятой системой ценностных ориентаций и культурных предпочтений, утвердившимися гражданскими правами и обязанностями, устоявшимся, апробированным жизнью не одного поколения, образом жизни. Сегодняшние модернизационные вызовы изменяют эти лики социальной реальности, а они в свою очередь становятся факторами развития самой модернизации. История человечества и нашей страны дает тому немало подтверждающих примеров.

В этом контексте представляется методологически важной разработанная коллективом Центра изучения культурных изменений концепция поэтапной интегрированной модернизации, фиксирующая принципиально новый параметр сегодняшних модернизационных процессов, а именно – становление знания в статусе понимания людьми друг друга и окружающего их природного и социального пространства, чему соответствует «информационно-когнитивная модернизация» [2, с. 17, 26–27]. Ее результатом является новый тип экономики (экономики знания) и новый тип общества – «понимающее общество» [2, с. 17]. Включение в научный аппарат исследований концепта «понимающее общество» внесло в интерпретацию модернизации и рожденных ею экономических, политических и культурных реалий цивилизационные смыслы, которые связывают ее с поступательным движением человечества по пути гуманизации форм общежития, сотрудничества и согласия. В рамках такого рассмотрения дополнительную теоретическую значимость обрело понятие социального капитала в качестве фактора роста уровня цивилизованности общества.

В таком исследовательском контексте одним из главных вопросов становится вопрос о критериях позитивности модернизационных процессов и о моделях их регулирования в этом направлении. На уровне социальной практики решение задачи сопрягается с достижением устойчивого повышения качества жизни населения и с институционально-правовым его обеспечением, с развитием правового государства. На уровне теоретического осмысления задача обращает к проблеме

дисфункциональности модернизационных процессов и вводит в предметное поле исследования понятие цивилизационного разлома. Последнее фиксирует возрастающую экономическую и культурную дифференциацию населения на социальные группы по показателям реального приобщения к общественному материальному богатству и достижениям духовной культуры. Эти показатели группируются в два типа факторов – экономические и ценностно-институциональные, анализ стоящего за ним конкретно-социологического материала говорит о том, что только учет их взаимодополняющего влияния на жизнь общества приближает к адекватному пониманию глубинных смыслов современных модернизационных процессов, выявляет их соотношение с движением человеческой цивилизации. [2] Но главное, осмысление модернизации в таком ключе выводит на актуальную проблему о моделях их регулирования, отвечающей вызовам последнее. Рекомендации общего и частного порядка на этот счет есть не мало. Я приведу вывод, к которому приходят авторы работы «Социокультурные исследования постсоветского транзита России». В формулировке Н.И. Лапина, он звучит так: «сочетание спонтанной модернизации снизу с авторитарной поддержкой государства» [3, с. 313]. С выводом в целом нельзя не согласиться, принимая во внимание сегодняшние вызовы, перед которыми оказалось российское общество и мировое сообщество. Но очевидно, что за таким выводом остается открытым важный вопрос: как к практике «авторитарной поддержки государства» подключаются другие социальные структуры – бизнес, гражданское общество, научно-техническая элита? Включаются ли они в нее на правах ее субъекта? История человеческой цивилизации свидетельствует, что ее движение по «авторитарному модусу» часто сопровождается возникновением, если не сегодня, то в перспективе, трудно разрешимых ситуаций. Модернизация не является исключением из такого правила, и потому сформулированный алгоритм отношения к ней государства поставит знание и социальную практику перед выбором новых альтернатив и решений.

Библиографический список

1. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. Москва: Academia, 2013.
2. Атлас модернизации России и ее регионов: социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н.И. Лапин. Москва: Весь мир, 2016.
3. Социокультурные исследования постсоветского транзита России / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. Москва: ИФРАН, 2022.

Информация об авторе

Сиземская Ирина Николаевна (Россия, Москва) – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12; sizemskaya@mail.ru).

Sizemskaya I.N.

ON THE CIVILIZATIONAL MEANINGS OF THE MODERN STAGE OF MODERNIZATION

***Abstract.** The article deals with the problem of the influence of modern modernization processes on the political, economic and cultural life of Russian society. The author interprets the*

gradual implementation of modernization in the country as a civilized way of increasing the level of well-being of the population, expanding the possibilities for self-realization of everyone as a person, citizen and subject of transformations taking place in society, achieving agreement and cooperation with other peoples and states. The article focuses on the lines of tension arising in the course of modernization in the socio-cultural space of Russian society, requiring «proactive control» by the state and civil society.

Key words: *Modernization, civilization, socio-cultural meanings, state, civil society, material well-being, creative self-realization of a person.*

Information about the author

Irina N. Sizemskaya (Russia, Moscow) – Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia; sizemskaya@mail.ru).

References

1. Problems of socio-cultural modernization of Russian regions. Comp. and general ed. N.I. Lapin, L.A. Belyaev. Moscow: Academia, 2013.
2. Atlas of modernization of Russia and its regions: sociocultural trends and problems. Rep. ed. N.I. Lapin. Moscow: All mio, 2016.
3. Sociocultural studies of the post-Soviet transit of Russia. Comp. and resp. editorial member RAS N.I. Lapin. Moscow: IFRAN, 2022.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Сегодня раскол российского общества обусловлен противоречием традиционного русского самосознания и некритичного заимствования западных ментальных стереотипов и стандартов поведения. Это ведет к уничтожению содержания актуальных духовных ценностей и утрате своей культурно-цивилизационной идентичности.*

Ключевые слова: *культура, мораль, нравственность, ценности, культурно-цивилизационная идентичность.*

Основная функция культуры в жизни общества – формирование и сохранение базовых цивилизационных смыслов и ценностей, которые лежат в основе формирования смысложизненных ориентаций, морали, нравственности, доминирующих способов достижения поставленных целей, тем самым определяя не только поведение людей, но и сам характер всех социальных институтов.

В течение 30 лет прозападной ориентации России люди по-разному адаптировались к современной российской реальности. В стране уже выросло новое поколение, воспитанное в условиях трансформации всех сфер общественной жизни и активного распространения в России образцов западной культуры.

Однако сегодня со всей остротой проявился исторический цивилизационный антагонизм России и Запада, ярко высветивший раскол российского общества, который наблюдается во всех социальных слоях. Тем самым характер этого раскола не столько социальный (проявляющийся в противоречиях между отдельными социальными группами), сколько культурно-мировоззренческий. Это актуализирует, прежде всего, задачу анализа культурно-цивилизационного состояния российского общества, без которого невозможно ответить на вопрос, что и как именно дальше делать.

Главными вызовами современному состоянию российского общества являются определенные изменения в рамках культурных ценностей. К ним относятся такие особенности, как уничтожение содержания актуальных духовных ценностей российского общества. Основанная на поливалентном подходе к анализу значимости тех или иных культурных ценностей информация СМИ и интернета фактически способствует сведению к абсурду смысла традиционных ценностей российского общества.

Ценности национальной культуры в последнее время разрушаются стереотипами «целеориентированного поведения». Нравственность современного европейского и американского обществ (на которые последние 30 лет ориентировалась Россия) сводится к морали, а мораль к этикету. Разрушение традиционных ценностей начинается с утверждения философии и социологии эпохи Постмодерна, со свойственной ему тенденцией к децентрализации и отказом от великих нарративов прошлого. Единственной значимой ценностью оставалась ценность человеческой жизни, но сегодня вероятно, и от этой ценности многие на Западе склонны отказаться.

Долгое время считалось, что Европейская цивилизация основана на христианских ценностях, в которых заложена моральная основа общества. Долгий путь десакрализации европейского общества от теизма через пантеизм и деизм к атеизму был

пройден в Европе уже к началу XIX века. Сегодня мы видим утверждение, по сути, неоархаики (или неоязычества).

Мораль когда-то была уделом меньшинства, по мере демократизации общества стала частью культуры большинства. В XXI веке мы возвращаемся к «истокам». Как известно, еще софисты говорили, что «человек мера всех вещей...» (причем каждый конкретный человек), поэтому нет, и не может быть никаких великих истин (ни светских, ни сакральных). И, следовательно, каждый может говорить и делать что хочет, естественно не нарушая законы государства. Однако на место духовных «авторитетов» пришли неписанные законы меньшинств Западной Европы и США. Сознательно уничтожаемые семья, религия, искусство не могут быть даже объектом для дискуссий.

Мораль для любого человека базируется на ценностях (а не только потребностях) [1]. Ценности как обобщенные представления людей относительно стандартов поведения, ориентированы на смыслы и цели культуры различных этносов и всего человечества. Это ориентиры, с которыми люди соотносят свои действия. Ценности давно пытаются свести к витальным потребностям («главное не деньги, а их количество»).

Цивилизационным вызовом современной России является отказ от национальной культурной традиции, в том числе и в области морали. Приветствуются заимствованные стереотипные образцы поведения и речи.

Русский литературный язык активно упрощают и вытесняют. Идет повсеместная американизация русского языка в реальной жизни, которая уже выходит за пределы необходимого заимствования иностранных слов. Компьютеризация только усугубляет ситуацию.

Погруженность в интернет-среду с ее специфическим языком влияет и на русский язык. При росте скорости восприятия информации молодые люди сегодня с трудом воспроизводят длинные тексты. Аберрации подвергаются и многие стилистические конструкции содержащие полисемантику. Общение в социальных сетях и мессенджерах с помощью коротких текстовых сообщений приводит к упрощению собственного языка. Смайлики стали и упрощением смысла и педализированием упрощенных эмоций.

Т.к. в языке формируются и моральные нормы, сохранение этих тенденций может привести к реальной угрозе изменения смыслов многих традиционных понятий и/или их утраты, которые будут вытесняться чужой культурой и чужими значениями. И как следствие – к реальному разрушению русской культуры и утрате русской цивилизационной идентичности.

Процесс перерождения собственной культурно-цивилизационной идентичности может проявиться при совпадении двух тенденций: постепенной утраты своей культуры и распространения вполне определенной другой культуры. При отсутствии первого фактора можно говорить о заимствованиях из другой культуры (при определенном пороге этих заимствований), которые могут быть адаптированы местной культурой и стать ее органической частью. Отсутствие второго фактора свидетельствует об утрате народом какой-либо определенной культурной идентичности, т.е. фактически о растворении народа среди других народов.

Данные ВЦИОМ¹ свидетельствуют о наличии сегодня двух тенденций: «мы сами забываем свою культуру» (61,1%) и негативной в целом оценке влияния «западной

¹ Данные всероссийского опроса ВЦИОМ «Влияние культуры Запада на российское общество», август 2022 г., опрошено 1600 респондентов. URL: https://profi.wciom.ru/open_projects/vliyanie-zapada

цивилизации, демократии и западной культуры на Россию» (64,7%). «Очень хорошее материальное положение» сильнее всего взаимосвязано с первой тенденцией (85,3%), но при одновременном доминировании второй тенденции (58,8%). Достичь такого уровня жизни в современной России можно, главным образом, следуя стандартам целерационального достижения. По сути, деньги становятся главной самоценностью вне культурной идентичности.

С ростом уровня образования (среднее/высшее) снижается критическое отношение к влиянию Запада на Россию (с 74,1 до 55,4%) и распространяются прозападные идеи заимствования (с 25,1 до 40,5%).

Наиболее критична сегодня ситуация влияния западной культуры на молодежь (до 30 лет), для которой характерно и забвение собственной культуры (75,3%) и позитивные в целом оценки влияния Запада на Россию (67,1%), что свидетельствует о тенденции замены своей культурной идентичности на западную. Причины этого связаны с реформой школьного образования (новые образовательные стандарты и минимум учебных часов по русскому языку, литературе, истории), при том, что поиск информации в интернете заменил чтение, что неизбежно сказывается на социализации молодежи. Молодежь сегодня легко заимствует современные западные образцы поведения, что ведет к падению традиционной морали и нравственности.

Сегодня в российском обществе наблюдается снижение регулятивной функции традиционной морали. Как следствие – рост индивидуализма, эгоизма с его отрывом от обременяющих духовно-сдерживающих традиций прошлого. И хотя, согласно последним данным ВЦИОМ², в российском обществе доминирует представление, что «основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны» (59,9%), но 40,1% респондентов считают, что «сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели». При этом традиционные установки разделяют около 75% респондентов: никогда не переступят моральные принципы и нормы ради достижения успеха, и считают, что именно государство должно отвечать за поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе.

Эгоцентризм и мораль успеха, получившие распространение в современной России [2], отчетливо коррелируют с возрастом, уровнем материального обеспечения, образования. Эти установки в сфере морали характерны для молодежи до 30 лет, малообразованных и по-разному проявляются в зависимости от уровня жизни.

Эти тенденции, отражая распространение современных западных ценностей, прямо противоположны русским цивилизационным кодам.

Духовная сфера, формирующая базовые цивилизационные смыслы, не имеет сегодня однозначной связи с коренными принципами нравственности и религии народов России. Эта закономерность особенно характерна для молодежи. Большинство молодежи отличает восприятие многих моральных норм как пережитка прошлого (не оказывающего никакого влияния на их повседневное поведение), и эклектичная, по сути, религиозность (вера в объекты веры, приписывание себе духовности, отрицание религиозности и деструктивная вера в заговоры) [3].

Культурно-цивилизационная идентичность современного российского общества (и особенно молодежи) должна быть реинтерпретирована через внедрение новых образцов ментальных стереотипов и поведения, учитывающих традици-

² Данные всероссийского опроса ВЦИОМ «Моральный поворот», август 2022 г., опрошено 1600 респондентов. URL: https://profi.wciom.ru/open_projects/moralnyj-povorot

онное русское самосознание, не сводящееся к заимствованию западных ментальных стереотипов и стандартов поведения.

Библиографический список

1. Мораль // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Москва: Мысль, 2001.
2. Кузнецов В.В., Климов В.Ю., Панов Р.А. Честь как основание этики достижений или как проявление морали успеха: на примере политехников // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 140–149.
3. Пищик В.И., Лобачева А.О. Особенности религиозности и веры представителей «информационного» и «нового» поколений // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130105>

Информация об авторе

Яковлева Марина Николаевна (Россия, г. Москва) – научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Отдел исследования динамики социальной адаптации (Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; m-m-21-42@mail.ru).

Yakovleva M.N.

PROBLEMS OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. *Today, the split of Russian society is caused by the contradiction of traditional Russian self-consciousness and uncritical borrowing of Western mental stereotypes and standards of behavior. This leads to the destruction of the content of actual spiritual values and the loss of its cultural and civilizational identity.*

Key words: *culture, morality, moral, values, cultural and civilizational identity.*

Information about the author

Marina N. Yakovleva (Russia, Moscow) – Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Department of Social Adaptation Dynamics Research (24/35, Krjijanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia; m-m-21-42@mail.ru).

References

1. Morality. New philosophical encyclopedia: In 4 volumes. Ed. by V.S. Stepin. Moscow: Thought, 2001.
2. Kuznetsov V.V., Klimov V.Yu., Panov R.A. Honor as the basis of the ethics of achievements or as a manifestation of the success morality: On the example of polytechnics. Scientific and Technical Bulletin of SPbPU. Humanities and social sciences, 2016, 1, 140–149.
3. Pishik V.I., Lobacheva A.O. Features of religiosity and faith of representatives of «Informational» and «New» generations. Social psychology and society, 2022, 13 (1), 70–86. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130105>

СЕКЦИЯ № 2

Социокультурное развитие регионов России

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Аннотация. Данное исследование было направлено на изучение соответствия характера регионального управления требованиям модернизационного развития регионов, которое выражается в переходе к развитию демократических форм. В исследуемых регионах эти формы присутствуют, но имеют свои особенности.

Ключевые слова: система управления, региональное управление, власть, институционально-регулятивная компонента, социокультурная модернизация.

В условиях деформированной социальной и экономической трансформации российского общества [1], мы имеем различные модели структурно-функционального устройства социальной жизни в регионах, разные уровни их цивилизационного развития и состояния институционально-регулятивных компонентов региональных систем управления.

Согласно концепции Н.И. Лапина интегральным механизмом преобразования регионов является социокультурный, социо-экономический и технико-технологический потенциал регионов, отвечающий за цивилизационное развитие региона [2]. В.В. Маркин констатирует важность для проведения модернизации российских регионов учета такого признака как региональная идентификация [3]. Мы изучаем влияние региональных систем управления (институционально-регулятивная компонента) на возможности и характер динамики подобных преобразований [4]. Целью нашего исследования стало определение соответствия характера и форм регионального управления требованиям модернизационного развития институционально-регулятивной среды региона. В основу исследования легла гипотеза о том, что слабоцивилизационные регионы характеризуются сильной властной вертикалью, в более цивилизационных регионах наблюдается развитие горизонтальных форм управления.

В основу исследования была положена социокультурная концепция модернизации Н.И. Лапина [2]. Важным аспектом являлось определение соответствия типа властных отношений требованиям процесса модернизации регионов [5]. В классической постановке вопроса — это движение органов власти к демократической форме правления, развитию горизонтальных форм управления (активное гражданское участие).

Большая часть российских регионов сегодня скорее подвержена эффекту квази-модернизации, в связи с деформацией институционально-регулятивной компоненты общества, проявляющейся в доминировании персональных «модернизационных мотивов» кланово-сословных структур [6] через организацию жесткой авторитарной вертикали.

Существуют определенные трудности в оценке развития властных региональных систем, исходя их данных официальной статистики. Поэтому в исследовании был использован метод онлайн экспертного опроса, произведен специальный отбор респондентов с управленческим опытом из разных отраслей народного хозяйства и управления.

Исследование проводилось в 2019–2020 гг. в 12 регионах с разным уровнем социокультурной модернизации [2]. В итоге собрано 609 анкет: 44% экспертов обладали управленческим опытом в организациях, 35% имели опыт руководящей работы в органах региональной власти, все эксперты с высшим образованием, 26% имеют уче-

ные степени. Около 41% работники бюджетной сферы, 10% заняты в органах регионального управления, 15% представители общественных организаций, 24% с промышленных предприятий региона, 9% предприниматели. При этом 66% экспертов заняты общественной работой.

Данная группа подвергалась дальнейшему анализу. Мы определяли наличие взаимодействий органов власти с представителями разных профессиональных групп, а также потенциал активности экспертов. Было выбрано два проекта, связанные со стратегическим управлением региона. Важным представлялось понять участие экспертов в этих проектах и их желание принимать участие.

Таблица 1. Активность экспертов в управлении региональными программами, %

Участие в мерах повышения эффективности всей системы управления	Участие в национальных проектах				
	принимаю участие в разработке или реализации проектов	не участвую, но хотел бы	не предполагаю своего участия	затрудняюсь ответить	всего
Уже участвую	5,8	0,5	–	0,2	6,5
Да	13,6	12,1	1,5	1,3	28,5
Скорее да, чем нет	12,1	16,1	6,3	3,8	38,2
Скорее нет, чем да	3,3	3,8	6,1	0,7	13,9
Нет	0,5	0,2	2,2	0,8	3,6
Затрудняюсь ответить	1,3	2,3	2,5	3,1	9,3
Всего	36,6	34,9	18,5	9,9	100

Существование ядра управления отражает постоянное участие во всех проектах одних и тех же лиц. Однако, таких экспертов оказалось 5,8%. Это очень малая группа, поэтому она была включена в группу «активные эксперты» – участвующие хотя бы в одном из двух проектов. Группа «активные» составила 37,3%, ее обозначили как «группа решений». Довольно большой процент экспертов, которые имеют желание участвовать в управлении регионом, но не участвуют (50,5%). Она отнесена к латентной группе управления («желающие эксперты»). Их неучастие в управлении свидетельствует о закрытости группы принятия решений, а также указывает на механизм формирования группы «сверху».

«Пассивную группу» образовали эксперты, которые не проявляли желание участвовать в управлении регионом, и не участвующие в соответствующих программах. Эта группа оказалась малочисленной и составила 12,3%.

В ходе исследования оказалось, что статистической связи объема и разнообразия групп принятия решений с уровнем социокультурной модернизации региона по версии Н.И Лапина статистически нет ($R_{\text{спирмана}} = -0.374$, $p = 0.231$), но визуально ее можно обнаружить (табл. 2). Данные связи имеют обратную пропорциональность, с увеличением уровня развития региона увеличивается закрытость группы решения. В развитых регионах тщательно отбирают экспертов.

Таблица 2. Участие экспертов в управлении регионами с разным уровнем социокультурной модернизации, %, баллы

Регионы	Ядро решений	Активная экспертная группа	Желающие, но не участвующие	Пассивная аудитория экспертов	Затрудняюсь ответить	Всего	Активные	Рейтинг ЦИСИ ИФ РАН (2018)
Московская область	9,8	15	54	19	2,5	100	25	77,3
Нижегородская область	4	41	41	14	–	100	45	70,3

Регионы	Ядро решений	Активная экспертная группа	Желающие, но не участвующие	Пассивная аудитория экспертов	Затрудняюсь ответить	Всего	Активные	Рейтинг ЦИСИ ИФ РАН (2018)
Свердловская область	2	30	54	8	6	100	32	66,8
Республика Саха (Якутия)	6	28	52	8	6	100	34	63,8
Брянская область	3,9	39	49	2	5,9	100	43	62
Белгородская область	7,8	25	64	3,2	–	100	33	61
Республика Башкортостан	5,8	19	44	27	4,1	100	25	60,7
Смоленская область	4	42	42	12	–	100	46	60,1
Омская область	2	38	32	26	2	100	40	59,9
Амурская область	12	34	46	6	2	100	46	59,8
Вологодская область	9,8	29	43	12	6,2	100	39	59,8
Республика Калмыкия	1,9	37	48	9,2	3,8	100	39	53,6

Малый объем, возможно, делает эти группы более работоспособными и там легче выстраивать обсуждения, а также конструктивные взаимодействия участников. Группы решений не постоянны, т.е. нет эффекта формирования «карманных экспертов». В менее развитых регионах привлекают больше экспертов. Можем предположить, это создает трудности в процессе согласования мнений и принятии конструктивных решений.

Изучая характер отношений, которые складываются в активной группе экспертов, мы пришли к двум доминантам «стиля управления»: «авторитарно-клановый» и «коллегиально-демократический».

Таблица 3. Характеристика стиля управления в регионах с разным уровнем модернизации, %, баллы

Регионы	Стиль управления, %		Рейтинг ЦИСИ ИФ РАН (2018)
	авторитарно-клановый	коллегиально-демократический	
Московская область	50,1	50,1	77,3
Нижегородская область	43,2	56,8	70,3
Свердловская область	36,6	63,3	66,8
Республика Саха (Якутия)	58,9	41,2	63,8
Брянская область	17,5	82,5	62
Белгородская область	62,6	37,6	61
Республика Башкортостан	61,6	38,5	60,7
Смоленская область	68,2	31,8	60,1
Омская область	39,5	60,5	59,9
Амурская область	30,4	69,6	59,8
Вологодская область	37,5	62,5	59,8
Республика Калмыкия	71,1	29,0	53,6

Убрав массив данных Республики Калмыкия из анализа (отклонение), мы смогли увидеть квадратическую зависимость стиля управления с рейтингом социокультурной модернизации региона ($R^2 = 0,326$).

В развитых регионах (Московской, Нижегородской и Свердловской областях) доминирует коллегиально-демократический стиль управления, который ослабляет контроль «сверху» и решения становятся гибкими. Далее, спускаясь по уровню модернизации регионов вниз, стиль меняется на авторитарно-клановый (исключение – Брянская область). В менее развитых регионах (Омская, Амурская, Вологодская области) стиль управления возвращается к коллегиально-демократическому. Здесь вероятно демократия снижает контроль исполнения сверху, но это приводит к принятию неэффективных решений с точки зрения развития региона. В такой ситуации трудно находить компромисс в разнородных экспертных группах. Возможно, в группу решений попадают нецелевые или неконструктивные эксперты (клановость).

Проведенный анализ приводит нас к следующим выводам. Во всех регионах число постоянных экспертов в группах решения минимально, практика «карманных экспертов» отсутствует, скорее всего решения не будут типажными и провластными. В более развитых регионах количество независимых экспертов в группах решений меньше, группы закрытые.

В развитых и слаборазвитых регионах в группе решений присутствует коллегиально-демократический стиль управления, что может быть оправданным для развитых регионов и спорным для слаборазвитых.

С помощью экспертного опроса мы показали влияние сложившихся региональных систем управления на процессы модернизации регионов. Главный вывод: необходимо разведение регионов не только по технико-технологической, социоэкономической, социокультурной компонентам социокультурной модернизации, но и по степени развития институционально-регулятивной компоненты.

Библиографический список

1. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. 2010. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). Москва: ИФ РАН. 135 с.
3. Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. Москва: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 229–249.
4. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.
5. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. С. 233–247.
6. Нова ли Новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994–2013 гг. / ред. О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. Москва: Университетская книга, 2016. 400 с.

Информация об авторах

Богданов Владимир Сергеевич (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; valarf@mail.ru).

Почестнев Александр Анатольевич (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; apochestnev@yandex.ru).

Bogdanov V.S., Pochestnev A.A.

INSTITUTIONAL AND REGULATORY ENVIRONMENT AS A CONDITION FOR SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF REGIONS

Abstract. *This study was aimed at studying the compliance of the nature of regional management with the requirements of regional modernization development, which is expressed in the transition to the development of democratic forms. In the regions studied, these forms are present, but have their own characteristics.*

Key words: *management system, regional management, power, institutional and regulatory component, socio-cultural modernization.*

Information about the authors

Vladimir S. Bogdanov (Russia, Moscow) – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, st. Bolshaya Andronevskaya, Moscow, 109544, Russia; valarf@mail.ru).

Aleksandr A. Pochestnev (Russia, Moscow) – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, st. Bolshaya Andronevskaya, Moscow, 109544, Russia; apochestnev@yandex.ru).

References

1. Zaslavskaya T.I., Yadov V.A. Social transformations in Russia in the era of global changes. *Sociological Journal*, 2008, 4, 8–22.
2. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Program and standard toolkit «Sociocultural portrait of the region of Russia» (Modification-2010). Moscow: IF RAS, 2010. 135 p.
3. Markin V.V. Regional sociology: problems of social identification and modeling of Russian regions. *Russia is reforming. Yearbook. Otv. ed. M.K. Gorshkov. Iss. 7.* Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008, 229–249.
4. Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 455 p.
5. Ermakhanova S.A. Theory of modernization: History and modernity. Actual problems of socio-economic development: The view of young scientists. Novosibirsk, 2005, 233–247.
6. Is New Russia New? Changes in the social structure of society and social reproduction of Russians based on the materials of polls 1994–2013. Ed. O.I. Shkaratan, G.A. Yastrebov. Moscow: University Book, 2016. 400 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДУСТРИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Рассматривается становление индустрии цифровой экономики и культуры в Смоленской области. Показаны изменения коммуникативной культуры молодежи Смоленщины. В целях обеспечения консолидации российского общества актуализируется анализ инновационной полезности/вредности нейро-сетевых эффектов цифровой экономики и культуры региона Западного приграничья России.*

Ключевые слова: *цифровая экономика и культура, трансформация информационной инфраструктуры, инновационная полезность/вредность, консолидация, молодежь, Смоленская область.*

Ярким примером таланта руководителя Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН Лапина Николая Ивановича стала Всероссийская программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», разработанная им в соавторстве с профессором Беляевой Людмилой Александровной. С использованием инструментария программы под руководством Николая Ивановича Лапина в Смоленской области начиная с 2005 года нами велись исследования транзитивных эпох российско-белорусского приграничья на примере Смоленской области. Объем выборки каждой из трех волн исследований составил от 1008 до 1050 респондентов; выборка – стратифицированная, многоступенчатая, случайная.

Исследования показали, что в регионе активно реализуется цифровая трансформация, формируется индустрия цифровой экономики и культуры. Цифровая трансформация – это изменения производственных и социальных процессов, связанных с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широким применением цифровых технологий. Цифровая трансформация затрагивает производственную деятельность, включает изменение организационных структур компаний и бизнес-моделей, меняет социокультурные процессы региона [1].

Распоряжением Губернатора от 27 декабря 2021 г. № 2311-р/адм. утверждена Программа цифровой трансформации Смоленской области. В Стратегии развития области появилось новое направление – создание индустрии информационных технологий и продуктов цифровой экономики и культуры; обучение новым профессиям и ключевым компетенциям кадров. В перечень специальностей и направлений дополнительных образовательных программ вузов внесены новые направления и специальности цифровой экономики: веб-дизайн и веб-разработка; разработка компьютерных игр и мультимедийных приложений; разработка мобильных приложений; интернет-маркетинг и SMM; магистральные линии связи (Телеком); технологии беспроводной связи (Телеком); сетевое и системное администрирование; кибер-безопасность и защита данных; графический дизайн и верстка; CAD\CAM, прототипирование и промышленный дизайн; сенсорика и робототехника; анализ и разметка данных; машинное обучение и искусственный интеллект; UX\UI проектирование; нанотехнологии и композитные материалы; инжиниринг и схемотехника, 3D моделирование и 3D анимация; биоинженерия и нейротехнологии; оптика и лазерные технологии; приложения виртуальной и дополненной реальности; системы

удаленного доступа, распределенные и облачные вычисления; блокчейн и системы распределенного реестра; «умная» бытовая автоматизация и интернет вещей; базы данных и работа с информацией; программирование и создание ИТ-продуктов (разработчик ПО, тестировщик ПО и т.п.).

Эти направления обучения содержат формирование следующих компетенций: владение современными методами проектирования цифровых продуктов, технологий, лежащих в основе цифровой трансформации; ориентация в системе работы с данными; владение навыками организации цифровой трансформации системы государственного управления. Планируется, что количество выпускников организаций профессионального образования Смоленской области с ключевыми компетенциями цифровой экономики в ближайшее время составит – 4000 человек.

Цифровая трансформация является одной из пяти национальных целей развития России до 2030 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Приоритетом цифровой трансформации субъектов Российской Федерации является реализация сквозных проектов: по переводу государственных услуг в электронный вид; по цифровизации контрольно-надзорной деятельности; по внедрению и развитию платформы обратной связи (ПОС); по развитию центров управления регионами (ЦУР)¹.

В Смоленской области формируется принципиально новая коммуникативная культура регионального социума с использованием ресурсов сети Интернет, искусственного интеллекта, мобильных телефонов и коммуникаторов, цифрового телевидения; появляется новый тип социальных сетевых отношений, изменяется сознание и поведение людей, язык общения, ценности, культурные предпочтения и привычки; возникает множественная идентичность личности смолян [2].

Современный образ жизни молодежи – это постоянный контакт с людьми и машинами (техническими устройствами); молодежь становится одновременно и читателями, и писателями.

Для общения в киберпространстве молодые люди используют симулякры (виртуальное второе «Я»), прозвища («ники»), новые образы самого себя («аватары»), блоги или веблоги (электронный журнал, дневник). Увеличивается продолжительность периода обучения, меняются способы и условия реализации молодых людей в профессии. В построении карьеры и достижении успеха молодежь Смоленщины ориентирована на переезд в города – агломерации Санкт-Петербург и Москву. Способом достижения успеха для молодежи, в том числе и девушек, становится откладывание на «потом» создание семьи и рождение детей.

Изучение интересов девушек 18–19 лет, студенток СГИИ, показало, что все они вовлечены в блогосферу интернета. В сети девушки проводят ежедневно от 8 до 12 часов; значимым для них являются чувства интеграции и эмоциональной поддержки сообщества.

Практика последнего времени показывает, что эти платформы как «зоны повседневности» используются «коллективным Западом» и недружественными странами для манипуляций, разрушения устоявшихся социальных норм, принципов, взглядов и моделей поведения российской молодежи, что создает риск «расшатывания» устоявшихся социальных норм, традиций молодых людей особенно приграничных социумов.

¹ Федеральный информационный ресурс «База знаний руководителей цифровой трансформации Российской Федерации» доступен РЦТ РОИВ Смоленской области по адресу: https://kb.cdto.center/etldb_web

В связи с этим в научно-методических разработках проблемы консолидации Российского социума актуальным направлением становится анализ полезности/вредности инновационных нейро-сетевых эффектов в цифровой экономике и культуре приграничного региона Запада России.

Библиографический список

1. Дятлов С.А., Лобанов О.С., Гильманов Д.В. Цифровая нейро-сетевая экономика: институты и технологии развития. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 325с.
2. Винокуров А.И., Сикорский Е.А. Историко-социологический анализ социокультурных процессов в Смоленском крае (конец XIX в. – первая четверть XX в.) // Материалы научно-методического семинара по организации кросс-культурных исследований российско-белорусского приграничья. Смоленск: Универсум, 2015. – 232с.

Информация об авторе

Винокуров Александр Иванович (Россия, Смоленск) – кандидат психологических наук, доцент, Смоленский государственный институт искусств (Россия, 214020, г. Смоленск, ул. Румянцева, д. 8; sgii@mail.ru).

Vinokurov A.I.

INDUSTRY DEVELOPMENT DIGITAL ECONOMY AND CULTURE IN THE SMOLENSK REGION

Abstract. *The formation of the industry of digital economy and culture in the Smolensk region is considered. Changes in the communicative culture of the youth of the Smolensk region are shown. In order to ensure the consolidation of Russian society, the analysis of the innovative usefulness/harmfulness of the neural network effects of the digital economy and culture of the Western border region of Russia is being updated.*

Key words: *digital economy and culture, information infrastructure transformation, innovative usefulness/harmfulness, consolidation, youth, Smolensk region.*

Information about the author

Alexander I. Vinokurov (Russia, Smolensk) – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Smolensk State Institute of Arts (8, Rumyantseva str., Smolensk, 214020, Russia; sgii@mail.ru).

References

1. Dyatlov S.A., Lobanov O.S., Gilmanov D.V. Digital neural network economy: institutions and development technologies. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2018. 325 p.
2. Vinokurov A.I., Sikorsky E.A. Historical and sociological analysis of sociocultural processes in the Smolensk region (end of the 19th century – first quarter of the 20th century). Materials of the scientific-methodical seminar on the organization of cross-cultural studies of the Russian-Belarusian border area. Smolensk. Universum, 2015. 232 p.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: КОМПЕТЕНЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. *Цифровая трансформация здравоохранения требует надлежащего уровня знаний и навыков у медицинских специалистов. Исследовались использование врачами информационно-коммуникационных технологий в работе и нехватка компетенций в данной области знаний.*

Ключевые слова: *врач, медицинские специалисты, квалификация, цифровизация здравоохранения, информационно-коммуникационные технологии.*

Становление информационного общества в России идет неравномерно. Здравоохранение отстает в цифровизации от большинства других видов экономической деятельности, но внедрение цифровых технологий рассматривается как действенный механизм повышения доступности и качества медицинской помощи населению. Сфера здравоохранения включена в состав приоритетных направлений цифровой трансформации экономики, и в числе инициатив, указанных в Национальной программе «Цифровая экономика», – переход к электронному ведению медицинских документов, создание единых цифровых медицинских баз данных; использование методов искусственного интеллекта при обработке данных; широкое внедрение телемедицины и информационных систем, помогающих в лечении больных. Электронное здравоохранение подразумевает наличие у всех медицинских организаций необходимой инфраструктуры, подключение к сети Интернет и внедрение медицинских информационных систем (МИС). На базе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) с 2018 г. создается цифровой контур в здравоохранении.

Между тем дискуссии о преимуществах цифровых технологий и рисках их использования не утихают, ведутся исследования в части клинической и экономической эффективности цифровых систем [1], издается специализированный журнал, который регулярно знакомит с новыми разработками в области цифровых систем и отдельных инструментов [2]. Специалисты признают, что трудовые процессы в медицине трудно поддаются преобразованиям, и вопросы касаются не столько автоматизации рабочих мест, сколько изменения функционала рабочих задач [3]. В любом случае, создание цифровой рабочей среды требует повышения доверия у медицинских специалистов к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и развития соответствующих навыков. В рамках концепции трудового потенциала вполне правомерно рассматривать знания и навыки в сфере ИКТ, требуемые для работы, как элемент общей квалификации современного медицинского работника. Заинтересованность в освоении новых цифровых инструментов будет расти, если медицинские специалисты в полной мере поймут и ощутят преимущества, которые цифровизация дает по сравнению с прежними условиями работы. Непродуманное внедрение и отсутствие времени на адаптацию чреваты неблагоприятными последствиями, а именно тем, что новые цифровые технологии не облегчат работу, а создадут дополнительную нагрузку.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00142.

Судя по материалам специальных исследований, просмотр электронной карты пациента не обязательно экономит время по сравнению с просмотром бумажных записей. Врачи вынуждены тратить много времени на ввод данных и заполнение различных электронных документов, хотя значительную часть этой работы может выполнять вспомогательный медицинский персонал (но его в большинстве медицинских организаций остро не хватает). Затрудняют работу проблемы «зависания» интернета, неудобные пользовательские интерфейсы МИС и другие проблемы. Разработчики цифровых инструментов высказывают необходимость обучать врачей работе с цифровыми инструментами, так как, не понимая механизмы работы таких систем, они им не доверяют.

Тем не менее, ситуация в последние годы динамично меняется – цифровизация, проникая в повседневную жизнь, заставляет население активно осваивать цифровую технику, что так или иначе способствует получению знаний и навыков в области ИКТ. Медицинских специалистов к повышению цифровой грамотности подталкивает и внедрение системы непрерывного медицинского образования, в рамках которого широко задействован дистанционный формат обучения.

Вместе с тем, вопросы, в какой мере врачи используют цифровые технологии в работе и достаточен ли их уровень знаний в немалой степени остаются открытыми и нуждаются в более тщательном изучении. Исследовать эти вопросы помогли два источника эмпирической информации. Во-первых, микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2020 г. (КОУЖ-2020), для анализа были отобраны врачи с высшим медицинским образованием по специальностям «Фундаментальная медицина», «Клиническая медицина» и «Науки о здоровье и профилактическая медицина» (1089 респондентов). Вторым источником информации послужили результаты анкетного опроса врачей по проекту ГБУ НИИОЗММ ДЗМ «Научно-методическое сопровождение профессионального роста специалистов и прогноз развития кадрового обеспечения государственной системы здравоохранения города Москвы», проведенный в 2022 г. (711 респондентов).

По данным КОУЖ-2020, 82% врачей использовали на работе хотя бы раз в неделю компьютерную технику (компьютеры, смартфоны, планшеты и т.п.) и только 18% ее не применяли. По масштабам владения компьютером и работы с цифровой информацией врачи уступали специалистам высшего уровня квалификации в экономике в целом (90%). В сравнении с большинством других специалистов, у медиков сильно ограничен дистанционный формат работы, что вызвано как отраслевой спецификой, так и недостатком возможностей. Доступ к проведению консультаций, мониторингу пациентов и другим видам работы онлайн имели только 15% врачей. Но даже у тех врачей, у кого характер работы по меньшей мере частично позволял выполнять ее дистанционно, только 52% имели для этого все необходимое.

Другой важный вопрос, в какой мере знания и навыки в сфере информационных технологий и компьютерных программ соответствуют требованиям при выполнении работы. Выяснилось, что 31% врачей, использующих компьютерную технику, испытывали нехватку знаний и навыков в данной сфере, то есть их уровень цифровой квалификации был ниже необходимого.

Дефицит компетенций затрудняет не только выполнение должностных обязанностей. Навыки ИКТ требуются для подготовки и участия в обязательных аккреди-

тационных процедурах, успешное прохождение которых дает право на работу по специальности. Внедрение вместо сертификации института аккредитации (переход к нему должен завершиться к 2026 г.) сталкивается со значительными трудностями [4], в числе которых и недостаточное владение медицинскими специалистами компьютерными технологиями. По результатам анкетного опроса в 2022 г., достаточной компьютерной грамотностью для работы на портале НМО обладали только 64% московских врачей, 27% владели не в полной мере, а 9% указали на нехватку компьютерных компетенций. В большей мере проблемы касались врачей первичного звена по оказанию медицинской помощи населению, а также врачей более возрастных групп (старше 55 лет).

Между тем, если говорить об общей компьютерной грамотности, умении пользоваться интернетом в повседневной жизни, то, по данным КОУЖ-2020, каждый день или почти каждый день выходили в интернет 88%, не регулярно 11%, а не пользовались интернетом менее 1% врачей. Общались в социальных сетях 89% врачей, 82% заходили в интернет, чтобы узнать новости, 78% для осуществления финансовых операций, 52% заказывали товары и услуги, 45% оформляли госуслуги. Медики в этом плане практически не отличались от других специалистов.

Проблема дефицита цифровой квалификации у врачей связана не с базовой компьютерной грамотностью, а с умением работать со специализированными информационными системами и отдельными цифровыми инструментами, в частности на портале НМО. Поэтому важен вопрос о развитии цифровых профессиональных компетенций специалистов выше стандартного уровня грамотности.

Цифровые системы и инструменты (компьютеры, устройства связи, сети для передачи информации и др.) способны вывести систему здравоохранения на новый уровень, только если они будут освоены и продуктивно использованы медицинскими специалистами. Их внедрение ставит задачу постоянного совершенствования данной системы.

Библиографический список

1. Serrato P, Halamka J. The Digital Reconstruction of Healthcare. Transition from Brick and Mortar to Virtual Care. HIMSS Publishing, 2021. 150 p.
2. Врач и информационные технологии. Научно-практический журнал. UPL: <https://www.vit-j.ru>
3. Nedelkoska L., Quintini G. Automation, skills use and training. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, 2018, 202.
4. Коленникова О.А., Токсанбаева М.С. Факторы дисфункции институтов оценки квалификации медицинских специалистов // Здравоохранение Российской Федерации. 2021. Т. 65. № 5. С. 467–476.

Информация об авторе

Коленникова Ольга Александровна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ИСЭПН им. Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32: kolennikova@mail.ru); научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Россия, 115088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9).

DIGITALIZATION OF HEALTHCARE: THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES BY MEDICAL PROFESSIONALS

Abstract. *The digital transformation of healthcare requires the proper knowledge and skills of medical professionals. The work is devoted to the study of the use of information and communication technologies by doctors and the lack of competencies in this field of knowledge.*

Key words: *doctor, medical professionals, qualification, digitalization of healthcare, information and communication technologies.*

Information about the author

Olga A. Kolennikova (Russia, Moscow) – Cand. Sn. (Econ.), senior researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russia; kolennikova@mail.ru); researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, 115088, Russia).

References

1. Serrato P., Halamka J. The Digital Reconstruction of Healthcare. Transition from Brick and Mortar to Virtual Care. HIMSS Publishing, 2021. 150 p.
2. Medical Doctor and IT. Scientific and practical journal. Pirogov National Medical and Surgical Center. URL: <https://www.vit-j.ru>
3. Nedelkoska L., Quintini G. Automation, skills use and training. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, 2018, 202.
4. Kolennikova O.A., Toksanbaeva M.S. Factors of Dysfunction of Institutions for Assessing the qualifications of Medical Specialists. Health Care of the Russian Federation, 2021, 5 (65), 467–476.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ УРАЛА В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируются результаты эмпирических социологических исследований развития интернет-технологий, цифровизации социальной инфраструктуры в малых городах Среднего Урала, что рассматривается как важнейшее условие совершенствования социальной инфраструктуры и средство обеспечения устойчивого развития региона.

Ключевые слова: социальная сфера, интернет-технологии, цифровизация, социальная инфраструктура, устойчивое развитие.

В обеспечении устойчивого развития регионов в современном обществе постоянно возрастает роль цифровизации социальной инфраструктуры поселений. Если в крупных городах есть более привлекательные экономические и технические условия для использования интернет-технологий, то в малых городах часто отсутствуют надежные сети и нет достаточных финансовых ресурсов у муниципальных образований для широкого внедрения и обслуживания цифрового хозяйства. Между тем использование цифровых технологий для совершенствования социальной инфраструктуры поселений, особенно малых городов и сел, является действенным средством обеспечения устойчивого развития региона.

Национальный проект «Цифровая экономика» в России на период с 2019 по 2024 годы поставил задачу ускоренного внедрения компьютерных технологий во все хозяйственные сферы поселений, жилищно-бытового и социального обслуживания населения и другие области жизнеобеспечения населения [1, с. 1]. Проектом предусматривается развитие информационной инфраструктуры, цифровизация государственных и муниципальных услуг, цифровизация малого бизнеса, оказание широкого спектра услуг в сфере образования и здравоохранения, обеспечение информационной безопасности. В проекте «Цифровая экономика» обращается внимание на меры по обеспечению высокого уровня качества жизни, создание благоприятных жилищно-бытовых и комфортных социальных условий жизнедеятельности населения.

В научной литературе сложились различные мнения по поводу внедрения и развития цифровизации социальной инфраструктуры поселений. По мнению Е.В. Пахомова, «для реализации проекта умного города требуются три важнейших условия: широкополосная связь, интернет вещей и больших данных» [2, с. 1]. Приоритетную роль в создании «умных городов» В.Г. Халин отводит инфраструктуре городского хозяйства и бытового обслуживания населения [3, с. 118], в основном также считают М.С. Абламейко и С.В. Абламейко [4, с. 28–34].

Важным критерием состояния цифровизации социальной инфраструктуры муниципального образования с точки зрения удовлетворения потребностей населения выступает общественное мнение, мнение жителей. С целью изучения мнений населения состояния цифровизации социальной инфраструктуры малых городов был проведен массовый социологический опрос жителей городов Среднего Урала, Свердловской области. Всего опрошено в трех городах 530 человек.

Цифровизации социальной инфраструктуры малых городов способствует быстро развивающиеся сети Интернет. Цифровая инфраструктура позволяет повышать

качество жизни горожан. Очень важно, что пользование услугами интернет-инфраструктуры обеспечивает доступ к тем услугам, которые для многих жителей малых и особенно отдаленных окраин ранее были малодоступны.

По результатам нашего исследования установлено, что в городе Североуральске население (25157 чел. в 2021 г.) в возрасте от 18 до 45 лет регулярно пользуется различными услугами через сеть Интернет (около 50%). А вот жители в возрасте от 46 до 60 лет реже используют для этого интернет. Многие жители в возрасте старше 60 лет вообще не пользуются интернетом (41,8% опрошенных). Причем, регулярно используют интернет 23,6% населения в возрасте старше 60 лет и 19,8% – от 46 до 60 лет (рис.).

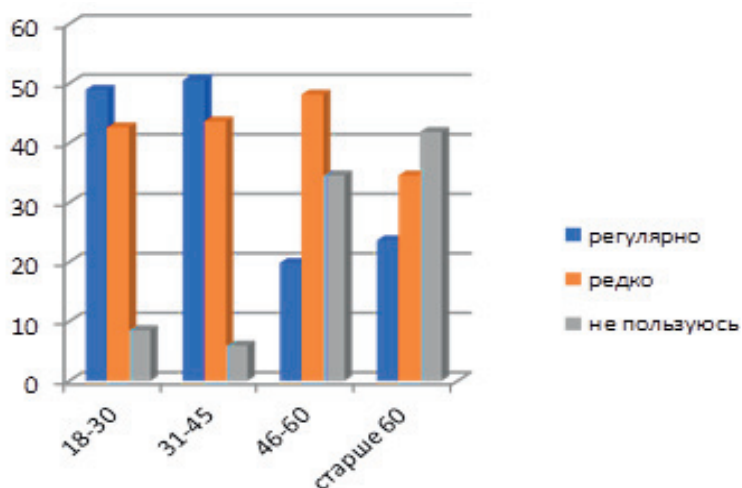

Рис. Частота пользования услугами Internet-инфраструктуры в городе Североуральск, % к числу опрошенных

В целом аналогичная картина наблюдается и в других городах, где проводился опрос – Камышлов и Заречный, хотя и своими особенностями.

Обратимся к таблице, где представлены услуги объектов Internet-инфраструктуры по степени активности их использования. Наиболее популярны и широко распространены в Североуральске услуги в сфере здравоохранения (52% опрошенных), в то время как население двух других городов чаще покупают различные товары через Internet: 39,8% в Заречном и 34,9% жителей Камышлова. Примерно одинакова доля лиц, использующих по интернету услуги в сфере ЖКХ – от 23% до 30%. Незначительное число жителей городов прибегают к услугам службы быта через сети: от 8% до 9,5% от общего числа опрошенных.

Таблица. Области использования Internet-инфраструктуры в малых городах

№ п/п	Услуги	Ответы в % к числу опрошенных		
		Североуральск	Камышлов	Заречный
1	В сфере здравоохранения	52,0	28,8	18,1
2	Покупка товаров	35,7	34,9	39,8
3	В сфере образования	35,1	31,7	16,7
4	В жилищно-коммунальном хозяйстве	25,1	30,2	23,1
5	В культурном обслуживании	11,6	19,6	15,8
6	Бытовое обслуживание	8,2	9,2	9,6

Интернет-инфраструктуры используются для решения многих задач, в том числе таких как автоматизация процессов принятия управленческих решений, автоматизация управленческой деятельности администрации местного самоуправления и учреждений социальной инфраструктуры, учреждений образования и здравоохранения.

Таким образом, реализация национального проекта «Цифровая экономика», внедрение компьютерных технологий во все сферы общественной жизни открывает новые перспективы для повышения качества жизни населения, улучшения условий и комфортности проживания. Цифровая инфраструктура дает возможность сбалансировать развитие социальной инфраструктуры муниципального образования, выравнять доступ к социальным услугам жителям малых городов и сельского населения. Цифровизация социальной инфраструктуры является одним из основных направлений стратегии развития города, что является важным условием устойчивого развития региона.

Библиографический список

1. Национальный проект «Цифровая экономика». URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 12.10.2022).
2. Пахомов Е.В. Цифровизация умного города // Инженерный вестник Дона. 2017. № 4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2017/4507
3. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10.
4. Абламейко М.С., Абламейко С.В. «Умный город»: от теории к практике // Наука и инновации (Минск). 2018. № 6 (184). С. 28–34.

Информация об авторе

Кох Иван Адамович (Россия, Екатеринбург) – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, Уральский институт управления РАНХиГС (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66; kia4@mail.ru).

Koch I.A.

DIGITALIZATION OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF SMALL TOWNS IN THE URALS IN THE STRATEGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. *The article analyzes the results of empirical sociological research on the development of Internet technologies, digitalization of social infrastructure in small towns of the Middle Urals, which is considered as the most important condition for improving social infrastructure and a means of ensuring sustainable development of the region.*

Key words: *social sphere, Internet technologies, digitalization, social infrastructure, sustainable development.*

Information about the author

Ivan A. Kokh (Russia, Ekaterinburg) – D.Sc. (Sociology), professor of the Department of Personnel Management, Ural Institute of Management, RANEPА (66, 8th March str., Ekaterinburg, 620144, Russia; kia4@mail.ru).

References

1. National project «Digital Economy». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika> (accessed 12.10.2022).
2. Pakhomov E.V. Digitalization of a smart city. Engineering Bulletin of the Don, 2017, 4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2017/4507
3. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: Advantages, challenges, threats and risks. Management consulting, 2018, 10.
4. Ablameyko M.S., Ablameyko S.V. «Smart city»: From theory to practice. Science and Innovation (Minsk), 2018, 6 (184), 28–34.

СОЦИОКОНСТРУКТИВНЫЙ АКТИВИЗМ В НЕЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ГОРОДОВ РОССИИ

Аннотация. Консолидация регионов России крайне важный и сложный процесс. В статье предлагается вариант решения на основе развития социоконструктивного активизма локальных городских сообществ. Локальный городской активизм исследователи, как правило, связывают с конфликтными ситуациями. Однако люди объединяются не только, когда возникает острый противоречивый вопрос, но и когда есть стремление сделать место жительства лучше. На эмпирическом материале, собранном в ходе реализации инициативного проекта «Про районы» (2021) четырех НКО городов Екатеринбург, Калининград, Самара и Уфа, методами глубинного индивидуального интервью с лидерами активистов нецентральных районов городов-миллионников и фокус-группового интервью с экспертами-активистами, сделаны выводы о ценностях и образах районов проживания, взаимоотношениях и социальной среде, характере общения с соседями, самоуправлении, дефицитах развития районов, взаимодействии с институциями, о практиках активизма. Часть результатов, полученных в ходе работы автора в роли эксперта-аналитика, модератора фокус-группового интервью и интервьюера в двух нецентральных районах (Демский и Калининский) в столице Республики Башкортостан ГО г. Уфа в июне – августе 2021 г., изложена в предлагаемом материале.

Ключевые слова: социоконструктивный активизм, нецентральный район, город, локальные сообщества, консолидация.

Принцип неполного взаимного соответствия личности и общества, сформулированный Николаем Ивановичем Лапиным в антропосоциетальном подходе, проявляется «в неполном соответствии личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума с возможностью их противостояния» [1, с. 27], показывает их взаимное стимулирование к активизму. Разделяя мнение А. Турена о том, что «...единство нашего общества не может быть найдено ни во внутренних правилах его функционирования, ни в его сущности, ни в его месте в длительном процессе эволюции, а только в его способности производить самого себя.» [2], рассмотрим эту способность в редукации локального активизма. С целью определения социоконструктивного активизма в нецентральных районах города-миллионника и характеристики его роли в консолидации локальных сообществ, рассмотрим современное представление о феномене локального городского активизма и его проявлении в конкретных нецентральных районах.

Современное представление о феномене локального городского активизма исследователи (Т.М. Дридзе, М.С. Байнова, А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов, А.М. Дружинин, М. Закирова и др.) связывают, как правило, с конфликтными ситуациями [3–7]. «Под локальным активизмом мы понимаем коллективные действия горожан, их самоорганизацию для участия в городском управлении, в том числе направленную на предотвращение нежелательного развития городских территорий (уплотнительная застройка придомовых территорий, вырубка зеленых насаждений в городских парках и скверах, реконструкция, реставрация, снос зданий).» [8, с. 166]. Анализ локального активизма включает как взгляд «изнутри», так и взгляд «извне»

на ситуацию. Поэтому изучаются как жители – непосредственные участники конфликтов, – так и роль органов власти [8–7].

Содержание локального активизма городских сообществ имеет коллективную субъектность проявления, которая выражается в конструктивном и деструктивном поведении. Самоорганизация неформальных объединений, включая местных жителей, проявляется по причине, которая становится мотивом конструирования решения. Поэтому социоконструктивный локальный активизм проявляется в силу необходимости поиска ответа на актуальный вопрос, требующий безотлагательного решения, и для реализации вдохновляющей идеи для благоустройства локации, как добавления ценностей и личного вклада в место проживания, в самих жителей. Таким образом, социоконструктивный характер локального активизма обусловлен стремлением к созиданию, улучшению и повышению качества места жительства как общественного блага (подъезды, дворы, придомовые территории, событийная повестка) и проявляется в компетенции самоорганизации. Как правило, ею обладают социально зрелые личности с опытом управления, даром убеждения, способные сформировать определенное видение места своего проживания, знанием прав и возможностей влияния на окружающую городскую среду и ее агентов.

Проявление социоконструктивного активизма в конкретных нецентральных районах стало предметом изучения научно-исследовательской повестки инициативного проекта «Про районы» (2021) четырех НКО городов Екатеринбург, Калининград, Самара и Уфа, методами глубинного индивидуального интервью с лидерами активистов нецентральных районов городов-миллионников и фокус-группового интервью с экспертами. Выступая в роли эксперта-аналитика, модератора фокус-группового интервью и интервьюера в двух нецентральных районах (Демский и Калининский) в столице Республики Башкортостан ГО г. Уфа в июне-августе 2021 г. стало возможным знакомство с локальными активистами и их практиками. В силу ограничения объема статьи остановимся именно на них.

Практики активизма группируются по следующим направлениям.

1. Озеленение и облагораживание территорий:

а) Ю.: «Мой маленький сын гордится, что выросли березы, которые я сажала. Он настолько тронут и всем рассказывает, что на улице Дагестанской березы сажала его мама: «Эти деревья посадила моя мама! Это ее березки!»;

б) О.: «Однажды я привела сына в парк и рассказала, что сцену в парке я строила. Мы собирали «с миру по нитке». У железнодорожников собирали железо, дерево. Парень был Роман, он все сделал. Я ни одного гвоздя не прибила, но я писала письма, созванивалась, искала транспорт, чтобы привести доски, фанеру. Получала от главы. Очень сильно плакала (смеется). Слава Богу, сцена стоит»;

в) Л.: «Сосны сажаем».

2. Волонтерская деятельность:

а) З.: «Благотворительную помощь оказываем малоимущим, многодетным. Администрация информирует, демчане. Соцслужбы работают в тесном контакте»;

б) Л.: «Мы проводим социальную елку с администрацией»;

в) К.: участие в сборах средств в благотворительном фонде «Мархамат», работала вожатой в смене с детьми из неблагополучных семей, чтобы они раскрылись»;

г) Е.: «Взаимодействую с благотворительными фондами и дети за мной тянутся; уборка территории дома в неблагополучном районе, вовлечение «местного бомонда» – жителей с алкогольной зависимостью к раздельному сбору мусора и бутылок»;

д) С.: «С 8 класса занимаюсь волонтерством. Есть волонтерская книжка. Была вожатой в летнем лагере «Росинка», работала с детьми из неблагополучных семей. Работаю с фондом «Мархамат» тьютором с особыми детками»;

е) Г.: «Привлечение внимания к проблемам дворов в плачевном состоянии без детских площадок или с площадками не по ГОСТ, СанПиН».

3. Участие (С.: «Сама участвовала в 2017 г. В Орджоникидзевском районе, как и в Деме, организовали Центр досуга ветеранов, в котором люди сами организовали кружки по своим интересам, студии, клуб книголюбов, ландшафтный дизайн, хор. Участие в различных фестивалях («Я люблю свою жизнь» для старшего поколения регионального статуса. В 2019 г. участвовала в конкурсе «Достояние столицы», проводит Общественный фонд развития города. Премия в номинации «Уфа – город жителей с высокой гражданской активностью». Д.: «Бывшая спортсменка. Участвует в спартакиадах»).

4. Организация событий (И.: «Вместе с третьим трестом в пандемию организовали пение всем двором с балконов караоке. Представьте: три 9-тиэтажки пели!». Е.: «У нас озеро за домом. Там зоны барбекю. Так устраиваем чаепития. Мамочки – бизнес-вумен обучают открытию своего дела за чашкой чая». С.: член Совета ветеранов ТСЖ «Парковая» на границе с Орджоникидзевским районом. Мы распространили свою деятельность на весь город. Проводили много мероприятий. Литературные чтения им. Мустая Карима. Большой городской видеомарафон, когда читали книгу всем миром «Долгое, долгое детство» в год Семьи в РБ. Как член Городского совета ветеранов организовывала фестиваль «Счастливое долголетие». Концерты художественной самодеятельности, показы моды, конкурсы красоты... Открыла в 2020 г. школу танцев для взрослых людей 55+. Прошла переквалификацию на хореографа в 60 лет. Инициативно сформировался ансамбль. Есть победы в конкурсах в Уфе, в Сочи.» К.: «Пригласили в «Улей». Работаю как танцевальный педагог с детьми с ОВЗ.» Ю.: «Провели 2-й Довлатовский фестиваль 3 сентября в Филармонии. Все на общественных началах. Пробили распоряжение Главы республики. После 1-го фестиваля зажглись. Возле филармонии на Гоголя, 55, где он жил, арка расписана в духе Довлатова.»).

5. Профилактика и информирование:

а) Р.: «Занимаюсь профилактикой детского травматизма»;

б) А.: «Общественный контроль. Сообщаем, где девианты собираются на районе»;

в) Д.: «В соцсетях и беседах предупреждаем всех: бомж на детской площадке или наркоман во дворе».

6. Воспитание детей и взрослых (М.: «Перед субботником смотрю, под чьими окнами окурки. Там и даю задание убрать. Глядишь, по утру уже с банкой стоит, пепел и окурки уже в нее». Л.: «Откуда красота во дворе? По весне бабушки с внуками цветы сажают и поливают, когда гулять выходят. «Маленькие кнопочки» с маленькими лейками трудятся».

7. Сбережение исторического и культурного наследия (Ю.С.: «С 2015 г. оказываем посильную помощь в деле сохранения культурных кодов народов республики и г. Уфы. Культурный код – житель Уфы по маркерам: мультинациональность, тяга к высшему образованию и изучению, любовь к истории своего города, значение окружающей среды, включая исторические здания. Некий синтез этих элементов. Создали проект «Уфимские грани» – город в виде бриллианта. Его грани – это части города.

Начали с Черниковки. Суть – сами уфимцы рассказывают свои личные истории, связанные с Уфой, с той или иной ее частью; какой город. Связано это с тем, что стали проявляться несколько лет назад негативные тенденции среди интеллигенции, что Уфа уже не та. Надо отсюда уезжать. А какая она была и сейчас? Мы стали выявлять активных жителей, интересных жителей, которые делают больше, чем должны или в связи с положением, которое обязывает. Выяснили главный запрос черниковцев на увековечивание главного архитектора города Черниковска – М. Куприяновой. Добились успехов. Сейчас аллея от «Орджоникидзе» до «Восьмиэтажки» получила имя М. Куприяновой. С ЦМА (центры местных активистов) проводим конкурс на лучший проект арт-объекта, посвященный М. Куприяновой. Это в музее им. Нестерова. Есть зал выставочный, где можно посмотреть и проголосовать за арт-объект. Планируем замахнуться на центр города.»).

8. Развитие креативных индустрий:

а) интеллектуальный туризм (Ю.: «Увековечивание значимых для Уфы имен и превращение города Уфы в центр интеллектуального туризма. Великие имена, много интересных людей, которых в самой Уфе мало знают, но ими восхищаются в России и в мире»;

б) изготовление и продажа товаров в стиле «фолк» (С.: «Одно из направлений – создание и производство товаров в стиле «фолк». Свои торговые точки»;

в) посткроссинг (Д.: «Подруга из Чехии попросила прислать открытку с видом Уфы. Я не нашла. Тогда решила сама заняться изготовлением открыток вдохновляющих мест и их гениев. Сама стала посткроссером»).

9. Развитие сотрудничества с ЦМА, городским советом депутатов и др. Практики активизма реализуются во взаимодействиях с различными институциональными образованиями и структурами. С администрацией Калининского района города Уфы взаимодействие налажено через Центры местных активистов (ЦМА). Совместно реализуют проект «Народный путеводитель». В Демском районе с бизнесом есть определенные связи. налажены хорошие контакты с крупным предприятием железнодорожной станцией «Дема» и городскими депутатами, ЖЭУ и управляющими компаниями. Тесно сотрудничают отдельные НКО. Например, «Улей» и Центр досуга ветеранов. Активно завязывали контакты сразу после фокус-группового интервью. Хорошие отзывы о соучастии в благоустройстве дворовых территорий.

10. Фандрайзинг (А.: «Фандрайзер Общественного центра «Улей». Работаю в фонде «Изгелек». Привлекаю средства для благотворительных организаций. Реализую проект «Юридическая помощь по обеспечению лекарственными средствами в Уфе»).

11. Подготовка грантовой документации и реализация проектов НКО и Программы поддержки местных инициатив:

а) С.: «Более 5 лет в некоммерческом секторе. Выиграны гранты и реализованы проекты: «Антистресс» (для педагогов, 10 школ, 250 учителей), 2020 г. – грант Главы выиграл проект «Свети и не сгорай», для профилактики выгорания сотрудников НКО (90 человек из НКО)»;

б) А.: «Победитель в конкурсе «Идея, преображающая города» с проектом по благоустройству Черниковки»;

в) Ел.: «Благоустройство целого квартала Калининского района по Программе «Башкирские дворики – 2020» в пандемийное время. Это первая территория в Уфе, которая обустроивалась одновременно полностью. В этом кластере 9 домов, око-

ло 600 квартир. При содействии администрации и управляющей компании. «Мы как люди советского воспитания привыкли думать больше о других, а не о себе.» Это норма. Занималась оформлением документации и организацией. Схему благоустройства сами сделали, т.к. имеет опыт работы в конструкторском бюро. Топоъемку переделывали. Три детских площадки, три спортивных. Все довольны. Тротуары проложили с учетом мнения бабушек, которые занимаются скандинавской ходьбой и собачников. Удобно с колясками. Подход «как у себя дома сообща». Я ходила по домам и спрашивала: «Кто это у вас тут самый активный? Кто больше всего хочет?» Мне говорили, я связывалась. Так все и организовала. Объединили усилия. Качество жизни изменилось. «Бытие определяет сознание». Был лунный ландшафт. Мы все пространство перевернули. Было грязно и мрачно. Опасно. 75-я школа рядом. После убийства школьницы в гараже, в городе стали сносить все гаражи возле школ. И у нас образовался пустырь. Под каждым гаражом были бункеры, погреба, куда могли провалиться дети. Все раскопали, забетонировали. Привели в порядок»).

12. Общественное самоуправление (М.: «Дворовые субботники организуем. Дни соседей, каждое последнее воскресенье месяца. Цветники, забор... да все, что душе угодно»).

Можно заключить, что развитие социоконструктивного активизма локальных городских сообществ обладает серьезным потенциалом, который еще предстоит оценить. Из изложенного следует вывод о том, что консолидация россиян начинается с их вовлечения в конструктивные «близкие» практики, которые касаются каждодневного времяпрепровождения. Такой опыт формирует осознанное и ответственное поведение, вселяет уверенность в возможность влиять на происходящее и контролировать свою «зону ответственности» вместе с теми, кто знаком и кому можно доверять. Такой механизм может и должен охватить максимальное число участников, связав в единое целое социоконструктивные локальные сообщества активистов города.

Библиографический список

1. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17–29.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Москва: Научный мир, 1998. 204 с.
3. Дридзе Т.М. О технологии комплексной социально-проектной работы, предваряющей и сопровождающей принятие и реализацию градостроительных решений // Социально обоснованное градостроительство. Москва, 2005.
4. Байнова М.С. Проблемы взаимодействия власти и общества в градостроительной деятельности на примере города Москвы // Вестник Московского университета. 2015. № 6. С. 104–108.
5. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 18 (4). С. 44–65.
6. Дружинин А.М. Репрезентация строительных конфликтов в виртуальных сообществах. Интеграция, партнерство и инновации в строительной науке и образовании. Москва: Нац. иссл. Московский гос. строительный ун-т, 2011. С. 79–82.
7. Закирова М. «Вот здесь видно все!»: саморепрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2. С. 217–240.

8. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
9. Мытиль А.В., Дудченко О.Н. Солидарность в территориальном гражданском активизме: вопросы и перспективы // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). 2019. Т. 28. С. 482.

Информация об авторе

Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана факультета философии и социологии по научной работе, Уфимский университет науки и технологий (Россия, 450076, г. Уфа, з. Валиди, д. 32; nmlavr@yandex.ru).

Lavrenyuk-Isaeva N.M.

SOCIO-CONSTRUCTIVE ACTIVISM IN NON-CENTRAL AREAS OF RUSSIAN CITIES

Abstract. *Consolidation of Russian regions is an extremely important and complex process. The article suggests a solution based on the development of socio-constructive activism of local urban communities. Researchers usually associate local urban activism with conflict situations. However, people rally not only when an acute controversial issue arises, but also when there is a desire to make the place of residence better. Based on the empirical material collected during the implementation of the initiative project «About Districts» (2021) of four NGOs in the cities of Yekaterinburg, Kaliningrad, Samara and Ufa, using the methods of in-depth individual interviews with leaders of activists of non-central districts of cities with millions and focus group interviews with experts, conclusions were drawn about the values and images of residential areas, relationships and social environment, the nature of communication with neighbors, self-government, deficits in the development of districts, interaction with institutions, about the practices of activism. Part of the results obtained during the author's work as an expert analyst, moderator of a focus group interview and interviewer in two non-central districts (Demsky and Kalininsky) in the capital of the Republic of Bashkortostan, Ufa in June-August 2021, are presented in the proposed material.*

Key words: *socioconstructive activism, non-central district, city, local communities, consolidation.*

Information about the author

Natalia M. Lavrenyuk-Isaeva (Russia, Ufa) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Deputy Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology for Scientific Work, Ufa University of Science and Technology (32, z. Validi, Ufa, 450076, Russia; nmlavr@yandex.ru).

References

1. Lapin N.I. Anthroposocietal approach: methodological foundations, sociological dimensions. *Questions of Philosophy*, 2005, 2, 17–29.
2. Touraine A. *The return of the acting man*. Moscow: Scientific world, 1998. 204 p.
3. Dridze T.M. About the technology of complex socio-project work that precedes and accompanies the adoption and implementation of urban planning decisions. *Socially justified urban planning*. Moscow, 2005.

4. Baynova M.S. Problems of interaction between government and society in urban planning activities on the example of the city of Moscow. *Bulletin of the Moscow University*, 2015, 6, 104–108.
5. Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Political-institutional and communicative aspects of interaction of subjects of urban conflicts (based on the materials of an expert survey). *Person. Community. Management*, 2017, 18 (4), 44–65.
6. Druzhinin A.M. Representation of construction conflicts in virtual communities. *Integration, Partnership and Innovation in Construction Science and Education*. Moscow: National Research Moscow State University of Civil Engineering, 2011, 79–82.
7. Zakirova M. «Everything is visible here!»: self-presentation of the urban social movement. *Journal of Social Policy Research*, 2008, 2, 217–240.
8. Zhelnina A.A., Tykanova E.V. Formal and informal civil infrastructures: Modern studies of urban local activism in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, 22 (1), 162–192. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
9. Mytil A.V., Dudchenko O.N. Solidarity in territorial civic activism: issues and prospects. The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov), 2019, 28.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *В условиях нестабильной мировой ситуации следует использовать актуальные стратегии развития территорий. Сохранение человеческого потенциала в разрезе субъектов России невозможно без проведения комплексной социально-экономической политики, направленной на равномерное развитие всех уголков страны.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, пространственное развитие, экономическая политика, прогнозирование.*

Осенью 2015 года в Нью-Йорке 193 государства – члена ООН, в том числе и Российская Федерация, единогласно приняли новую всеобщую программу по обеспечению устойчивого будущего [1, с. 29–30]. Были сформулировано 17 Целей в области устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 года, которые касаются всех сфер жизнедеятельности населения:

- ликвидация нищеты;
- ликвидация голода;
- хорошее здоровье и благополучие;
- качественное образование;
- гендерное равенство;
- чистая вода и санитария;
- недорогостоящая и чистая энергия;
- достойная работа и экономический рост;
- индустриализация, инновации и инфраструктура;
- уменьшение неравенства;
- устойчивые города и населенные пункты;
- ответственное потребление и производство;
- борьба с изменением климата;
- сохранение морских экосистем;
- сохранение экосистем суши;
- мировое правосудие и эффективные институты;
- партнерство в интересах устойчивого развития.

На сегодняшний день поиск оптимальных путей для скорейшей реализации данных целей является ключевой задачей в масштабах каждой отдельной страны и мира в целом. Для некоторых вышеупомянутых целей необходимо в корне менять управленческие подходы, реформировать поставленную стратегию, подстраиваться под актуальные кризисные явления, дефициты, конфликты (как локальные, так и мировые) [2].

Принятые стратегии станут основой для национальной безопасности страны и устойчивого социально-экономического развития территорий. В структуру стратегии устойчивого пространственного развития необходимо включать следующие этапы:

- анализ современного состояния и тенденции социально-экономического развития;
- оценку потенциала развития территории;

- анализ системы управления территории;
- определение сильных и слабых сторон, возможностей и потенциальных угроз региона;
- формулирование основных проблем, на решении которых необходимо сосредоточить первоочередные усилия в ходе реализации стратегии;
- формирование стратегического видения и стратегических направлений развития территории;
- детальное описание системы реализации стратегии, включая план стратегических мероприятий, систему управления реализацией стратегии, а также экономико-математическую модель, позволяющую оценить ожидаемые результаты реализации стратегии [3, с. 24].

Успешный опыт социально-экономических реформ в других странах свидетельствует, что при долгосрочном прогнозировании желательно опираться не только на позитивные сценарии развития, а также на более приближенные к реальной ситуации, более того, нужно сознательно стараться анализировать и наихудшие варианты. Подводя итог, важно подчеркнуть, что в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года совершенно верно отмечено, что «качество государственного стратегического планирования (управления) во многом предопределяет возможность перехода к новой модели экономического роста, в основе которой факторами роста являются стимулирующая деловую активность институциональная среда и человеческий капитал» [3, с. 25].

Библиографический список

1. Стрижов С.А. Устойчивое развитие в условиях новых вызовов // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 28–36.
2. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29. URL: http://economics.com.az/ru/images/fotos/direktor/globaliz/voprosi_ekonomiki_nomer10_2015.pdf (дата обращения 10.10.2022).
3. Сиротенко М.В. Процедура согласования федеральных, региональных и муниципальных стратегий при определении модели устойчивого развития российской экономики // Стратегии бизнеса. 2016. № 6. С. 22–24. URL: <https://www.strategybusiness.ru/jour/article/view/244> (дата обращения 10.10.2022).
4. Сургуладзе В.Ш. Актуальные проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 19–26. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4679&l=&j=2 (дата обращения 10.10.2022).

Информация об авторе

Морозова Людмила Руслановна (Россия, Петрозаводск) – аспирант, младший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Россия, 185000, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, д. 50; kryuchkova96@yandex.ru).

Morozova L.R.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION

Abstract. *In an unstable world situation, current strategies for the development of territories should be used. The preservation of human potential in the context of the subjects of Russia is*

impossible without a comprehensive socio-economic policy aimed at the uniform development of all corners of the country.

Key words: *sustainable development, spatial development, economic policy, forecasting.*

Information about the author

Lyudmila R. Morozova (Russia, Petrozavodsk) – post-graduate student, Junior Researcher, Institute of Economics of the Federal State Budgetary Institution of Scientific Research Center of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (50, A. Nevsky prospect, Petrozavodsk, 185000, Russia; kryuchkova96@yandex.ru).

References

1. Strizhov S.A. Sustainable development in the conditions of new challenges. *Social innovations and social sciences*, 2020, 1, 28–36.
2. Sirotenko M.V. The mechanisms of cooperation between federal, regional and municipal strategies in the model of sustainable development of the Russian economy. *Business Strategies*, 2016, 6, 22–24. URL: <https://www.strategybusiness.ru/jour/article/view/244> (accessed 10.10.2022).
3. Medvedev D.A. A new Reality: Russia and global Challenges. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, 10, 5–29. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/121/0> (accessed 10.10.2022).
4. Surguladze V.Sh. Actual Problems of Forecasting in the System of State Strategic Planning. *Power*, 2016, 24 (10), 19–26. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4679&l=&j=2 (accessed 10.10.2022).

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РЕГИОНЫ СЗФО

Аннотация. Предметом исследования является географическая доступность регионов СЗФО. В рамках поставленной цели использовались методы расчета доступности регионального рынка, основанные на инструментарию вычисления евклидова расстояния. Используя данные матрицы расстояний, исследуется географическая доступность региональных рынков.

Ключевые слова: регионы СЗФО, индекс периферийности, доступность регионального рынка.

Введение

Влияние приграничного положения на развитие региона быть как положительным, так и отрицательным. К положительным аспектам приграничного положения относятся возможные направления внешнеэкономического сотрудничества, формирующие существенный пласт различных экономических и хозяйственных отношений. Приграничные территории могут получать конкурентные плюсы и от транзитной составляющей, которая также формируется в результате расположения территории, позволяя создавать объекты инфраструктурного характера [1].

К отрицательным аспектам приграничного положения следует отнести высокий уровень конкуренции со стороны «соседнего» государства. Для территорий приграничного расположения выход на внутренние рынки с произведенной продукцией затруднен, поскольку к издержкам производственной деятельности добавляются издержки транспортно-логистического характера. Результатом является сужение рынка сбыта у таких территории и как следствие сокращение объемов производства [2].

Методология

Социально-экономическое развитие российских регионов имеет ярко выраженную зависимость от отдельных факторов, одним из таких факторов является расположение региона [3].

Вычисление расстояний в многомерном измерении состоит в вычислении евклидовых расстояний [4]. Евклидово расстояние - форма для расчета расстояния, определяемая геометрическим расстоянием в многомерном измерении и вычисляется на основании формулы (1):

$$S_{x,y} = \sum \sqrt{(x_i - y_i)^2} \quad (1)$$

Для расчета матрицы расстояний используется подход, определяющий расстояние между российскими регионами в многомерном пространстве.

Для анализа степени удаленности территорий рассчитывается показатель удаленности регионов, построенный на основании географических координат: широты и долготы, между региональными столицами.

Рассмотрены географические координаты региона, определяемые на основании расположение столичного региона по географической широте S_{hi} и долготы $дол_i$, $S_{x,y}$ – евклидово расстояние между регионами x и y .

$\Delta sh_{x,y} = sh_x - sh_y$ – разница по широте региональных центров региона x и y.

$\Delta dol_{x,y} = dol_x - dol_y$ – разница по долготе региональных центров региона x и y.

Измерение широты и долготы происходит в градусах, для преобразования в километры необходимо $112 * (\Delta sh_{x,y})$ – расстояние между регионами по широте в км, так как 1° широты приблизительно равняется 112 км, $65 * (\Delta dol_{x,y})$ – расстояние между регионами по долготу в км, так как 1° долготы приблизительно равняется 65 км. В результате кратчайшее расстояние между двумя региональными центрами в километрах рассчитано по формуле:

$$S_{x,y} = \sqrt{112 * (\Delta sh_{x,y})^2 + 65 * (\Delta dol_{x,y})^2} \quad (2)$$

Исследуя регионы СЗФО формируется понятие центральные регионы, которые имеют большое количество «соседей» и уровень доступности таких региональных рынков достаточной высок. Объем производства центральных региональных рынков имеет высокие показатели ввиду того, что высока возможность выходя со своей продукцией в близлежащие регионы. Чем более удаленное положение имеет регион, тем больше затрат, в том числе и транспортных может понести региональный рынок.

В рамках поставленных задач предлагается рассчитывать уровень периферийности региона в результате оценки двух показателей географическое расположение и объем регионального рынка, определяемый через статистический показатель – численность населения. В результате предложен расчет индекса периферийности по формуле (3):

$$\text{Индекс_периф}_x = \frac{\sum_x S_{x,y} * Pop_x}{\sum_x Pop_x} \quad (3)$$

x, y – российские регионы;

$S_{x,y}$ – расстояние между регионами;

Pop_x – объем регионального рынка (население региона x);

$\sum_x Pop_x$ – объем российского рынка (население всех рассматриваемых регионов).

В результате расчета коэффициента периферийности по регионам СЗФО возможна классификация регионов и их ранжирование в зависимости от уровня доступности регионального рынка.

Результаты

Методология проводимого исследования заключается в оценке доступности регионального рынка для других российских регионов. Удаленность части регионов от экономического центра не позволяет им расширять производственный потенциал, ориентированный на внутреннего потребителя. В результате, данные регионы приобретают статус периферийных, т.е. удаленных от основных региональных рынков страны. В рамках данной работы предложено использовать эвклидово расстояние и расчет матрицы расстояний на основании географического расположения региональной столицы (2).

На основании использования формулы (2) была построена матрица расстояний, которая состоит из значений расстояний между региональными центрами, расположенными по горизонтали и по вертикали. Построенная на основании предложенного подхода матрица расстояний имеет «зеркальную структуру», потому что расстояние от двух региональных центров оцениваются в двух направлениях (например, от Петрозаводска до Санкт-Петербурга и от Санкт-Петербурга до Петрозаводска расстояние будет одинаково). Зеркальное отображение матрицы расстояния происходит относительно диагональной линии, значения которой равны 0 (расстояние от Петрозаводска до Петрозаводска).

Матрица расстояний регионов СЗФО

	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Мурманская обл.	Ленинградская обл.	Новгородская обл.	Псковская обл.	Калининградская обл.
Респ. Карелия	0,00	1072,56	505,53	466,15	810,16	335,98	401,44	598,26	1203,60
Респ. Коми	1072,56	0,00	749,98	761,82	1411,42	1347,66	1317,56	1532,56	2125,85
Архангельская обл.	505,53	749,98	0,00	605,67	684,11	841,48	891,21	1099,49	1708,64
Вологодская обл.	466,15	761,82	605,67	0,00	1183,25	628,91	568,27	776,50	1364,03
Мурманская обл.	810,16	1411,42	684,11	1183,25	0,00	1035,32	1160,19	1294,20	1801,82
Ленинградская обл.	335,98	1347,66	841,48	628,91	1035,32	0,00	146,58	271,94	867,92
Новгородская обл.	401,44	1317,56	891,21	568,27	1160,19	146,58	0,00	219,51	832,77
Псковская обл.	598,26	1532,56	1099,49	776,50	1294,20	271,94	219,51	0,00	614,49
Калининградская обл.	1203,60	2125,85	1708,64	1364,03	1801,82	867,92	832,77	614,49	0,00

Источник: составлено автором.

В результате расчета матрицы равновесия были определены расстояния между региональными центрами, определяемыми при помощи евклидова расстояния и рассчитанные на основании данных географической широты и долготы. Стоит отметить, что определяемые расстояния несколько отличаются от протяженности дорожного покрытия между столичными центрами, так как расчет производился без учета проложенного дорожного покрытия.

Другим показателем, по которому определяется доступность регионального рынка, является объем рынка, оцениваемый через показатель численность населения региона. В результате на основании географической доступности и емкости регионального рынка оценивается показатель периферийности. Оценка периферийности будет учитывать наличие расположенных вблизи региональных рынков, в результате необходимо расстояние, в рамках которого будет определяться влияние на региональный рынок. На основании вышеизложенного был предложен механизм, в результате которого оцениваются направления, влияющие на регион, и рассчитывается индекс периферийности.

Вывод

Российские регионы имеют более широкий спектр классификации в результате более широкой географической протяженности государства [5; 6]. Часть приграничных регионов, попадают в группу полуцентральных регионов, так как географиче-

ски они являются доступным для других региональных рынков. (Республика Карелия, Ленинградская область).

В результате проведенного исследования были выявлены основные виды регионов по уровню географической доступности. Полученные результаты исследования могут быть использованы для написания стратегических и программных документов. В рамках пользования полученными в исследовании расчетами, определяемая доступность территорий позволяет оценить возможность, как межрегионального, так и трансграничного, и внешнеэкономического сотрудничества.

Библиографический список

1. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионология Regionology. 2017. № 2. С. 200–216.
2. Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 1. С. 87–93.
3. Морошкина М.В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4 (157). С. 109–115.
4. Кластерный анализ: электронный учебник по статистике. URL: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stcluan.html> (дата обращения 24.04.2019).
5. Rezzani R.J. Classification analysis of world economic regions. Geographical Analysis, 2001, 33 (4), 330–352.
6. Taylor P.J., Catalano G., Walker D.R. Exploratory analysis of the world city network. Urban Studies, 2002, 39 (13), 2377–2394.

Информация об авторе

Морошкина Марина Валерьевна (Россия, Петрозаводск) – Институт экономики, Карельский научный центр Российской академии наук» (Россия, 185030, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, д. 50; maribel74@mail.ru).

Moroshkina M.V.

CENTRAL AND PERIPHERAL REGIONS OF THE SFOS

Abstract. *The subject of the research is the geographical accessibility of NWFD regions. Within the framework of the research we used the methods for calculating the accessibility of the regional market, based on the tools of Euclidean distance calculation. Using the data of distance matrix, the geographical accessibility of regional markets is investigated.*

Key words: *NWFD regions, periphery index, regional market accessibility.*

Information about the author

Marina V. Moroshkina – Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (50, A. Nevsky pr., Petrozavodsk, 185030, Russia; maribel74@mail.ru).

References

1. Druzhinin P.V. Peculiarities of development of border regions. Regionology, 2017, 2, 200–216.

2. Tkachev S.A., Bolotov D.A., Mezhevich N.M. Border cooperation in regional socio-economic development: theory, Russian practice. *Regional problems of economic transformation*, 2016, 1, 87–93.
3. Moroshkina M.V. Differentiation of Russian regions by the level of economic development. *Problems of Forecasting*, 2016, 4 (157), 109–115.
4. Cluster analysis: Electronic textbook on statistics. URL: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stcluan.html> (accessed 24.04.2019).
5. Rezzani R.J. Classification analysis of world economic regions. *Geographical Analysis*, 2001, 33 (4), 330–352.
6. Taylor P.J., Catalano G., Walker D.R. Exploratory analysis of the world city network. *Urban Studies*, 2002, 39 (13), 2377–2394.

УСИЛЕНИЕ ВНИМАНИЯ В РЕГИОНЕ К РЕЙТИНГУ НАИБОЛЕЕ ТРУДОЛЮБИВЫХ ТУЛЯКОВ

Аннотация. *Людям всегда было интересно знать, с какой активностью работают те, которые руководят не только страной в целом, но и регионом в частности. С 2004 года Тульский социологический центр создает «Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области».*

Ключевые слова: *рейтинг, социально-экономическое развитие Тульской области.*

Во время санкций и сложной международной обстановки России приходится изыскивать внутренние ресурсы для своего развития. Людям всегда было интересно знать с какой активностью работают те, которые руководят не только страной в целом, но и регионом в частности.

С 2004 года Тульский социологический центр создает «Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области». Данный рейтинг прочно вошел в сознание туляков, его печатали различные СМИ, он регулярно размещался на сайте Российского общества социологов, объективно отражал социокультурную ситуацию в регионе.

В 2005 году данный рейтинг создавался в рамках исследовательской программы «Проблема социокультурной эволюции России и ее регионов» под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, осуществляемой под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

Рейтинг создается с учетом мнения экспертов. Многие эксперты работают в наиболее авторитетной экономической организации региона Тульской торгово-промышленной палате. В составлении рейтинга активное участие принимают социологи, политологи, экономисты, предприниматели, журналисты, активисты различных общественных организаций.

При отборе кандидатов на включение в рейтинг, эксперты всегда принимали во внимание их активность в социально-экономической работе на благо Тульской области. Учитывались не только заслуги организации, которой руководят кандидаты на включение в рейтинг, но и их активную гражданскую и экономическую позицию: участие в конкурсах «Золотой Меркурий», «Тульское качество», «Тульский бизнес – 2021», плодотворную работу в комитетах и комиссиях Тульской Торгово-промышленной палаты.

Очередное восемнадцатое по счету исследование вызвало большой интерес в регионе. Результаты рейтинга сразу же разместила на своем сайте самая авторитетная газета Тульской области «Слобода» [1]. За первые дни страницу с рейтингом посетили более 3 тыс. чел. и было оставлено около 100 комментариев.

Через несколько дней этот рейтинг на своем сайте разместило Российское общество социологов [2].

На первое место в рейтинге эксперты поставили губернатора региона А. Дюмина и членов его команды – В. Шерина и Н. Федорищева. Эксперты аргументировали это решение тем, что за 6 лет своего пребывания на посту губернатора А. Дюмин вместе

со своей командой смог привлечь в регион более 600 млрд руб. инвестиций и создает условия для дальнейшего социально-экономического развития Тульской области.

В рейтинг вошли руководители наиболее успешных крупных предприятий, которые вносят весомый вклад в социально-экономическое развитие региона: Дмитрий Коноплев – заместитель генерального директора АО «НПО «Высокоточные комплексы», управляющий директор ОАО «Конструкторского бюро приборостроения им. академика Шипунова», председатель ТРО ООО «Союз машиностроителей России»; Борис Сокол – президент ОАО «Щекиноазот»; Евгений Дронов – генеральный директор АО «АК «Туламашзавод», Герой труда РФ; Илья Курилов – генеральный директор ПАО «Императорский Тульский оружейный завод»; Александр Смирнов – генеральный директор АНО «НПО «Сплав»; Владимир Филиппов – генеральный директор АО «Тулаточмаш»; Сергей Баев – директор ООО «Завод «АЛЬКОР», председатель комитета Тульской ТПП по содействию развития малого и среднего бизнеса; Валерий Кузнецов – директор ГК «Базис»; Владимир Золотухин – генеральный директор ООО Научно-производственного предприятия «Вулкан-ТМ», председатель подкомитета Тульской ТПП по инновациям в металлургии и литейном производстве; Борис Тужиков – управляющий директор АО «Евраз Ванадий Тула», президент Объединения работодателей «Тульский областной союз работодателей»; Рафик Папьян – генеральный директор ООО «Инд-Гарник»; Вячеслав Чапкин – генеральный директор ПАО «НПО «Стрела»; Николай Борзенков – генеральный директор ООО «Металлопрокатный завод»; Алексей Кораблев – директор ООО «ПФ «АЯН» и др.

Представители региональных СМИ представлены именами видных тульских журналистов: Сергей Белов – председатель Союза журналистов Тульской области, директор филиала ГТРК «Тула», председатель комитета по СМИ, рекламе и полиграфии Тульской Торгово-промышленной палаты; Андрей Мазов – генеральный директор ООО «Региональные новости»; Татьяна Алексеева – генеральный директор ООО «Слобода»; Тамара Головина – генеральный директор ООО «Молодой и К»; Ольга Натаркина – директор ГУ ТО «Информационное Агентство «Регион 71».

Банковская сфера в рейтинге представлена опытными руководителями: Сергей Ющенко – управляющий Тульским отделением ПАО «Сбербанк»; Светлана Мужичкова – управляющий ВТБ в Тульской области, старший вице-президент банка; Лариса Чумакова – региональный директор ОО «Тульский» ПАО «Промсвязьбанк»; Сергей Ганжа – директор Тульского регионального филиала АО «Россельхозбанк»; Алла Филатова – управляющий операционными офисами г. Тулы Филиала АКБ «ФОРА-БАНК» в г. Калуга.

Эксперты особо отметили вклад ряда туляков в социально-экономическое развитие региона: председателя Совета Союза «Тульская торгово-промышленная палата», генерального директора ПАО «АК «ЦНИИСУ», до 21.12.2021 президента Тульской Торгово-промышленной палаты Юрия Агафонова за огромную работу по развитию бизнеса; председателя комитета Тульской Торгово-промышленной палаты по предпринимательству в ЖКХ Сергея Костюченкова за многолетнюю работу по развитию ЖКХ; директора Тульского государственного музея оружия Надежду Калугина за большую патриотическую работу по воспитанию молодежи и получение премии Правительства Российской Федерации; председателя ТРО ООО «Центр экологической политики и культуры», председателя комитета Тульской Торгово-промышленной палаты по природопользованию и экологии Михаила Буденкова за неустанный работу по экологическому оздоровлению региона; уполномоченного по защите прав

предпринимателей в Тульской области Александра Головина за постоянную помощь и поддержку в становлении бизнеса; директора МАУК «Театрально-концертный центр» Марину Мазанову за многолетнюю организацию международного фестиваля «Театральный дворик»; митрополита Тульского и Ефремовского Алексия за активное пастырское служение на благо Тульской области.

Жителями региона активно используют «Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области» при анализе событий и вносят свои предложения по включению лиц в следующий рейтинг 2022 года. Такое внимание туляков радует сотрудников Тульского социологического центра, и они всегда готовы к плодотворному сотрудничеству со всеми желающими по составлению следующих рейтингов.

Библиографический список

1. Составлен топ-100 туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие региона. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2022-01-19-sostavlen-top-100-tulyakov-vnesshih-naibol-shij-vklad-v-social-no-ekonomicheskoe-razvitie-regiona> (дата обращения 21.03.2022).
2. Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области в 2021 году. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1866 (дата обращения 21.03.2022).

Информация об авторе

Мосин Василий Иванович (Россия, Тула) – кандидат философских наук, генеральный директор, Тульский социологический центр (mosin55@bk.ru).

Mosin V.I.

INCREASED ATTENTION IN THE REGION TO THE RANKING OF THE MOST HARD-WORKING TULYAK

Abstract. *People have always been interested to know with what activity those who lead not only the country as a whole, but also the region in particular, work. Since 2004, the Tula Sociological Center has been creating the «Rating of Tula people who have made the greatest contribution to the socio-economic development of the Tula region».*

Key words: *rating, social and economic development of the Tula region.*

Information about the author

Vasily I. Mosin (Russia, Tula) – Candidate of Philosophical Sciences, General Director, Tula Sociological Center (mosin55@bk.ru).

References

1. The top 100 Tulyaks who have made the greatest contribution to the socio-economic development of the region have been compiled. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2022-01-19-sostavlen-top-100-tulyakov-vnesshih-naibol-shij-vklad-v-social-no-ekonomicheskoe-razvitie-regiona> (accessed 03.21.2022).
2. Rating of Tula residents who have made the greatest contribution to the socio-economic development of the Tula region in 2021. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1866 (accessed 03.21.2022).

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО СЕЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. На данных Росстата 2012–2021 гг. проведен анализ динамики отраслевой занятости на аграрном рынке труда в федеральных округах, рассмотрены механизмы адаптации сельского населения к рыночной экономике, которые привели к разрушению сельхозпредприятий, возникновению капиталистических форм производства и новых трудовых практик.

Ключевые слова: региональное село, социально-структурные процессы, отраслевая занятость, формальный и неформальный сектора, новые слои.

В 1990-е гг. политический, экономический и социальный порядок в России был быстро и стихийно разрушен методом шоковой терапии в условиях отсутствия в социально-экономических институтах опыта рыночного управления. Поэтому главной задачей исследования было найти ответ на то, как в условиях исторического характера изменений удалось адаптироваться сельским жителям, не имеющим знаний и опыта функционирования рыночной экономики. Многие работники советского АПК потеряли гарантии пожизненной занятости, постоянного дохода. От реформаторов требовалось предотвратить социальные катаклизмы и найти баланс между регулированием и свободным движением рыночных сил. Но «невидимая рука рынка» создала неформальный сектор, который стал механизмом адаптации к новой экономике и трудовой практики для большинства сельского населения.

И в сегодняшних условиях занятость в неформальном секторе – один из ресурсов адаптации и эффективности экономики в условиях масштабных глобальных санкций против России. Предыдущий опыт функционирования неформального сектора позволяет рассматривать его как традиционный сегмент, который всегда реагирует на вызовы. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько сельское хозяйство способно обеспечить продовольственную безопасность страны. После санкций, введенных в 2014 году, у российского АПК уже были возможности, которым удачно воспользовались многие субъекты сельхозпроизводства, в том числе фермеры. И, судя по экономическим показателям 2021 г., рекордным прибылям в корпоративном секторе и успешному развитию социально-экономической сферы, госсектора, несмотря на продолжение пандемии, год был одним из самых продуктивных. Скорость восстановления ВВП была в пять раз выше мировой, рекордный объем ввода в строй недвижимости (выше пикового советского уровня в РСФСР), развитый агросектор, новые проекты в инфраструктуре, машиностроении, опережающее развитие IT, интенсивная перестройка сервисов [1]. Велик вклад также АПК, ставшего одним из крупнейших мировых экспортеров сельхозпродукции, обеспеченный сильной регулирующей ролью государства.

Тем не менее, по мнению экспертов, результаты, достигнутые за последние годы, во многом обеспечиваются передовыми западными технологиями, и российскому АПК потребуется около 10 лет, чтобы осуществить полное импортозамещение. Ведь многие сельскохозяйственные организации до сих пор работают на советской технике. Сельское хозяйство обеспечено примерно на 70% основными видами сельскохозяйственной техники. По мнению экспертов, в этих условиях, для сельского хозяйства основной повесткой становится не развитие, а выживание бизнеса: для крупных сельхозпроизводителей будут критичными сбои логистики, будут разру-

шаться формировавшие годами цепочки поставок, финансовая инфраструктура [2].

Исследование процессов адаптации сельского населения на фоне давления институциональных рыночных преобразований привело к задачам анализа по выявлению механизмов смысла как источника знаний, или веберовское «проблема смысла» человеческих действий [3], на основе которых были разработаны установки адаптационных возможностей сельских жителей, радикально изменившие не только социальную структуру, но и облик российской деревни.

В данном случае определяющим фактором для анализа адаптационных процессов являются социально-конструктивные ресурсы аграрных реформ в трансформации социальной структуры российского села, т.е. для понимания того, были ли положительные тенденции (для формирования смыслов) в условиях аграрной реформы.

Какие социальные конструкции реформ повлекли за собой рациональные (в то же время успешные) типы социального и трудового поведения и их интеграцию в новых условиях? Какими конкретными способами и формами эти смыслы были реализованы в повседневной жизни сельских жителей, как они строили свою новую социальность во взаимодействиях? Располагая базой больших данных Росстата, охватывающих все регионы РФ, мы пришли к необходимости более глубокого анализа формирования устоявшихся структур, которые построили сегодняшнюю реальность аграрного рынка труда за 30 лет его реформирования.

Анализ занятости сельского населения на рынке труда АПК основан на панельных данных исследований Росстата с 2012 г., проведенных по заказу Правительства РФ, в качестве базы для подготовки проектов и программ социальной политики, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов. Исследование «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 83 регионах страны с 2012 г. В 2021 г. методом интервью опрошено 40957 респондентов с 16 лет, из них занятые в производстве 14660 селян, проживающих в 18840 сельских домохозяйствах в 83 субъектах в 8 Федеральных округах¹. Также использовались данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006, 2016 и 2021 гг.

Значимость исследования заключается в том, что на этих исследованиях, охватывающих все регионы РФ, осуществляется комплексный анализ рынка труда и социально-структурных процессов российского села, показывающий исторический момент сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования и исчезают привычные контуры социальной структуры села, и возникают новые социальные слои, конструирующие новую сельскую реальность. Это и определяет основные гипотезы исследования.

Для анализа рынка труда АПК были использованы индикаторы, характеризующие социально-структурные процессы села – это межсекторная, отраслевая и профессиональная занятость по федеральной округам, наличие сельскохозяйственных земель и производство продукции в субъектах производства.

Основная цель исследования – проанализировать формирование устойчивых социальных групп в социальной структуре села и проследить состояние движения рабочей силы на региональных рынках труда в условиях реформирования и результаты его адаптации, как трудового ресурса АПК. Эти показатели демонстрируют не только тенденции в движении рабочей силы, но и состояние сельских территорий, а

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html. Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в мае 2022 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

также то, как сельский житель становится социально востребованным и действующим лицом на рынке труда.

Результаты анализа по региональным рынкам труда стали эмпирическим свидетельством того, как селяне, пользуясь знаниями, опытом, информацией функционирования рынка и его коллизиями, подключаются к механизмам мобилизации и поискам, интерпретируя быстро меняющуюся ситуацию, мотивируются на личностном уровне и строят новые трудовые практики. Работая на собственном предприятии или в собственном деле под жестким институциональным давлением рыночных реформ, они тем самым изменяли социально-экономические условия, формируя новое трудовое поведение и образ жизни.

Библиографический список

1. Бутрин Д. Немобилизационное предписание // Коммерсант. 08.04.2022. С. 2.
2. Чуприн В. Фермеры назвали вероятные сроки импортозамещения: «Понадобится 10 лет» // Московский Комсомолец. 2022. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/04/03/fermery-nazvali-veroyatnye-sroki-importozameshheniya-ponadobitsya-10-let.html?from=article_mi_b (дата обращения 04.03.2022).
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. Москва: Юрист, 1994. 704 с.

Информация об авторе

Муханова Мария Николаевна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (mukhanova_m@rambler.ru).

Mukhanova M.N.

TRENDS OF SOCIO-STRUCTURAL PROCESSES IN THE REGIONS OF RUSSIAN COUNTRYSIDE IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *Based on Rosstat data for 2012–2021, the dynamics of sectoral employment in the agricultural labor market in the federal districts was analyzed, the mechanisms of adaptation of the rural population to the market economy were considered, which led to the destruction of agricultural enterprises, the emergence of capitalist forms of production and new labor practices.*

Key words: *regional village, socio-structural processes, sectoral employment, formal and informal sectors, new layers.*

Information about the author

Maria N. Mukhanova (Russia, Moscow) – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (5, b. 1, Bol'shaja Andronëvskaja str., Moscow, 109544, Russia).

References

1. Butrin D. Non-mobilization prescription. Kommersant. 08.04.2022. P. 2.
2. Chuprin V. Farmers named the probable terms of import substitution: «It will take 10 years». Moskovsky Komsomolets, 2022. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/04/03/fermery-nazvali-veroyatnye-sroki-importozameshheniya-ponadobitsya-10-let.html?from=article_mi_b (assessed 04.03.2022).
3. Veber M. Favorites. The image of society. Transl. from Germ. Moscow: Yurist, 1994. 704 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В работе обозначается научная и практическая потребность в подходе к пониманию устойчивого регионального развития как достижению устойчивости через преодоление уязвимости. Отмечается значимость выявления социальных факторов уязвимости российских регионов как социально-территориальных систем в условиях нестабильности и рисков. На примере Центрального Черноземья как макрорегиона и его областей раскрывается роль контрастного профиля социально-экономической стратификации населения как ключевого фактора уязвимости регионального развития.

Ключевые слова: устойчивость – уязвимость, социально-экономическое неравенство, социально-экономическая стратификация, регион, макрорегион, российское общество.

В изменившихся геополитических условиях для российского общества в целом и его регионов актуализуется проблема поиска адекватного ответа на новые вызовы их социально-экономического развития. В ситуации сохранения существенной региональной дифференциации российского социума [1] приобретают особую научно-практическую значимость выявление и анализ факторов устойчивого развития социально-территориальных систем и факторов, влияющих на их уязвимость.

В последних социальных и экономических исследованиях проблематики устойчивого развития территорий предпринимаются попытки выделения и обоснования факторов, влияющих на устойчивость и уязвимость функционирования и развития регионов в условиях нестабильной динамики. Так, ряд авторов рассматривают проблему устойчивого регионального развития через призму рисков для этого процесса, среди которых выделяют экологические, экономические и социальные рискообразующие факторы. К группе социальных рисков устойчивого развития регионов они относят угрозы, связанные с демографической ситуацией; занятостью населения; человеческим капиталом, его уровнем развития и качеством; состоянием социальной сферы; уровнем и качеством жизни населения, его имущественным и социальным неравенством [2, с. 25–26].

Одним из научных результатов в рамках этого направления является формирование нового подхода к пониманию устойчивости развития социально-территориальных систем – достижение устойчивости через преодоление уязвимости [3]. Такой взгляд на данную проблематику фокусирует внимание на исследовании их уязвимости и ее факторов в условиях нестабильной динамики.

В качестве факторов уязвимости, способных деструктивным образом повлиять на функционирование и развитие регионов целесообразно рассматривать внутренние характеристики этих социально-территориальных систем, обуславливающие их слабость перед этими негативными факторами. В числе ключевых характеристик региональных систем, определяющих их сбалансированное функционирование и устойчивое развитие и соответственно имеющих значение для оценки устойчивости – уязвимости регионов в условиях новых вызовов, выступают компоненты социоэкономической сферы региона: демографические структуры и процессы, занятость и трудовая активность населения, уровень и качество жизни населения. К числу таких характеристик, имеющих социальную природу, относятся и параметры социальной структуры, обу-

словленные имущественным и социальным неравенством и связанные с идентификацией с определенными социальными слоями [4–6].

Эмпирическая база настоящего исследования представлена данными государственной статистики и результатами массового репрезентативного опроса населения, проведенного нами в сентябре–октябре 2020 г. в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200 человек) на основе равномерного размещения выборки (в каждом из регионов опрошено по 400 человек) и типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 г.) с учетом дополнительных параметров и индикаторов. Опросы осуществлялись среди взрослого населения (от 18 лет и старше) регионов методом полустандартизированного (полустандартизированного) интервью.

Как показывает распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2019 г. (табл. 1), в регионах Центрального Черноземья верхние по доходам 20,0% населения получают около половины всех денежных доходов: от 43,4% в Курской области до 45,6% в Воронежской области. При этом на остальные 80,0% населения приходится вторая половина всех доходов.

Существенная дифференциация денежных доходов населения находит отражение и в других показателях социально-экономического неравенства. Коэффициент Джини для отдельных регионов Центрального Черноземья находится в интервале 0,367–0,395, что несколько ниже общероссийского показателя (0,411); коэффициент фондов показывает, что разница в доходах между наиболее доходной группой и самой низкодоходной группой населения составляет от 11,3 раз в Курской области до 13,7 раз в Воронежской области.

Таблица 1. Распределение общего объема денежных средств населения по 20-процентным группам в 2019 году

	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, процентов					Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
Российская Федерация	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	0,411	15,4
Белгородская область	5,9	10,7	15,6	22,8	45,0	0,388	13,0
Воронежская область	5,7	10,5	15,4	22,8	45,6	0,395	13,7
Курская область	6,4	11,2	16,0	23,0	43,4	0,367	11,3
Липецкая область	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	0,390	13,3
Тамбовская область	6,3	11,2	16,0	23,0	43,5	0,369	11,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. Москва, 2020. С. 270.

Результаты нашего опроса населения макрорегиона также подтверждают наличие таких социально-экономических контрастов. К низшему имущественному слою (страты «нищие», «бедные», «необеспеченные») относят себя 45,7% опрошенных; к среднему слою («обеспеченные», «зажиточные») – половина респондентов (49,9%); к высшему слою («богатые») – только 4,3% (табл. 2). Тем самым в субъективном измерении самыми массовыми являются средние и низшие страты, что характеризует контрастный профиль социально-экономической стратификации.

Таблица 2. Социально-экономическое неравенство населения регионов Центрального Черноземья (по самооценкам населения уровня потребления, % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Весь массив	Воронежская область	Курская область	Липецкая область	Условные названия страт
Денег не хватает на повседневные затраты	7,9	7,0	6,3	10,5	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	17,9	12,8	19,0	22,0	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	19,9	16,8	24,0	19,0	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	33,8	40,5	30,0	31,0	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	16,1	18,3	16,5	13,5	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	4,3	4,8	4,3	4,0	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	–	–	–	–	
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	

Источник: результаты опроса населения регионов Центрального Черноземья по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» (Воронежская, Курская, Липецкая области, 2020 год).

Такой профиль социально-экономической стратификации характерен и для отдельных региональных сообществ в рамках макрорегиона. Так, для Воронежской области соотношение представителей низшего и среднего слоя составляет 36,6% и 58,8%, для Курской области – 49,3% и 46,5% соответственно, для Липецкой области – 51,5% и 44,5% соответственно (см. табл. 2). При этом применительно к Курскому и Липецкому региону такой профиль стратификации оказывается более контрастным, чем в Воронежской области, где отмечается численное преобладание тех, кто относит себя к стратам среднего слоя.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, с одной стороны, о наличии контрастного профиля социально-экономической стратификации населения Центрального Черноземья как макрорегиона в целом и включенных в него региональных сообществ, с другой – о меньшей степени их поляризованности по сравнению с российским обществом в целом. Сохранение и воспроизводство такого профиля социально-экономической структуры в новых условиях становится одним из ключевых факторов уязвимости для функционирования и развития макрорегиона и его территорий.

Библиографический список

1. Пасовец Ю.М. К вопросу о региональном измерении современного российского общества // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 90–94.
2. Рожковская Е.А., Гаркавая В.Г. Риски и источники уязвимости устойчивого развития регионов // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2022. № 7 (301). С. 23–34.
3. Вяльшина А.А. Изменение приоритетов развития сельских территорий в условиях усиления глобальной нестабильности // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 3. С. 91–99.
4. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. № 1. С. 58–72.

5. Пасовец Ю.М. Социально-экономическая идентификация населения как фактор структуризации городского пространства (на примере городов Курской области) // *Primo aspectu*. 2019. № 4 (40). С. 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7-14
6. Справедливость в современном обществе: традиции, состояние, тенденции / А.П. Кошкин, Е.В. Каргаполова [и др.]. Москва: Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова, 2020. 272 с.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, Курск) – кандидат социологических наук, доцент, Курский государственный университет (Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; yulia_pasovets@mail.ru).

Pasovets Yu.M.

SOCIO-ECONOMIC VULNERABILITY OF RUSSIAN REGIONS DEVELOPMENT IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Abstract. *The paper outlines the scientific and practical need for an approach to understanding sustainable regional development as achieving sustainability through overcoming vulnerability. It notes the importance of identifying social factors of vulnerability of Russian regions as socio-territorial systems in instability and risks conditions. On the example of the Central Chernozem region as a macro-region and its regions, it reveals the role of the contrasting profile of the population's socio-economic stratification as a key factor in the vulnerability of regional development.*

Key words: *sustainability – vulnerability, socio-economic inequality, socio-economic stratification, region, macro-region, Russian society.*

Information about the author

Yuliya M. Pasovets (Russia, Kursk) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russia; yulia_pasovets@mail.ru).

References

1. Pasovets Yu.M. To A Question of Regional Measurement of Contemporary Russian Society. In *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2017, 1, 90–94.
2. Rozhkovskaya E.A., Garkavaya V.G. Risks and Sources of Vulnerability for Regions Sustainable Development. *Economic Bulletin of the Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*, 2022, 7 (301), 23–34.
3. Vyalshina A.A. Changing priorities of Rural Territories Development in Conditions of Increasing Global Instability. *Regional Agricultural Systems: Economics and Sociology*, 2022, 3, 91–99.
4. Belyaeva L.A. Social distances as a feature of the contemporary Russian social space. *RUDN Journal of Sociology*, 2018, 18, 1, 58–72.
5. Pasovets Yu.M. Socio-economic identification of the population as a factor in the structuring of urban space (on the example of cities in the Kursk region). *Primo aspectu*, 2019, 4 (40), 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7-14
6. Koshkin A.P., Kargapolova E.V. [et al.]. *Justice in modern society: traditions, state, trends*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2020. 272 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Аннотация. *Сведение конструкта продовольственной безопасности к самообеспечению, физической и экономической доступности основных видов продовольствия не отвечает глобальным вызовам. Представлена расширенная трактовка определения продовольственной безопасности с учетом доверия качеству и безопасности продуктов питания, социального доверия, аспектов построения логистических цепочек товародвижения. Выводы обосновываются результатами социологического исследования, проведенного на территории сельских поселений юга Тюменской области.*

Ключевые слова: *Продовольственная безопасность, продукты питания, уверенность в качестве и безопасности продукции, социальное благополучие, институциональное доверие.*

Вопросы продовольственной безопасности глобально обостряются в последние десятилетия в связи с текущими политическими, экономическими, социальными, экологическими процессами [1]. Высокая практическая проблематики обусловила широкие направления исследования в этой области. На вопрос о том, можно ли говорить о нарушении продовольственной безопасности в контексте текущих процессов в нашей стране, ответа пока нет. Однако необходимо зафиксировать, что нарушения продовольственной безопасности напрямую влияют на уязвимость и устойчивость регионов при новых глобальных вызовах для развития России.

Официальные взгляды и подходы к определению продовольственной безопасности, в первую очередь, предполагают продовольственную независимость государства. Стратегический документ Доктрина продовольственной безопасности устанавливает пороговые значения отношения объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции к объему внутреннего потребления [2]. Необходима расширенная постановка, поскольку важными социальными аспектами продовольственной безопасности являются безопасность продуктов, экономическая доступность здоровых рационов питания, доверие населения качеству и безопасности продуктов.

Пандемия и введение новых экономических санкций продемонстрировали примеры нарушения согласования между участниками продовольственного рынка, изменения торгового баланса в продовольственных ресурсах, разрушения логистические цепочки товародвижения [3]. Любая паника на рынках продуктов питания, вызванная лишь слухами о возможной недоступности некоторой части продукции, приводит региональные торговые системы к нарушениям устойчивости функционирования, создавая серьезные экономические и социальные риски. С чем связаны волны таких сценариев – с недоверием экономической системе, недоверием системе управления или с недоверием в целом?

Результаты социологического опроса населения юга Тюменской области, проведенного в 2021 году², показали, что 9% респондентов не доверяют и 26% слабо дове-

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект №20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

² Опрошено 1723 жителей 5 городов и 13 муниципальных районов Тюменской области (без автономных округов), выборка квотная в соответствии со структурой генеральной совокупности по полу, возрасту, типу поселения.

ряют качеству продуктов питания, в положительном спектре доверия находится 66% респондентов. Безопасности сельскохозяйственной продукции не доверяют 9%, 18% не очень доверяют и 37% затрудняются с доверием, а в положительном спектре находится чуть больше трети (36%) опрошенных. В целом безопасность сельскохозяйственной продукции оценивается респондентами существенно ниже, чем качество продуктов питания. При этом тип поселения, уровень образования, наличие детей не оказывают существенного влияния на оценку безопасности сельскохозяйственной продукции. Уровень доверия безопасности сельхозпродукции связан с доверием сельхозпроизводителям и в целом доверием предпринимателям (коэффициенты корреляции Спирмана 0,829 и 0,432 соответственно при ошибке менее 0,0001).

Выявлено, что наибольшее влияние на оценки безопасности сельхозпродукции оказывает социальное самочувствие респондента и доверие его к институтам власти. Страхи и беспокойство в отношении безопасности и качества продуктов питания тесно переплетены с негативными прогнозами будущего, недоверием власти, страхом бедности. В группе недоверяющих безопасности и качеству сельхозпродукции местных производителей самый низкий уровень социального оптимизма ($I_{со}=0,48$) и общей удовлетворенности жизнью ($I_{уж}=0,58$), социальной защищенности от бедности ($I_{сзб}=0,35$), коррупции ($I_{сзк}=0,34$) и произвола чиновников ($I_{сзпч}=0,33$), самый высокий уровень недоверия практически всем институтам власти.

Таким образом, под продовольственной безопасностью следует понимать не только продовольственную независимость, физическую и экономическую доступность основных видов продовольствия, но и доступность здоровых рационов питания, соответствующих требованиям качества, а также доверие населения качеству и безопасности продуктов. Безопасность продукции в мнении потребителей обеспечивается, в первую очередь, безопасным функционированием социально-экономической системы, предпринимательского и торгового сектора непосредственно. Формирование системы продовольственной безопасности предполагает не только меры по обеспечению продовольственной независимости страны, но и осуществление существенных преобразований в жизни общества и управлении им. Решение этой задачи возможно только вместе с мерами, направленными на повышения прозрачности, открытости власти, ориентации на решение практически значимых для населения проблем.

Библиографический список

1. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире: отчетный доклад Продовольственной и сельскохозяйственной Организации объединенных наций, 2022. URL: <https://www.fao.org/publications/sofi/2022/ru> (дата обращения 10.10.2022).
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398> (дата обращения 10.10.2022).
3. Основные проблемы обеспечения продовольственной безопасности и пути их решения / С.Н. Косников [и др.] // Вестник Академии знаний. 2021. № 47 (6). С. 204–210.

Информация об авторах

Печеркина Ирина Федоровна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, Тюмень ул. Володарского, д. 6; i.f.pecherkina@utmn.ru).

Худякова Марина Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, Тюмень ул. Володарского, д. 6; m.v.khudyakova@utmn.ru).

Pecherkina I.F., Khudyakova M.V.

SOCIAL ASPECTS OF FOOD SECURITY

Abstract. *The reduction of the food security construct to self-sufficiency, physical and economic availability of basic food doesn't meet the global challenges. The article presents an interpretation of expanded food security definition, including trust in food quality and safety, social trust, aspects of building logistic chains of goods movement. The conclusions are based on the sociological research results obtained in rural settlements in the southern Tyumen Region.*

Key words: *Food security, food products, confidence in quality and safety of products, social well-being, institutional trust.*

Information about the authors

Irina F. Pecherkina (Russia, Tyumen) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of management and business, Tyumen state University (6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia; m.v.khudyakova@utmn.ru).

Marina V. Khudyakova (Russia, Tyumen) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of general and economic sociology, Tyumen state University (6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia; m.v.khudyakova@utmn.ru).

References

1. The State of Food Security and Nutrition in the World. Report Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2022. URL: <https://www.fao.org/publications/sofi/2022/ru>
2. The Food Security Doctrine of the Russian Federation. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398>
3. Kosnikov S.N. [et al.]. The main problems of ensuring food security and ways to solve them. Bulletin of the Academy of Knowledge, 2021, 47 (6), 204–210.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ¹

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблемных зон социокультурных рисков в муниципальных образованиях Пермского края. Представлен анализ существующих способов преодоления социокультурных рисков, реализуемых через социальные проекты промышленных предприятий.*

Ключевые слова: *социокультурные риски, муниципальные образования, социальные проекты промышленных предприятий.*

В современных условиях развитие муниципальных общностей осуществляется в границах зон многообразных социокультурных рисков [1], что требует совершенствования технологий преодоления существующих угроз [2]. Одной из подобных технологий выступают социальные проекты промышленных предприятий.

Методология исследования выстроена в логике организационного кейс-стади. Кейсами выступили четыре муниципальных образования Пермского края: Добрянский городской округ, Чернушинский городской округ, Ильинский городской округ и Пермский муниципальный район. Внимание сконцентрировано на результатах, полученных посредством: 1) анализа данных статистики [3] в рамках статистической компоненты Типовой методики «Социокультурный портрет региона России» [4], частично модифицированной для целей исследования муниципалитетов; 2) глубинного интервью с жителями муниципалитетов – участниками социальных проектов ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» (опрошено 40 информантов).

Согласно проанализированной статистической компоненте социокультурного портрета территорий края, в анализируемых муниципальных образованиях выделяются следующие рискогенные зоны.

Во-первых, распространены социально-экономические риски: сокращение численности постоянно работающего населения при возрастающей потребности организаций в работниках, медленные темпы развития экономики поселений, низкий уровень заработной платы. Во-вторых, отмечаются риски, связанные с доступностью образования и качеством осуществления досуговой и просветительской деятельности: недостаток общеобразовательных учреждений и мест в них при росте числа обучающихся, уменьшение числа учреждений культурно-досугового типа. В-третьих, одна из главных рискогенных зон сопряжена с проблемой снижения численности населения, сокращением воспроизводства, высоким уровнем естественной убыли и миграционной убылью населения. В-четвертых, остро стоит вопрос распространения проблем в сфере поддержки инфраструктуры здравоохранения, обеспеченности медицинских учреждений специалистами, что создает угрозы здоровью населения. В-пятых, выделяются риски, препятствующие устойчивому развитию института семьи, родительства и детства: увеличение количества разводов, повышение коэффициента разводимости. В-шестых, еще одной рискогенной зоной выступает экологическая сфера: большинству территорий свойственно увеличение числа источников и объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Модернизационная роль промышленных предприятий в преодолении социокультурных рисков территорий (на примере муниципальных образований Пермского края)», № 19-011-00369).

Основываясь на информации из глубинных интервью, основными рисками, которые преодолеваются в территориях, являются социальные и культурные: такую направленность носят большинство реализованных в рамках конкурса проектов ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» гражданских программ. На устранение, уменьшение негативного воздействия зон экзистенциальных опасностей нацелены лишь небольшое количество мероприятий.

К социальным проектам, предотвращающим возникновение опасностей для устоявшегося образа жизни людей по причине социально-статусных изменений, относятся мероприятия, связанные с улучшением здоровья и препятствием распространения социальных болезней: «...нужно как-то развивать в сельских населенных пунктах как спорт, как здоровый образ жизни» (Пермский МР); недостаточным обеспечением культурного досуга подрастающего поколения, ведущего к развитию девиантного поведения среди этой категории населения: «Тогда была такая необходимость, заниматься было негде, и тогда начали проявляться такие площадки с уличными тренажерами» (Пермский МР); отсутствием социальной защиты и поддержки людей с ОВЗ: «...дети инвалиды и дети с ограниченными возможностями здоровья их очень много на территории... какого-либо центра для занятий с данной категорией детей, он отсутствовал» (Пермский МР); отсутствием социальной помощи и поддержки ветеранов; необходимостью повышения привлекательности территории и развитием туризма; низким уровнем и качеством жизни; ухудшением качества инфраструктуры образования; социальной апатией: «...мы с ребяташками распределяем их в зону работы, они нам помогают тут сажать, поливать, копать, ну и уборкой занимаются» (Ильинский ГО).

Среди культурных проектов особенно выделяются программы, которые устраняют опасности ухудшения качества образования и уровня культуры, недостаточной культурной преемственности поколений, кризиса ценностей и сохранения исторической памяти малой Родины: «Цель – донести до людей информацию, которую мы предполагаем, ... чтобы связь поколений была» (Пермский МР); «Это патриотическое воспитание, вообще любовь к малой Родине... это очень важно» (Добрянский ГО).

Существующие в муниципальных образованиях проекты, направленные на устранение экзистенциальных рисков, имеют целью разрешение экологических проблем. В Добрянском ГО реализован проект с направленностью «сохранить Черное озеро, показать его уникальность», похожие программы существуют в Ильинском городском округе.

Кроме того, часть жителей отмечает существование рисков, на разрешение которых пока не были направлены социальные проекты. Одними из таких выступают в Пермском МР – существование социокультурных проблем, связанных с доступностью информации и ее транслированием населению: «Освещать мероприятия, воздействуя тем самым на наше население и привлекать их к занятиям спортом»; а также с недостаточным количеством учреждений культурно-досугового типа: «Хотелось бы добить этот проект по созданию лыжной трассы... Облагородить и развить территорию до спортивного парка». Схожая проблема неудовлетворительного качества осуществления досуговой деятельности детей и подростков существует и в Добрянском ГО: «сделать детскую спортивную площадку, потому что дети у нас ходят бесхозные».

Жители Ильинского ГО отмечают, что им не хватает проектов, что освещали бы историю небольших отдельных поселений и деревень, программ, нацеленных на со-

хранение исторической памяти: «...места есть значимые, памятники известным людям, известным землякам, вот все равно это историческая память такая, какую мы должны хранить...».

Население Чернушки обращает внимание на рискогенную зону, связанную с низким уровнем жизни, бедностью и отсутствием поддержки социально-незащищенных категорий граждан: «Вот этих вот людей, которые... бомжи... Чтоб было бы место, где их можно накормить».

Подводя итоги, следует отметить, что среди всех зон социокультурных рисков, распространенных в обследуемых муниципалитетах, основными, которые предупреждаются через проекты предприятий, выступают социальные и культурные угрозы, направленные на повышение доступности дополнительного образования и качества осуществления досуговой и просветительской деятельности. Целью устранения экзистенциальных, в большей мере экологических, опасностей из названных имеют небольшое число реализованных проектов.

Вместе с тем часть жителей указывает, что существуют риски, на разрешение которых в конкретных территориях пока не были направлены проекты, а именно низкий уровень жизни, отсутствие поддержки социально-незащищенных категорий граждан, доступность информации и необходимость сохранения исторической памяти малой Родины. Кроме этого, требуют дополнительного внимания, риски, сопряженные с социально-экономическими факторами развития территорий, угрозы снижения численности населения и проблемы в сфере поддержки инфраструктуры здравоохранения.

Библиографический список

1. Зотов В.В., Каменева Т.Н. Социокультурный риск: понятие и классификация // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Изд-во ООО «ПТ», 2015. С. 392–396.
2. Пантин В.И. Российское общество в начале XX и начале XXI вв.: проблемы и риски // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 120–130. DOI: 10.31857/S013216250007456-4
3. Муниципальные образования Пермского края. 2019: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермь-стат). Пермь, 2019. 155 с.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). Москва, МФРАН, 2010. 111 с.

Информация об авторах

Плотникова Елена Борисовна (Россия, Пермь) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; info@psu.ru).

Маркова Юлия Сергеевна (Россия, Пермь) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; info@psu.ru).

SOCIAL DESIGN AS A TECHNOLOGY FOR OVERCOMING SOCIO-CULTURAL RISKS OF MUNICIPALITIES

Abstract. *The article is devoted to the study of problem areas of socio-cultural risks in the municipalities of the Perm krai. An analysis of the existing ways of overcoming socio-cultural risks implemented through social projects of industrial enterprises is presented.*

Key words: *sociocultural risks, municipalities, social projects of industrial enterprises.*

Information about the authors

Elena B. Plotnikova (Russia, Perm) – Candidate of Sciences in History, Head of the Department of Sociology, Perm State National Research University (Russia, 614990, Perm, Bukireva St., 15; info@psu.ru).

Yuliya S. Markova (Russia, Perm) – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Perm State National Research University (Russia, 614990, Perm, Bukireva St., 15; info@psu.ru).

References

1. Zotov V.V., Kameneva T.N. Sociocultural risk: initiative and classification. Risks in the changing social reality: problems of forecasting and management: Proceedings of the international scientific and practical conference. Managing editor Yu.A. Zubok. Belgorod: Publishing house of LLC «PT», 2015, 392–396.
2. Pantin V.I. Russian society in the early 20th and early 21st centuries: problems and risks. Sociological research, 2019, 11, 120–130. DOI: 10.31857/S013216250007456-4
3. Municipal formations of the Perm Territory. 2019: Statistical compendium. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Perm Territory (Permstat). Perm, 2019. 155 p.
4. Lapin N.I., Belyaeva L.A. The program of standard tools «Socio-cultural portrait of the region of Russia» (Modification-2010). M., MFRAN, 2010. 111 p.

ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ В РЕГИОНЕ

Аннотация. *Инвестиции являются катализатором роста экономики и социальной динамики. Вхождению в глобальный кризис предшествовал период снижения инвестиционной активности и существенного изменения в направлении потоков иностранных инвестиций. Россия оказалась в числе стран с наибольшим падением притока инвестиций. В условиях санкций правительство делает основной акцент на поддержку российского бизнеса и стимулирование инвестиций, что формирует средний класс и обеспечивает социальную стабильность. Социальная устойчивость, поддержанная экономически, будет способствовать солидаризации общества в противостоянии геополитическим вызовам.*

Ключевые слова: *глобальный кризис, снижение доходов, социальная устойчивость, инвестиции, предпринимательская активность, средний класс.*

В условиях ограничительных мер во внешней торговле, доступе к зарубежным финансам и технологиям и широкого круга прочих дискриминаций в отношении России, связанных с западными санкциями, а также из-за ведения боевых действий на экономическую систему страны ложатся дополнительные издержки, снижающие возможности государства сохранять социальную устойчивость. Актуальной становится проблема сокращения уровня бедности и удержания численности среднего класса, обеспечивающего социальную стабильность. Для решения данной проблемы используются не только меры социальной защиты населения, но и создание условий для реализации предпринимательских инициатив. По мнению ученых НИУ ВШЭ, в кризисных ситуациях система социальной защиты превращается в «подушку безопасности», ее можно рассматривать в качестве экономического и социальнополитического стабилизатора [1]. При этом осознается недостаточность социального страхования и единовременных выплат государством семьям с детьми и пожилым людям. Наиболее важно поддержание доходов среднего класса, который, по мнению Л.Овчаровой, объединяет в своих рядах образованных, креативных и обеспеченных людей, одновременно обеспечивающих экономический рост и социальную устойчивость в период глобальных структурных кризисов» [1]. Таким образом, поддержка должна идти по двум направлениям: социальные выплаты малообеспеченным группам населения и стимулирование развития малого и среднего бизнеса через инвестиции.

Целью нашего исследования является оценка влияния инвестиций на мобильность населения в разрезе регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Исследования инвестиционного неравенства регионов проводились авторами ранее [2; 3]. Инвестиции наиболее чувствительны к кризисным явлениям – происходит сжатие инвестиционного рынка, и наоборот становятся предвестником выхода экономики из кризиса, когда происходит оживление инвестиционной деятельности.

Отсутствие инвестиций или их низкая доля в процентном отношении к ВРП предвещает исход населения с территорий. На примере субъектов СЗФО показано, что Ленинградская, Калининградская области, город Санкт-Петербург стабильно являются центрами притяжения рабочей силы (табл. 1), в других регионах наблюдается отток населения.

Таблица 1. Коэффициент миграционного прироста в субъектах СЗФО

Субъект СЗФО	Год							
	2008	2013	2014	2015	2016	2019	2020	2021
Северо-Западный ФО	34,93	72,28	40,73	15,72	40,52	35,4	25,9	52,5
Республика Карелия	-33,29	-12,55	-6,95	-11,63	-16,04	-11,5	-0,8	21,8
Республика Коми	-129,2	-120,2	-107,2	-101,5	-81,2	-94,4	-41,7	-52,5
Архангельская область	-61,02	-82,27	-65,02	-68,02	-56,29	-26,2	-20,6	-17,3
Ненецкий автономный округ	-47,04	-2,8	1,39	23,16	-72,91	17,5	28,9	30,6
Архангельская область (без АО)		-85,22	-67,52	-71,53	-55,65	-28	-22,7	-19,3
Вологодская область	-2,78	-11,06	-7,19	-17,35	-14,69	-17,8	-17,8	-7,7
Калининградская область	54,3	93,6	66,67	81,61	101,15	128,7	101,1	157,2
Ленинградская область	125,93	128,6	120,35	68,34	121,31	203,5	168	199,6
Мурманская область	-105,2	-129,1	-65,02	-57,37	-57,15	-65,3	-69,2	-39,3
Новгородская область	-2,47	5,03	-6,2	7,11	5,89	13,8	31,9	38,4
Псковская область	-16,1	1,03	-8,21	-1,17	2,75	27,6	16,7	23,3
Санкт-Петербург	111,05	196,88	102,28	48,5	85,1	26,9	7,8	44,4

Стоит отметить, что движение от периферии к центру и с Севера на Юг является общемировой тенденцией и в СЗФО эти тенденции также наблюдаются. Также отток происходит из регионов территориально близких к крупному научно-промышленному центру (агломерации) Санкт-Петербургу – это Новгородская и Псковская области. Как видно из табл. 2 и 3, большинство субъектов вносят незначительный вклад в валовой внутренний продукт, а кроме того, имеют незначительную долю инвестиций в ВРП для полноценной модернизации хозяйственных объектов.

Таблица 2. Структура ВРП по субъектам СЗФО, % к общему объему ВВП

Субъект СЗФО	Год				
	2016	2017	2018	2019	2020
Северо-Западный федеральный округ	11,3	10,9	11,0	11,0	11,3
Республика Карелия	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Республика Коми	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7
Архангельская область	1,0	0,9	1,0	0,9	0,8
в т.ч. Ненецкий автономный округ					
Вологодская область	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
Калининградская область	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6
Ленинградская область	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3
Мурманская область	0,6	0,6	0,6	0,6	0,8
Новгородская область	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Псковская область	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
г. Санкт-Петербург	5,5	5,4	5,3	5,4	5,6

Источник: данные Росстата.

В рейтинге регионов по объему инвестиций в основной капитал на одного жителя в 2020 году в десятку лидеров вошли Мурманская и Ленинградская области (9 и 10 место). Первые 2 места заняли Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, где душевой показатель в разы отличается от других субъектов РФ. Здесь явно прослеживается влияние отраслевой структуры регионов.

Таблица 3. Доля инвестиций к ВРП, % от общего объема инвестиций в основной капитал к ВРП региона

Субъект СЗФО	Год					
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Северо-Западный федеральный округ	23,7	20,0	22,6	23,2	23,4	19,8
Республика Карелия	17,5	15,4	15,0	16,5	16,0	14,8
Республика Коми	41,5	32,2	36,6	23,3	19,6	16,9
Архангельская область	29,1	27,4	24,9	29,7	22,9	21,7
в т.ч. Ненецкий автономный округ	42,2	50,4	33,6	41,2	28,4	29,3
Вологодская область	20,6	18,2	23,9	27,2	24,9	31,6
Калининградская область	20,3	19,7	23,2	31,2	32,4	19,5
Ленинградская область	24,2	26,6	28,8	35,0	44,5	34,4
Мурманская область	26,1	25,0	19,8	25,6	29,9	27,7
Новгородская область	29,3	29,6	32,4	28,0	23,7	18,2
Псковская область	24,1	20,2	18,7	19,3	17,3	17,1
г.Санкт-Петербург	19,7	14,3	18,5	17,6	17,8	14,5

Источник: данные Росстата.

Для более глубокого понимания инвестиционных процессов требуется детальный анализ отраслевых структурных сдвигов. Также по данным Росстата можно констатировать, что недостаточно средств вкладывается в модернизацию основного капитала (ОК), если соотносить долю таких инвестиций с высокой степенью морального и физического износа ОК во многих отраслях.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что малые объемы инвестиций наряду с другими неблагоприятными для условий жизни на Севере факторами не способствуют развитию территорий. Арктическая зона в последние годы стала развиваться. Увеличиваются государственные инвестиции в инфраструктуру, что послужит важным фактором для привлечения частных инвесторов и развития малого и среднего бизнеса, снижению оттока населения и социальной устойчивости регионов СЗФО.

Библиографический список

1. Социальная защита в России: развилки будущего / Л.Н. Овчарова [и др.] // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5–31.
2. Розанова Л.И., Тишков С.В. Инновационная модернизация экономики России: потенциал, вызовы, возможности // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. № 2. С. 55–70.
3. Розанова Л.И., Морошкина М.В., Тишков С.В. Проблемы экономического роста при снижающейся конъюнктуре инвестиционного рынка // Вопросы безопасности. 2015. № 2. С. 25–42.

Информация об авторах

Розанова Людмила Ивановна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Россия, 185000, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, д. 50; lirozanova@mail.ru).

Ромашкина Юлия Валерьевна (Россия, Петрозаводск) – младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Россия, 185000, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, д. 50; romashkinayulia@gmail.com).

IMPACT OF INVESTMENTS ON SOCIAL SUSTAINABILITY IN THE REGION

Abstract. *Investments are a catalyst for economic growth and social dynamics. The entry into the global crisis was preceded by a period of declining investment activity and a significant change in the direction of foreign investment flows. Russia was among the countries with the largest drop in investment inflows. Under the sanctions, the government focuses on supporting Russian business and stimulating investment, which forms the middle class and ensures social stability. Social stability, supported economically, will contribute to the solidarity of society in the realities of geopolitical instability.*

Key words: *global crisis, income decline, social sustainability, investment, entrepreneurial activity, middle class.*

Information about the authors

Ludmila I. Rozanova (Russia, Petrozavodsk) – Ph.D., Senior Scientific Researcher, Institute of Economy of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, A. Nevsky prospect, Petrozavodsk, 185000, Russia; lirozanova@mail.ru).

Yulia V. Romashkina (Russia, Petrozavodsk) – Junior researcher, Institute of Economy of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, (50, A. Nevsky prospect, Petrozavodsk, 185000, Russia; romashkinayulia@gmail.com).

References:

1. Ovcharova L.N. [et al.]. Social protection in Russia: Choices of the future. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, 8, 5–31.
2. Rozanova L.I., Tishkov S.V. Innovative modernization of the Russian economy: potential, challenges, opportunities. *Theoretical and applied economics*, 2019, 2, 55–70.
3. Rozanova L.I., Moroshkina M.V., Tishkov S.V. Problems of economic growth with declining investment market conditions. *Security issues*, 2015, 2, 25–42.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ АРКТИЧЕСКОГО ФРОНТИРА РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. *На материалах социологических исследований, проведенных автором в 2020–2022 гг. в трех регионах Российской Арктики, выполнен сравнительный анализ формирования человеческого капитала в ухудшающихся социально-экономических условиях (сначала вследствие пандемии, затем санкционного давления и других внешнеполитических факторов).*

Ключевые слова: *человеческий капитал, Арктика, социологическое измерение.*

Введение

Исследование проводилось в непростой период истории страны. Особенности дезинтеграции социального пространства России, рассогласования его социально-гуманистического вектора с экономическим и политическим были уже детально рассмотрены М.К. Горшковым, Н.И. Лапиным и другими отечественными социологами, см. например [2; 3].

Автор изучал их на материалах одного из значимых российских регионов – арктической зоны, чрезвычайно зависящей от контекста глобального пространственного развития страны. Целью нашего исследования было выявление влияния на уровень формирования человеческого капитала детерминирующих его изменения факторов. Полученные результаты позволяют своевременно отслеживать возникающие риски и проблемные ситуации, возможный рост уровня социальной напряженности и предлагать властным структурам необходимые меры по их снижению и устранению [4].

Материалы и методы

Человеческий капитал активно изучается уже более полувека экономистами, социологами и представителями других отраслей знания. Был накоплен значительный теоретико-методологический инструментарий, включающий как статистические методы его количественной оценки, так и социологические. Нами были проведены массовые опросы арктического населения (объем репрезентативной по полу и возрасту выборки составил 1124 респондента), 11 фокус-групп, углубленный опрос 336 экспертов, представляющих органы власти, гражданское общество и СМИ, сферы образования, здравоохранения и культуры. При этом экспертиза проводилась по 10-балльной шкале в порядке значимости (10 – высшая оценка) для каждого из элементов и определяющих их факторов в составе трех основных компонентов человеческого капитала: капитал здоровья, образовательный и профессиональный капитал, культурный и ценностно-ориентационный капитал – в трех арктических регионах РФ (европейский сектор – районы Архангельской области, отнесенные к Арктической зоне; Западно-Сибирский – Ямало-Ненецкий автономный округ и Восточно-Сибирский – Чукотский автономный округ).

Результаты исследования

Капитал здоровья

Уровень капитала здоровья измерялся нами с использованием как данных медстатистики о заболеваемости и смертности разных групп северян, так и результатов опросов по самооценке состояния здоровья людей, живущих в арктическом регионе.

По мнению экспертов, именно состояние здоровья в наибольшей степени определяет социально-экономическую ситуацию в арктическом регионе. Особенно значимым его сочли эксперты, проживающие в Архангельской области. Именно этот регион, судя по данным медстатистики, оказался лидирующим в Арктической зоне РФ по злокачественным новообразованиям. ЧАО оказался первым по хроническому алкоголизму, а ЯНАО – по острым кишечным инфекциям и описторхозу.

Самооценка здоровья жителей трех рассматриваемых арктических регионов выглядит так: 12,5% респондентов считают себя «совершенно здоровыми», 58,2% полагают, что их здоровье «удовлетворительное», остальные «часто болеют», при этом все больше с ростом северного стажа.

Образовательный и профессиональный капитал

Особенности жизнедеятельности в Арктике выдвигают особые требования к уровню профессиональной подготовки участвующих в этом людей. Ликвидация филиальной сети вузов в арктических регионах, прошедшая под флагом борьбы за качество высшего образования, лишила возможности молодым северянам получить профессиональную квалификацию на месте, вынуждая уезжать и, чаще всего, безвозвратно. Большинство опрошенных экспертов считают это неправильным (рис.).

Культурный капитал

Культурный капитал, включающий такие значимые для Арктики параметры, как мотивация к саморазвитию и труду, отношения к социальным нормам и преобладающие ценностные ориентации, коммуникативные навыки и др., играет значимую роль в освоении арктических территорий, во многом определяя и возможности снижения уровня социальной напряженности в условиях нестабильности [5; 6]. По мнению большинства опрошенных нами экспертов, сформировавшиеся доминанты в ценностно-ориентационной сфере способствуют становлению моделей поведения большинства населения, которые влияют на развитие человеческого капитала на данной территории. Во многом они определяют и уровень взаимоотношений и конфликтности между разными социальными группами арктического населения (старожилы, вахтовики, представители аборигенных этносов, новоселы).

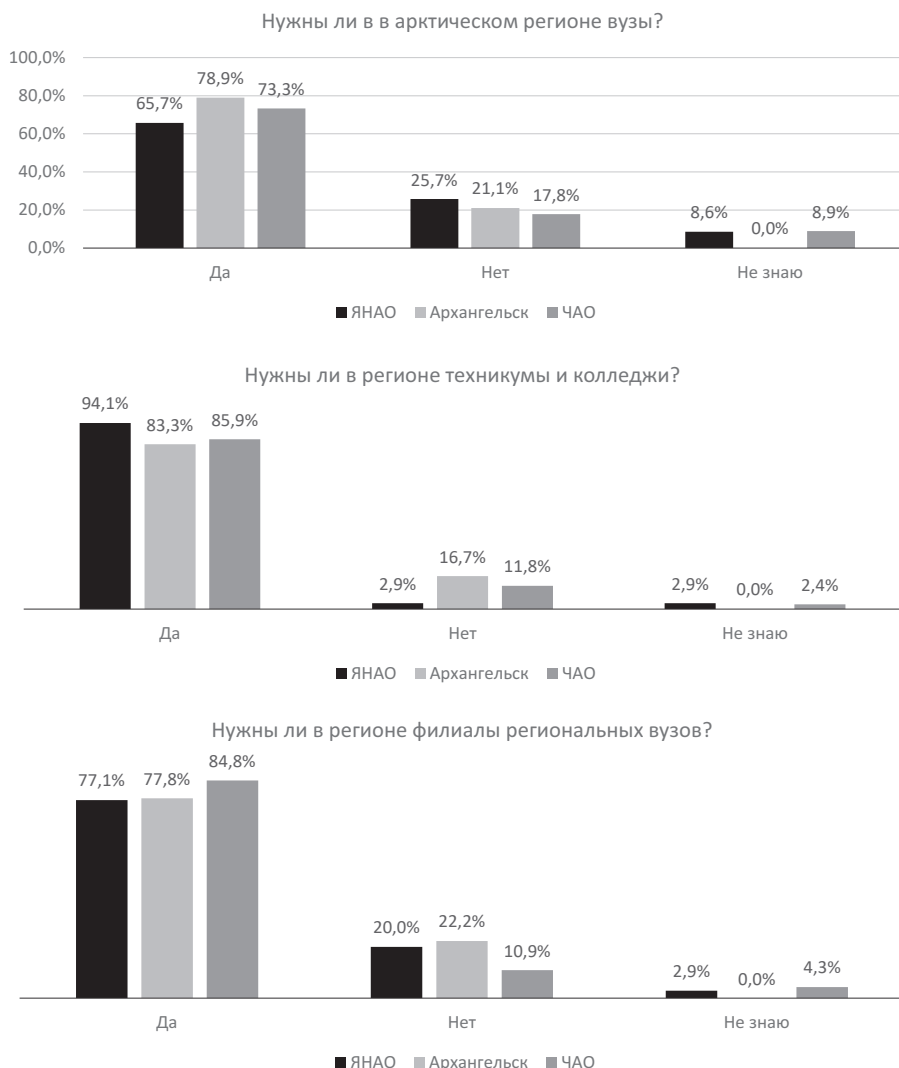

Рис. Экспертные оценки необходимости дислокации в Арктическом регионе учреждений профессионального образования

Заключение

Проведенные автором социологические исследования позволили оценить сложившуюся к настоящему времени ситуацию с развитием человеческого капитала в арктических поселениях. Необходимо продолжить фундаментальное и прикладное междисциплинарное изучение связанных с этим проблем, с системных позиций выявить и осмыслить их разнообразные и взаимосвязанные аспекты (философские, экономические, социологические, юридические, медико-биологические, экологические, антропологические, политологические, культурологические и др.).

Библиографический список

1. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий капитал регионов российской Арктики: социологические очерки / под научн. ред. В.А. Ильина. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2021. 340 с.

2. Горшков М.К. Есть такая профессия общество изучать. Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Весь мир, 2020. 464 с.
3. Трансформация социокультурного пространства России / Н.И. Лапин [и др.] // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез, Москва: Медиа-пресс, 2013. С. 162–163.
4. Силин А.Н., Юдашкин В.А. Формирование и развитие человеческого капитала малых городов Арктики в социологическом измерении // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 67–80.
5. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 9. С. 3–12.
6. Шабунова А.А., Окулова Н.А. Оценка населением социокультурной среды регионов // Социс. 2011. № 6. С. 36–43.

Информация об авторе

Силин Анатолий Николаевич (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет (Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; sm-2004@rambler.ru); ЗСФ Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Silin A.N.

HUMAN CAPITAL OF THE ARCTIC FRONTIER OF RUSSIA: SOCIOLOGICAL MEASUREMENT OF THE SITUATION IN CONDITIONS OF INSTABILITY

Abstract. *Based on the materials of sociological research conducted by the author in 2020–2022 in three regions of the Russian Arctic, a comparative analysis of the formation of human capital in deteriorating socio-economic conditions (first due to the pandemic, then sanctions pressure and other foreign policy factors) was carried out.*

Key words: *human capital, Arctic, sociological dimension.*

Information about the author

Anatoly N. Silin (Russia, Tyumen) – Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Tyumen Industrial University (38, Volodarsky str., Tyumen, 625000, Russia; sm-2004@rambler.ru); SF of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

References

1. Markin V.V., Silin A.N. Human capital of the regions of the Russian Arctic: sociological essays. Under scientific V.A. Ilyina. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. 340 p.
2. Gorshkov M. K. There is such a profession to study society. Selected articles, interviews, biographical revelations. Moscow: The whole world, 2020. 464 p.
3. Lapin N.I. [et al.]. Transformation of the socio-cultural space of Russia. Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: Interdisciplinary synthesis. Moscow: Media-press, 2013. Pp. 162–163.
4. Silin A.N., Yudashkin V.A. Formation and development of human capital of small Arctic cities in the sociological dimension. Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies, 2022, 8, 2 (30), 67–80.

5. Lapin N.I. Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Socis*, 2011, 9, 3–12.
6. Shabunova A.A., Okulova N.A. Assessment by the population of the socio-cultural environment of the regions. *Socis*, 2011, 6, 36–43.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ РОССИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «социокультурные реалии», дается определение данному термину, выделяются особенности социокультурных реалий современной России, изучаются проблемы становления культуры в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: социокультурные реалии, культура, духовная культура, постсоветская Россия, духовные ценности, развитие.

Все сферы общественной жизнедеятельности крепко взаимосвязаны между собой: изменения в одной сфере неизбежно влекут изменения в другой. Политическая ситуация, сформировавшаяся в современном мире, прямо влияет на социальную и культурную сферы. По этой причине изучение современных социокультурных реалий весьма актуальная тема на сегодняшний день.

Под социокультурными реалиями в контексте данной статьи понимается качественно-количественная характеристика состояния общественной системы, представляющая собой совокупность событий, обстоятельств и процессов, анализируемых с позиций культуры. Непосредственное внимание уделяется процессам духовной культуры, а экономическое состояние, политическая обстановка, хотя и оказывают немалое влияние, но изучается только в той мере, в которой касаются социокультурной среды.

В целом, приходится констатировать, что сегодня социокультурные реалии России представляют собой хаотичное, кризисное и труднопрогнозируемое явление. Безусловно, этому поспособствовала, в первую очередь, общественно-политическая обстановка. Если ранее мы могли утверждать, что Россия находится на пути к формированию информационного общества, происходят глобализационные процессы, то сейчас сложно выделить общую мировую тенденцию в социокультурной сфере. Российское общество столкнулось с культурой отмены, когда социальные и профессиональные сообщества как в онлайн-среде, так и в реальной среде стали лишаться поддержки. Данный вопрос настолько острый, что стал темой для обсуждения на ПМЭФ-2022.

На наш взгляд, российское общество переживает конфликтный вариант модернизации социокультурных реалий на данный момент. Данный вид модернизации был характерен для всей постсоветской России. М.В. Рац выделяет «важнейшую особенность в фундаментальном разрыве между новыми политическими ориентирами и провозглашаемыми ценностями, с одной стороны, и с сохраняющимися советскими подходами, представлениями, советской ментальностью, – с другой» [1, с. 23]. Западные ценности были в ускоренном темпе внедрены на формирующуюся в новых условиях культурную среду постсоветской общественности, что привело к отсутствию единства и целостности. Проявление этому можно увидеть в столкновении основ коллективизма и индивидуализма [2, с. 13]. Если коллективизм можно назвать особой чертой восточных обществ, то индивидуализм характерен, скорее, для западных систем. В советское время коллективизм являлся официальной идеологией, скреплявшей все общество, а пришедшие затем индивидуалистские ценно-

сти стали чуждыми для многих поколений и групп. Так, свобода для многих стала бременем, а не ценностью, потому что большинству россиян стало некомфортно жить в условиях, когда государство патерналистски не заботится о них. В то время как молодежь положительно отнеслась к индивидуалистским ценностям [3, с. 16].

«Именно культура все решительнее заявляет о себе как самостоятельная животворяющая сила, оказывающая огромное воздействие на всю атмосферу в обществе» [4, с. 58]. Культура играет определяющую роль в устойчивом развитии общества, так как благодаря ней у людей появляется духовная опора, желание развиваться, благоустроить свой быт, а не просто удовлетворять физические потребности.

Наконец, конфликтный вариант модернизации социокультурных реалий открывает множество возможностей для становления и укрепления системных ценностей российской традиционной культуры. Страна, ставящая своей целью конструктивное развитие мирового порядка, должна обратиться к своим истокам, своему богатейшему наследию. Это должно стать важнейшей задачей в ближайшие годы. В России особая модель развития, которая отличается от европейских и восточных культур, поэтому опыт зарубежных стран может быть учтен, но не должен быть слепо перенесен, как это случилось в постсоветском пространстве.

Библиографический список

1. Рац М.В. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 23.
2. Шульгина И.А. Современная социокультурная ситуация в России (философский анализ) // Наука. Инновации. Технологии. 2002. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsiokulturnaya-situatsiya-v-rossii-filosofskiy-analiz> (дата обращения 03.10.2022).
3. Безбородов В.П. Социокультурные особенности эволюции советской и постсоветской России // Вестник ОмГУ. 2012. № 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-evolyutsii-sovetskoy-i-postsovetskoy-rossii> (дата обращения 04.10.2022).
4. Липкин А. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 58.

Информация об авторе

Хисматуллин Сергей Александрович (Россия, Уфа) – магистр, Башкирский государственный университет (Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; rector@bashedu.ru).

Khismatullin S.A.

MODERN SOCIO-CULTURAL REALITIES IN RUSSIA: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. *The article discusses the concept of «socio-cultural realities», gives a definition of this term. The author highlights the features of the socio-cultural realities of modern Russia, studies the problems of the formation of culture in the post-Soviet space.*

Key words: *Sociocultural realities, culture, spiritual culture, post-Soviet Russia, spiritual values, development.*

Information about the author

Sergey A. Khismatullin (Russia, Ufa) – Master, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia; rector@bashedu.ru).

References

1. Rats M.V. To the concept of an open society in modern Russia. *Questions of Philosophy*, 1999, 2, 23.
2. Shulgina I.A. Modern socio-cultural situation in Russia (philosophical analysis). *Nauka. Innovation. Technology*, 2002, 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsiokulturnaya-situatsiya-v-rossii-filosofskiy-analiz> (accessed 03.10.2022).
3. Bezborodov V.P. Sociocultural features of the evolution of Soviet and post-Soviet Russia. *Vestnik OmGU*, 2012, 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-evolyutsii-sovetskoy-i-postsovetskoy-rossii> (accessed 04.10.2022).
4. Lipkin A. «Spiritual core» as a system-forming factor of civilization: Europe and Russia. *Social sciences and modernity*, 1995, 2, 58.

БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Аннотация. *Агентность дополняет традиционное социолого-экономическое понимание человеческого капитала. Качественное исследование выявило барьеры улучшения компетенций работников региональных предприятий, которые препятствуют активации человеческого капитала и ограничивают экономическое развитие региона.*

Ключевые слова: *Человеческий капитал, развитие человеческого капитала, агентность, барьер развития, качественное исследование.*

Согласно традиционному пониманию человеческого капитала, логика социального и институционального развития обозначается в виде линейного континуума «образование–работа–производительность–доход»: образование позволяет увеличить доход, так как помогает улучшить производительность труда и повысить сложность выполняемых задач [1]. Данный взгляд на человеческий капитал является принятым в социологии и экономике. Однако стоит отметить, что такая постановка вопроса недооценивает значимость личностных качеств, которые также важны для обеспечения экономически значимых результатов [2].

Сегодня обосновывается значимость агентности, которая понимается как активная самостоятельность, способность принимать решения, исходя из личных побуждений, а не вследствие внешнего давления. Концептуальные положения социологического подхода позволяют рассматривать агентность одновременно в «объективном» (внешние трансформации в социальных средах) и «субъективном» (характеристики личности, позволяющие действовать проактивно) контекстах [3]. Она может влиять на поведение, связанное с накоплением человеческого капитала и расширением возможностей его использования [4].

Исследования показывают, что агентность может быть дефицитным качеством для российских работников. Так, большая часть сотрудников российских предприятий демонстрирует низкий уровень агентности в профессиональной деятельности, что может характеризовать российскую трудовую культуру в целом. Однако сотрудники с выраженными проявлениями наличия и ценности активной самостоятельности являются референтными группами для других [5]. Кроме того, результаты анализа материалов мониторинга «Социокультурные портреты регионов России» (2006–2019 гг.) позволяют судить о существовании перекосов в общественном сознании и процессах поддержки накопления человеческого капитала, поскольку достижительная трудовая мотивация оказывается несвязанной с материальным благополучием и профессиональным статусом [6].

Таким образом, существует необходимость изучения агентности рабочей силы, сегодня важно понимать, насколько выраженными являются ориентации людей на совершенствование и наращивание компетенций.

Цель исследования – выявление барьеров развития человеческого капитала в восприятии работников организаций региона.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-311-90019.

Данное исследование основывается на качественной методологии, потому что она позволяет получать данные «на языке респондентов», отражая всю сложность их социально сконструированных миров и давая возможность изучать многогранные социальные явления и процессы изнутри. Для достижения поставленной цели интересна в первую очередь индивидуальная интерпретация смыслов, которыми отдельный индивид наделяет окружающий мир и события своей жизни, поскольку именно значения этих интерпретаций влияют на поведение [7]. Эмпирические данные были получены методом полуструктурированного интервью, комбинируя в себе компетентностный и биографический подходы. Сбор данных проходил в г. Тюмени в 2021–2022 гг. В интервью приняли участие 54 работника в возрасте от 25 до 45 лет (30 мужчин, 24 женщины). Все респонденты являются постоянными жителями г. Тюмени.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что существует ряд барьеров развития человеческого капитала. Их краткое описание представлено в таблице. Далее рассмотрим барьеры более подробно.

Таблица. Барьеры развития человеческого капитала

Барьер	Характеристика
Специфика регионального рынка труда	Малое количество вакансий, предполагающих нерутинную деятельность и необходимость творческого самовыражения. Специфика региональной экономики создает спрос на развитый человеческий капитал только в ограниченном перечне отраслей и видов деятельности (прежде всего связанных с добычей, переработкой и транспортировкой нефти и газа)
Разрыв между квалификацией и требованиями потенциальных работодателей	С одной стороны, отмечается избыточная квалификация, говорят о том, что с легкостью выполняют текущие задачи, знают и умеют больше, чем могут применить на практике, с другой стороны, считают себя недостаточно квалифицированными для более высокооплачиваемой (и сложной) работы. Причины этого разрыва респонденты видят в несоответствии полученных в системе образования компетенций реальным ожиданиям рынка труда
Общая пассивность в развитии человеческого капитала	Недооценка значимости универсальных навыков (например, коммуникация, командная работа, умение решать конфликты). Ориентация на дисциплинарные знания и профессиональные умения. Высокая осведомленность об источниках повышения знаний и навыков: обучающие сайты, программы переобучения, образовательные и тренинговые центры и т.д. На декларативном уровне респонденты признают значимость таких программ, но сомневаются в полезности участия в них

Основным барьером работники считают особенности рынка труда региона – малое количество вакансий, предполагающих нерутинную деятельность и необходимость творческого самовыражения. По их мнению, специфика региональной экономики создает спрос на развитый человеческий капитал только в ограниченном перечне отраслей и видов деятельности (прежде всего связанных с добычей, переработкой и транспортировкой нефти и газа).

Другой ощутимый барьер – это разрыв между собственной квалификацией и требованиями потенциальных работодателей. Парадоксальным образом, с одной стороны, участники исследования отмечают свою избыточную квалификацию, говорят о том, что с легкостью выполняют текущие задачи, знают и умеют больше, чем могут применить на практике, с другой стороны, считают себя недостаточно квалифицированными для более высокооплачиваемой (и сложной) работы. Причины этого разрыва респонденты видят в несоответствии полученных в системе образования компетенций реальным ожиданиям рынка труда.

Третий выявленный барьер заключается в том, что большая часть поучаствовавших в интервью работников демонстрирует общую пассивность в развитии человеческого капитала. Несмотря на то, что в общественном и академическом дискурсе данная тематика существует уже достаточно давно, представление о важности межличностного взаимодействия сформировано недостаточно. В целом респонденты недооценивают значимость таких универсальных навыков как коммуникация, командная работа, умение решать конфликты, и ориентируются на свои дисциплинарные знания и профессиональные умения, что идет в разрез с современными работками в области теории человеческого капитала. Имеющиеся в распоряжении возможности для развития респонденты рассматривают и воспринимают в сослагательном ключе: «я бы мог поучаствовать», «было бы полезно». Они показывают высокую осведомленность об источниках повышения знаний и навыков (обучающие сайты, программы переобучения, образовательные и тренинговые центры) и на декларативном уровне признают их значимость, но не имеют желания участвовать в них лично.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что у работников в возрасте от 25 до 45 лет преобладает пассивная стратегия использования и накопления человеческого капитала: долгосрочные планы по совершенствованию знаний и навыков практически не строятся, возможности достижения успеха преимущественно связываются с внешними факторами, ощущение подконтрольности жизни собственным целям и принципам прослеживается слабо. Представляется, что выявленные барьеры активации человеческого капитала работников могут ограничивать экономическое развитие региона, поскольку замедляют прирост новых и приводят к устареванию имеющихся компетенций.

Библиографический список

1. Marginson S. Limitations of human capital theory. *Studies in Higher Education*, 2017, 1–15. DOI: 10.1080/03075079.2017.1359823
2. Положихина М.А. Влияние цифровизации на формирование и использование человеческого капитала // *Социальные новации и социальные науки*. 2021. № 1. С. 8–34.
3. Сорокин П.С., Зыкова А.В. Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 5. С. 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
4. Spender J.-C. Human Capital and Agency Theory. *Oxford Handbooks Online*, 2011. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199532162.003.0008
5. Темницкий А.Л. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // *Социологические исследования*. 2019. № 6. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250005480-1
6. Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 6. С. 232–251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14
7. Paterson R. Lecturer and student perceptions of employability skills at a transnational university. *Educate*, 2016, 16 (1), 76–98.

Информация об авторе

Хузяхметов Роман Ренатович (Россия, Тюмень) – ассистент, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; r_o_m_a_n_14@mail.ru).

Khuziakhmetov R.R.

BARRIERS TO HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT: EXPERIENCE OF QUALITATIVE RESEARCH

Abstract. *Agency supplements traditional socio-economic understanding of human capital. Qualitative research revealed barriers to improving the competencies of employees in the region, which hinder the activation of human capital and limit the economic development of the region.*

Key words: *Human capital, human capital development, agency, barrier to development, qualitative research.*

Information about the author

Roman R. Khuziakhmetov (Russia, Tyumen) – Assistant, University of Tyumen (6, Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia; r_o_m_a_n_14@mail.ru).

References

1. Marginson S. Limitations of human capital theory. *Studies in Higher Education*, 2017, 1–15. DOI: 10.1080/03075079.2017.1359823
2. Polozhikhina M.A. The impact of digitalization on the formation and use of human capital. *Social novelties and Social sciences*, 2021, 1, 8–34.
3. Sorokin P.S., Zykova A.V. «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, 5, 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
4. Spender J.-C. Human Capital and Agency Theory. *Oxford Handbooks Online*, 2011. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199532162.003.0008
5. Temnitskiy A.L. The Sociocultural Phenomenon of Self-dependence in Russian Citizens' Work in an International Comparison. *Sociological Studies*, 2019, 6, 37–49. DOI: 10.31857/S013216250005480-1
6. Romashkina G.F., Khudyakova M.V. Sociological analysis of human capital factors and resources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, 13 (6), 232–251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14
7. Paterson R. Lecturer and student perceptions of employability skills at a transnational university. *Educate*, 2016, 16 (1), 76–98.

СЕКЦИЯ № 3

**Идентичность в контексте консолидации
российского общества**

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Аннотация. На основе эмпирических исследований дается оценка территориальной идентичности как этносоциального и этнополитического мобилизационного ресурса. Раскрывается структура восприятия уровней территориальной идентичности. Дается оценка гражданско-территориальной (общероссийской) лояльности и степени ее влияния на стратегии повседневных практик взаимодействия жителями РФ.

Ключевые слова: территориальная идентичность, социальная структура, социальная мобилизация, консолидация, этничность, регион РФ.

Территориальная идентичность – весомый ресурс консолидации локальных сообществ. Если в определенный период развития страны территориальная идентичность выступала сквозь систему соотношения в системе координат государственности и регионализма, перерастающего в этнонационализм и связанный с ним сепаратизм, то в настоящее время она приобрела значение существенного фактора, в связи с задачами модернизационного социально-экономического процесса, повышения региональной конкурентоспособности и социально-политической мобилизации [1].

Статья выполнена на основе эмпирических исследований, проведенных в рамках исследовательского проекта, поддержанного РФФИ, направленного на описание динамики трансформации идентичности граждан России в Саратовской области и Республики Кабардино-Балкария. Исследование включало в себя проведение массового опроса по квотной репрезентативной выборке, проведение фокус-групп и экспертных интервью в каждом из субъектов.

Один из выводов, полученных в ходе исследования, состоит в том, что территориальная идентичность является одним из ключевых элементов общегосударственной идентичности и не вступает с ней в противоречие [2]. При этом степень лояльности к государственной идентичности в разных регионах различна. Это определяется, с одной стороны, историко-географическими и социально-экономическими аспектами (Саратовская область), а с другой, сохраняющимися традиционными формами экономических, этносоциальных, политических отношений (Республика Кабардино-Балкария) [3].

Территориальная идентичность является многофакторным, многоуровневым социальным феноменом, с ярко выраженной темпоральной характеристикой. При этом территориальная идентичность в рамках данной работы определяется: а) как социальная аналитическая категория и б) как объект повседневной практики жителей региона. Территориальная идентичность в этом случае выступает как специфический ресурс, позволяющий выстраивать индивидуальные и групповые стратегии доступа к социально-экономическим лифтам. С другой стороны, она может выступать серьезным барьером, формирующим социально-психологическую привязанность, ориентацию на изоляционизм, которые потенциально ограничивают общегосударственные интеграционные процессы.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» (грант № 20–511–07004).

В этом контексте можно говорить о территориальной идентичности, как о мощнейшем ресурсе политической и социально-экономической мобилизации населения, формирования требований особости «своей» территории, проявления отдельных элементов культурного и экономического сепаратизма. Но, с другой стороны, «особость» территории все чаще становится предметом маркетинга территории, ее развития, позволяющим продвигать на внешних рынках уникальные аутентичные товары и услуги, которые формируют над-региональную (внешнюю, приписываемую) идентичность. Это подпитывает воспроизводство культурно-символических, лингвистических, социально-экономических границ территории и очерчивает ареал распространения связанной с ней идентичности [4].

Одним из ключевых вопросов исследования территориальной идентичности являются условия консолидации жителей локальной территории, структура их самовосприятия и маркеры, определяющие/предписывающие принадлежность индивида к локальному территориальному сообществу.

В частности, это ключевые элементы идентификационной матрицы, которые, с одной стороны, являются самовоспроизводящимися, а с другой – предписываемыми внешними социальными группами. В комплексе эти факторы маркируют социальные границы территориальной идентичности не только в регионах, но и определяют формы и механизмы выстраивания межгрупповых взаимодействий вне территории (в случае анклавов, этнических кварталов и т.д.) [5].

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, что больше всего объединяет жителей Вашего региона, делает жителей особым региональным сообществом?», %

	КБР*	СО*
Язык, форма и манера общения	33	51
Культура	41	53
Особые традиции, обычаи, обряды	17	28
Родная земля, территория, природа	26	35
Черты характера	10	18
Религия	18	10
Историческое прошлое	35	65
Общая государственность	36	20
Внешний облик (внешность)	3	9
Ничего не объединяет	7	3

* Здесь и далее по тексту обозначения: «СО» – Саратовская область, «КБР» – Республика Кабардино-Балкария.

Как видно из приведенных данных (табл. 1), основными для конфигурирования территориальной идентичности являются социально-культурные маркеры (язык, культура), причастность к конкретной территории, ощущение своего общего исторического прошлого.

Роль конфессиональных отношений в регионах достаточно значима, но не является предметом серьезных разногласий и появления особых дискурсов в силу того, что в них исторически достаточно спокойно соседствуют христианство и ислам.

Одним из ключевых критериев оценки уровня территориальной идентичности является уровень эмоциональной привязки жителей к факту проживания на конкретной территории. Эмоциональная составляющая самоидентификации, осознание себя частью локальной социальной группы, является мощнейшим мобилиза-

ционным фактором, стимулятором воспроизводства и последовательного развития элементов территориальной идентичности.

Так как позитивные маркеры факта принадлежности к региону в рамках критерия ощущения «Чувства гордости, достоинства» являются доминирующими показателями, необходимо отметить следующее. В данном контексте концепт «я – житель этого региона» объединяет комплекс территориально-патриотических диспозиций, основанных на ассоциациях с прошлым региона, с его достижениями и заслугами перед страной, в целом, а также в ощущении принадлежности «себя» к этому, желанию, способности и готовности сохранить и преумножить существующий социально-культурный и социально-экономический потенциал территории. Это чувство испытывает более 63% жителей КБР и лишь 42% жителей СО. При этом 44% жителей СО не испытывают этого чувства, против 17% жителей КБР (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас то, что Вы – житель Саратовской области (Республики Кабардино-Балкария)?», %

	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Чувство гордости, достоинства	63	42	17	44	20	14
Чувство сопричастности	66	57	18	30	16	13
Чувство отчуждения, безразличия	8	13	77	71	15	16
Чувство обиды, унижения	4	11	77	77	19	12

На этом фоне вполне объяснимо, что 77% в каждом из обследуемых регионов не испытают ярко выраженных негативных проявлений «чувства обиды или унижения». Как правило, это связано, с одной стороны, с высоким уровнем существующего территориального патернализма, а с другой – со значительным уровнем оседлости, принятием уже исторически сложившегося уклада и связанной с ним сложившейся системой социального дистанцирования от региональных и местных органов власти, являющихся «естественными» символами региона. Негативные проекции общерегиональной (социально-политической, экономической) идентичности на жителей не являются серьезными факторами, дестабилизирующими лояльность к своей «малой» Родине.

В отношении позитивной эмоциональной оценки связи с Россией – в оценке чувства гордости, достоинства – ситуация почти противоположная (табл. 3). Больше 66% респондентов из СО поддерживают этот тезис, в КБР – несколько меньше.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас то, что Вы россиянин?», %

	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Чувство гордости, достоинства	43	66	30	23	27	11
Чувство сопричастности	60	65	19	24	21	11
Чувство отчуждения, безразличия	10	7	71	78	19	15
Чувство обиды, унижения	10	7	70	79	20	14

Столь высокий уровень гражданско-территориальной (общероссийской) лояльности в СО может быть объяснен растущим авторитетом страны на мировой арене, а также эффективно проводимой военной операцией на Юго-Востоке Украины, что активно артикулируется практически всеми федеральными и региональными

каналами масс-медиа, подпитывая чувство патриотизма. Важную роль играет и ощущение жителями результатов проводимых социальных реформ – материнский капитал, дополнительные социальные выплаты, рост пенсий, расселение людей из ветхого жилья и т.д.

В противовес этому в КБР более выпукла региональная идентичность, ощущение периферийности своего развития по сравнению с другими территориями России. Чувство периферийности определяется не только пограничным положением республики, но и ее удаленностью от центра страны, слабым развитием авиа- и железнодорожных связей. Важным аспектом является и значительная финансовая дотационная зависимость Республики КБР от федерального центра. На этом фоне часть жителей испытывает психологическое чувство ущемленности и обиды, ощущения своей периферийности в социальном, политическом и экономическом аспектах.

Таким образом, территориальная идентичность, как социальный феномен, играет значительную роль как ресурс экономической, социально-политической, этносоциальной мобилизации населения, формируя потенциал современного нациестроительства. При этом конфигурация идентификационной матрицы четко коррелирует с территориальными, социально-политическими и конституционными (правовыми) особенностями той или иной территории.

Библиографический список

1. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Л.М. Дробужева [и др.]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 36–39.
2. Тишков В.А. Национальная идея России. Москва: Изд-во АСТ, 2021.
3. Дзугаев К.Г., Мокин К.С. Южная Осетия: ирредентизм и идентичность // Вестник Поволжского ин-та управления. 2021. № 6 (21). С. 30–37.
4. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.
5. Мокин К.С., Барышная Н.А. Миграция и межнациональные отношения в оценках региональных экспертов. // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 33–41.

Информация об авторе

Барышная Наталия Александровна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет (Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4; socis64@gmail.com).

Baryshnaya N.A.

TERRITORIAL IDENTITY AS A RESOURCE OF ETHNO-SOCIAL MOBILIZATION IN THE REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *On the basis of empirical research, an assessment of territorial identity as an ethno-social and ethno-political mobilization resource is given. The structure of perception of territorial identity levels is revealed. The assessment of civil-territorial (all-Russian) loyalty and the degree of its influence on the strategies of everyday practices of interaction by residents of the Russian Federation is given.*

Key words: *territorial identity, social structure, social mobilization, consolidation, ethnicity, region of the Russian Federation.*

Information about the author

Natalia A. Baryshnaya (Russia, Moscow) – D.Sc. in Sociology, Professor at the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University (Russia, Moscow, Wilhelm Peek St., 4; socis64@gmail.com).

References

1. Drobizheva L.M. [et al.]. The Substantial Basis of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts. Moscow: FNISTC RAS, 2021. Pp. 36–39.
2. Tishkov V.A. The National Idea of Russia. Moscow: AST Publishers, 2021.
3. Dzugaev K.G., Mokin K.S. South Ossetia: Irredentism and Identity. The bulletin of the Volga region institute of administration, 2021, 6 (21), 30–37. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-6-30-37
4. Zamyatina N.Yu. Territorial identities and social structures. Social Sciences and Contemporary World, 2012, 5, 151–163.
5. Mokin K.S., Baryshnaya N.A. Migration and international relations in the assessment of regional experts. The Authority, 2020, 28 (4), 52–62. DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7423

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ¹

Аннотация. В статье представлены материалы ряда социологических опросов населения Чувашии, посвященные восприятию российской общегражданской, региональной и этнической идентичности. Обращено внимание на схожесть и различия в ответах чувашей и русских, численность которых составляет свыше 90 процентов населения республики.

Ключевые слова: Чувашская Республика, общероссийская гражданская идентичность, социологические опросы, региональное и этническое самосознание.

Проблемам идентичности, имеющим не только большое познавательное, но и важное прикладное значение, посвящена значительная литература представителей различных направлений социальных наук. Имеются историографические обзоры, обоснованы теоретико-методологические подходы. Отметим заметную роль в развитии этой комплексной темы недавно ушедшей из жизни Л.М. Дробижевой. В посмертно осуществленном проекте, который она задумала и начала выполнять вместе с учениками и соратниками, были продолжены и реализованы важные направления по анализу содержательных основ российской идентичности в региональном и этнокультурном контекстах. Отдельный раздел монографии, написанный Л.М. Дробижевой, посвящен концептуальным подходам к пониманию общероссийской интегрирующей идентичности [1]. Особо отметим ее вывод о том, что «озвученные интеллектуальным и гражданским сообществом вопросы относительно содержательного наполнения интегрирующей россиян идентичности и понимания ее совместимости с идентичностью этнической по-прежнему продолжают оставаться в известной мере открытыми» [1, с. 30–31].

Рассмотрим данные, полученные нами в ходе ряда социологических опросов населения Чувашии, посвященным в том числе анализу состояния и динамики различных уровней идентичности. Особое внимание обратим на сходство и различия при выборе различных типов солидаризации русских и чувашей. В республике, по данным официальной статистики, первые составляют чуть более четверти населения, вторые – около двух третей. То есть, в сумме на две этнические группы приходится более 90% численности всех жителей региона. Отметим, что такое соотношение зафиксировано переписью населения 2010 г. Вполне возможно, что по еще не опубликованным к моменту написания данной статьи данным переписи 2020 г., соотношение между долями русских и чувашей изменится, но вместе они по-прежнему будут составлять подавляющее большинство населения. В ходе опросов в выборку попадает лишь незначительное число респондентов других национальностей, и судить об их отношении к идентификации практически не представляется возможным. Кроме того, около 5–7% выбирают две, редко 3 этнических принадлежности. В условиях

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., разработанной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации при участии Российской академии наук во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. Пр-71, п. 6.

Чувашии речь чаще всего идет о сочетании русский+чуваш / чуваш+русский. У них проявляются некоторые особенности при выборе общероссийской и региональной идентичности, но в силу тех же причин, то есть малой представленности в выборке, этот сюжет нами не рассматривается.

В настоящей статье использованы материалы мониторинговых обследований жителей Чувашии, проведенных в конце второго – начале третьего десятилетия XXI в. (N = 600). Они реализуются Чувашским государственным институтом гуманитарных наук с 2009 г. по заданиям Минкультуры Чувашии. Вопрос, имеющий отношение к идентичности, использовался в ходе реализации ряда проектов, выполненных по планам Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (Институт этнологии и антропологии РАН). Во время этих обследований акцент был смещен на проявление личностных идентичностей, и мы в данном случае солидарны с В.В. Авксентьевым и В.В. Аксюмовым, которые поддерживают Н. Элиаса, считающего подобные идентичности более характерными для современного человека сравнительно с «мы-идентичностями» [2, с. 78]. Участникам опросов предлагалось выбрать наиболее важные для них социокультурные идентичности, с которыми они бы ассоциировались в глазах окружающих. Варианты ответа предусматривали выбор этнической (национальность), региональной (республика), российской идентичности.

Прежде чем ознакомиться с заявленными результатами, отметим, что сам концепт гражданской российской нации воспринимается в России неоднозначно. Среди его оппонентов немало известных публицистов и представителей научного сообщества, и их позиции регулярно критикует В.А. Тишков [3, с. 397–401]. Некоторые работники управления, науки, образования, полагают, что пропаганда «российскости» будет препятствовать этнокультурному развитию отдельных народов. Среди населения недоверчивое отношение к данному понятию сложилось в том числе и по причине господствовавшей в советское время практике придания категории «нация» этнического содержания. Гражданско-политический смысл в данном случае не применялся и не допускался. Пока в России не укоренилось понятие нации в гражданско-политическом смысле, старые и новое понимания сосуществуют. Пример сложного понимания этого вопроса показывают и материалы обследования жителей Чувашии. В 2017 и 2018 гг. в ходе мониторинговых обследований гражданам задавался следующий вопрос: «Вспомните примеры других стран: французы – французская нация, канадцы – канадская нация и т.д. Согласны ли Вы с тем, что все граждане России – российская нация»? Полное согласие выразили 39% опрошенных; 4–5% отметили, что для этого требуется еще несколько лет; о необходимости десятилетий заявили 10–11%. В 2017 г. полное несогласие с таким предположением высказали 17%, в 2018 г. – 23% респондентов. Кроме того, 29 и 23% соответственно затруднились дать определенный ответ. Сравнение ответов чувашей и русских показывает, что среди первых доля скептиков выше, но этот перевес незначителен и составлял по разным позициям 5–10 п.п.

В то же время, отвечая на вопрос о восприятии респондентов окружающими людьми, опрошенные чаще всего идентифицировали себя с россиянами, и таким образом высказались почти по две трети из их числа как в 2019, так и в 2021 гг. (табл.). Иначе говоря, теоретическое восприятие общегражданской нации более консервативно, чем реальная самооценка. Вполне возможно, что это противоречие возникло

по причине двойственности такого понятия, как гражданин России. В нем заключается не только идентичность, но и формально-юридическая содержание, поскольку понятие «гражданин» отражено в Конституции России, в ее второй главе зафиксированы права и обязанности человека и гражданина. С этой точки зрения сравнение общегражданской идентичности, например, с региональной и этнической не совсем корректно. Для смягчения восприятия понятия о гражданстве в вариантах ответов предлагалась формулировка «россиянин». Вариант с таким ответом занимал только третье место в общем перечне.

Таблица. Распределение ответов на вопрос «В повседневной жизни (в том числе на работе, учебе) как Вас должны воспринимать окружающие?» (можно выбрать до двух вариантов), %

Вариант ответа	Всего		В том числе			
	2019 год	2021 год	2019 год		2021 год	
			чуваши	русские	чуваши	русские
Как представителя Вашей национальности	17	18	20	13	19	11
Как жителя Чувашии	41	40	48	20	49	18
Как россиянина	65	61	62	74	53	83
Другое	2	2	1	3	–	2
Затрудняюсь ответить	2	3	3	–	4	2

Интерес представляет сравнение ответов респондентов двух национальностей. Из данных видно, что в уровне важности для них региональной и российской идентичности отмечена заметная разница, которая во втором случае заметно возросла. Отметим, что речь не идет о конкуренции между гражданской и этнической идентичностью, о чем писали и пишут некоторые российские авторы [4, с. 37–38]. При этом следует иметь в виду, что разные предпочтения вовсе не означают, что, русские, например, более патриотичны применительно к России, а чувашаи – к республике. Просто следует учитывать, что для чувашей республика является местом, в котором сосредоточены их культурные и исторические ценности. И они не только хранятся, но и воспроизводятся. С этой точки зрения понятна реакция чувашей на вопрос об идентичностях. Этнические русские менее обращены к этнокультурным особенностям, бытовавшим и бытующим в народной среде. В то же время они более спокойно/безразлично воспринимают эти сюжеты и в силу уверенности в их защите со стороны государства. Иерархическое, на первый взгляд, сочетание различных типов идентичности не обозначает наличия противоречий, противостояний. Идентичности не являются жесткими конструкциями, их соотношение может меняться, они зачастую ситуативны.

Библиографический список

1. Дробижеева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021
2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2
3. Тишков В.А. Национальная идея России. Москва: АСТ, 2021. 416 с.

4. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9

Информация об авторах

Бойко Иван Иванович (Россия, Чебоксары) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Россия, г. Чебоксары, Московский пр-т, 29; boyko2003@yandex.ru).

Харитонов Валентина Григорьевна (Россия, Чебоксары) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Россия, г. Чебоксары, Московский пр-т, 29; val1957@rambler.ru).

Boyko I.I., Kharitonova V.G.

ALL-RUSSIAN CIVIL, REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY BY THE POPULATION OF CHUVASHIA

Abstract. *The article presents the materials of a number of sociological surveys of the population of Chuvashia devoted to the perception of Russian civil, regional and ethnic identity. Attention is drawn to the similarity and differences in the responses of the Chuvash and Russians, whose number is more than 90 percent of the population of the republic.*

Key words: *Chuvash Republic, all-Russian civic identity, opinion polls, regional and ethnic identity.*

Information about the authors

Ivan I. Boyko (Russia, Cheboksary) – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences (Cheboksary, Russia; boyko2003@yandex.ru).

Valentina G. Kharitonova (Russia, Cheboksary) – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences (Cheboksary, Russia; val1957@rambler.ru).

References

1. Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. Substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural context. Ed. by E.M. Arutyunova, S.V. Ryzhova. Moscow: SNITS RAS, 2021. 288 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021
2. Avksentiev V.A., Aksyumov B.V. «Portfolio of identities» of youth of the South of Russia after 12 years. Sociological research, 2022, 7, 76–87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2
3. Tishkov V.A. The National Idea of Russia. Moscow: AST, 2021. 416 p.
4. Drobizheva L.M. Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution. Sociological research, 2020, 8, 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ «ЯДРО» ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Аннотация. В полиэтническом обществе идентичности формируются и проявляются на нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих уровнях. Обычно выделяют этнический, региональный и гражданский. Они, в свою очередь, дополняются и сопровождаются другими идентичностями, например, языковыми, религиозными, субэтническими и др. В условиях Российской Федерации наиболее рельефно последние проявляются в ее республиках и других национально-территориальных образованиях. По меткому выражению Н.И. Лапина, в каждом обществе значение всех уровней отношений «сосредоточены в их культуре». Это означает, что основу любой идентичности формируют глубинные символы, смыслы и ценности, составляющие социокультурное «ядро» общества. Данный вывод подтверждается в целом ряде исследований, в том числе и в наших многолетних наблюдениях.

Ключевые слова: идентичность, культура, этнос, регион, нация, государство.

В одном из последних обобщающих трудов Н.И. Лапин особое внимание обращает на необходимость «понимания глубинной сложности становления новой России» и «поворота к задачам внутреннего развития России и ее регионов [1, с. 12–13].

В ряду таких задач находится обретение Россией собственной национальной (общегражданской) идентичности в сочетании с этнической, региональной и другими ее составляющими. Наряду с тем, что «основными остаются отношения между различными обществами-государствами», одновременно повысилась значимость «отношений между человеком как гражданином и его обществом, т.е. гражданско-общественные отношения и их культура» [1, с. 187].

Сфокусированный акцент на социокультурные основания отношений между гражданином и обществом имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для понимания природы гражданской идентичности. В самом определении идентичности, в данном случае – гражданской – присутствует ярко выраженная социокультурная доминанта. В двухтомной социологической энциклопедии гражданская идентичность определяется как «термин, указывающий на отождествление индивида с обществом во всех его типических социокультурных измерениях (язык, ментальность, картины мира, социокультурные ценности, нормы поведения)» [2, с. 336].

На социокультурный пласт идентичностей большое внимание обращает в своих исследованиях В.А. Тишков. Определяя главные компоненты формирования национальной идентичности в России, он подчеркивает, что «среди них важное место занимают изучение и сохранение историко-культурного наследия, ...памятников культуры, мест памяти и историко-культурного ландшафта» [3, с. 409]. Наряду с важностью сохранения традиционных материальных и духовных ценностей, им обосновывается необходимость гуманитарно-научного сопровождения современных инфраструктурных проектов, масштабных сооружений строительства и транспортных коммуникаций с целью предотвращения утраты социокультурной среды и

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г.).

ценностей. Все это имеет непосредственное отношение не только к формированию, но и проявлению национального самосознания и гражданской идентичности.

В социологической литературе, рассматривающей и анализирующей различные подходы к феномену идентичности, подчеркивается наличие более широкого культурного пласта с разносторонним, комплексным видением предметного поля исследований и его направленностью не только на социально-политические, но и «социально-культурные тенденции, затрагивающие сложные, все более гетерогенные и мобильные социальные системы» [4, с. 6, 8].

В процессе социализации каждый человек постепенно приобретает определенные социокультурные маркеры, отличающие его от обладателей других культурных традиций, языка, гражданства и т.д. Во-первых, он является (или считает себя) представителем того или иного народа, носителем определенного языка, религии и т.д., что влияет на его этническую, языковую и религиозную идентичности. Во-вторых, он проживает на конкретной территории, что фиксирует региональную (субрегиональную) или другую локальную идентификацию. В-третьих, человек является гражданином какого-либо государства, обладателем соответствующих формальных (например, паспорта гражданина страны) и неформальных культурных «кодов», которые являются основой формирования гражданской идентичности.

Исходя из этих и других не менее важных наблюдений и исследований, коллектив авторов под руководством Л.М. Дробижевой обосновывают положение о многогосударственности и множественности идентичностей в России и ее национальных республиках [5, с. 9–24]. Безусловно, в основе этих свойств идентичностей лежат не столько внешние, сколько внутренние, содержательные их источники, имеющие социокультурную природу.

Одними из первых комплексных исследований идентичности в Республике Башкортостан, как полиэтническом регионе России, стали проекты Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (рук. М.К. Горшков, 2011 г.) [6, с. 487–512], «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (рук. Л.М. Дробижева, 2012 г.) [7].

Результаты исследований выявили не только широту и интенсивность распространения российской, этнической и республиканской идентичностей жителей Республики Башкортостан, но и содержательное этнокультурное наполнение этих идентичностей; соотношение в них толерантных и интолерантных установок, современных и традиционных ориентаций; влияние общественно-политических, социально-экономических факторов и социокультурных ценностей на формирование идентичности этнических групп, а так же условий, наиболее благоприятных для взаимодействия людей разных национальностей и межэтнических отношений в целом.

Сопоставление двух исследований показало также, что у русских в Башкортостане по сравнению с русскими в целом по России этническая идентификация существенно уступает общегражданской – доля считающих себя, прежде всего, человеком своей национальности среди них ниже, чем в целом по России (16% русских респондентов в общероссийской выборке), а доля считающих себя «и человеком своей национальности, и россиянином в равной степени», наоборот, выше (всего 25% русских в общероссийской выборке). Это отличает русских в республике не только от башкир и татар, среди которых степень проявления этнической идентификации заметно выше, но и от русских в целом по России [8, с. 40–48].

В последующих работах Л.М. Дробижевой и ее коллег обосновывается положение и сам термин государственно-гражданской идентичности, как наиболее адекватно отражающий, с их точки зрения, представления россиян о самом себе на современном этапе [9]. Полученные ими эмпирические данные исследований, посвященных формированию и проявлению общегражданской (государственно-гражданской) идентичности россиян зафиксировали ее тогда (2016–2018 гг.) на уровне более чем 75%. По оценке некоторых исследователей и экспертов в настоящее время этот показатель возрос до 80–85%.

Особенностью социокультурного ландшафта Российской Федерации является полиэтническая и поликонфессиональная структуры населения абсолютного большинства ее регионов, наличие и переплетение в них многих культур, этносов и конфессий. Россия – федеративное государство с ярко выраженной этнической и региональной спецификой. Вследствие этого в некоторых субъектах федерации происходит формирование собственной уникальной модели идентичности, выделяющей его из числа остальных. Особенно это заметно на примере национальных республик. В Дагестане, например, относительно уже давно сложилась своя этно-региональная идентичность «дагестанцы», в Татарстане формируется и активно продвигается объединяющая всех жителей республики общность «татарстанцы», в Башкортостане было обозначено, но пока не прижилось аналогичное понятие «башкортостанцы». Применительно к Республике Башкортостан следует заметить еще одно немаловажное обстоятельство, имеющее отношение, как к формальным признакам идентификации, так и более существенным аспектам идентичности. Речь идет о том, что из двух равнозначных конституционно закрепленных названий республики «Башкортостан» и «Башкирия», первое из них постепенно начинает уступать второму не только в политическом лексиконе и средствах массовой информации, но и как следствие этого процесса, в общении жителей республики. На наш взгляд, эта тенденция существенно сужает социокультурный потенциал региональной и этнической идентичностей в Республике Башкортостан.

В заключении еще раз подчеркнем, что этническая, региональная и государственно-гражданская идентичности в полиэтническом обществе не существуют в отрыве друг от друга; они взаимно дополняются и «прирастают» новыми социокультурными идентичностями. Изучение и анализ идентичностей исключает их заключение в строго определенные рамки, они динамичны во времени и социальном пространстве.

Библиографический список

1. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. Москва: Весь Мир, 2021. 364 с.
2. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г.Ю. Семегин; гл. ред. В.Н. Иванов. Москва: Мысль, 2003. 694 с.
3. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.
4. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3–11.
5. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.

6. Двадцать лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан / Р.М. Валиахметов [и др.] // Россия реформирующаяся: ежегодник – 2011 / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10М. Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 487–512.
7. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
8. Леготин Э.В. Множественная идентичность в Башкортостане: этническое, региональное и общероссийское измерения // Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. Москва: Ин-т социологии РАН, 2012. С. 40–48.
9. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: монография / отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

Информация об авторе

Валиахметов Рим Марсович (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии, Уфимский университет науки и технологий (Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; rim_m_sifat@inbox.ru).

Valiakhmetov R.M.

THE SOCIO-CULTURAL «CORE» OF FORMATION AND MANIFESTATION OF IDENTITIES IN A MULTIETHNIC SOCIETY

Abstract. *In a multiethnic society, identities are formed and manifested at several interrelated and complementary levels. Ethnic, regional and civil are usually distinguished. They, in turn, are complemented and accompanied by other identities, for example: linguistic, religious, subethnic, etc. In the conditions of the Russian Federation, the latter are most clearly manifested in its republics and other national-territorial entities. According to the apt expression of N.I. Lapin, in every society, the meaning of all levels of relations is «concentrated in their culture.» This means that the basis of any identity is formed by deep symbols, meanings and values that make up the sociocultural «core» of society. This conclusion is confirmed in a number of studies, including our long-term observations.*

Key words: *identity, culture, ethnicity, region, nation, state.*

Information about the author

Rim M. Valiakhmetov (Russia, Ufa) – Candidate of Sociology, Associate Professor, The Head of the Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology (Russia, 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32; rim_m_sifat@inbox.ru).

References

1. Lapin N.I. The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural Approach. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Sociocultural Changes. Moscow: Ves Mir, 2021. 364 p.
2. The Sociological Encyclopedia: In 2 vols. Vol. 1. National Socio-Scientific Foundation. Head of the scientific project G.Y. Semegin; Editor-in-Chief V.N. Ivanov. Moscow: Mysl, 2003. 694 p.

3. Tishkov V.A. Russia's identity: grand challenges. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2019, 89, 4, 408–412.
4. Sanina A.G. Genesis of the idea of identity in sociology and related sciences. *Sociological studies*, 2014, 12, 3–11.
5. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civic and ethnic identity and perception of the preferable state in Russia. *Polis. Political studies*, 2015, 5, 9–24.
6. Valiakhmetov R.M. [et al.]. Twenty years of reforms in Russia through the eyes of residents of the Republic of Bashkortostan. *Russia reforming: Yearbook – 2011*. Editor-in-chief Academician of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov. Vol. 10. Moscow, St. Petersburg: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Nestor-Istoriya, 2011. Pp. 487–512.
7. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow. Head of the project and chief editor L.M. Drobizheva. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2013. 485 p.
8. Legotin E.V. Multiple identity in Bashkortostan: ethnic, regional and all-Russian dimensions. *The sociological response to the «national question»: The example of the Republic of Bashkortostan*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 40–48.
9. Interethnic accord at all-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts: monography. Edited by L.M. Drobizheva. Moscow, 2018. 552 p.

РЕСПУБЛИКА ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?¹

Аннотация. Республика Южная Осетия добилась признания, ведет политику интеграции с Россией. Большинство народа стремится к воссоединению с Северной Осетией в составе России; есть иная точка зрения о независимом пути развития Южной Осетии, формировании собственной идентичности.

Ключевые слова: Россия, Южная Осетия, Грузия, воссоединение, независимость, идентичность.

Республика Южная Осетия (РЮО) – государство, созданное южной ветвью осетинского народа по итогам сецессии из состава грузинского государства. Провозглашена 20 сентября 1990 года [1, с. 236], признана Россией 26 августа 2008 года, после принуждения Грузии к миру в ходе вооруженного конфликта 8–13 августа 2008 года (война «08.08.08»). Причина конфликта с грузинским государством – отказ на тот момент еще не признанного югоосетинского государства от участия в грузинском проекте этнократического государства, подразумевавшего ассимиляцию южных осетин и ликвидацию Юго-Осетинской автономной области.

Борьба за сохранение своей этнонациональной идентичности с начала грузино-осетинского конфликта в 1989 г. велась с позиций безусловного единства осетинского народа на Севере и на Юге Осетии, в том числе единства национально-политического, как стратегической цели борьбы за воссоединение разделенного народа. Понимание единой идентичности имелось у интеллектуалов на Юге Осетии, у лидеров отрядов самообороны, у рабочих и крестьян.

Наряду с этим южные осетины ощущали себя составной частью общероссийской идентичности, неоднократно ставили вопрос перед российским руководством о принятии РЮО в состав России. Русским языком владеют практически все южные осетины, более половины – как родным; в настоящее время русский язык является государственным языком, наряду с осетинским.

Вместе с тем длительное пребывание в составе грузинского государства, с его непрерывным ассимиляционным давлением, и затрудненная коммуникация с Севером Осетии, обусловили появление у южных осетин этнических особенностей: распространение шокающего («кударского») говора осетинского языка, своеобразие погребальных ритуалов, повышенные охранительные реакции перед внешними угрозами этнокультурной идентичности и т.д.

После признания РЮО Россией [2] (и рядом других государств) в Республике политически обозначилась общественная группа, выступающая за независимость Южной Осетии, отстаивающая самостоятельный путь развития для южных осетин. До нынешнего года эта группа, будучи заведомым политическим меньшинством, не оказывала заметного влияния на принятие решений высшим руководством, к тому же президентом был А.И. Бибилев, выигравший выборы в 2017 году под лозунгом воссоединения Осетии в составе России.

Однако президентские выборы в апреле – мае 2022 года действовавший президент проиграл, и к власти пришел А.Э. Гаглоев, активно поддержанный в первую

¹ Статья выполнена в рамках международного проекта МОН РЮО – РФФИ «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)», грант № 20–511–07004.

очередь именно сторонниками независимости. При этом следует подчеркнуть, что А.И. Бибиллов не просто проиграл выборы, но именно что провалил власть, провалив тем самым многолетние усилия по выстраиванию первой в истории Южной Осетии политической конструкции, работающей непосредственно на решение вопроса о воссоединении Осетии. Эта конструкция, помимо политической фигуры лидера, т.е. А.И. Бибилова, включала в себя созданную целевым образом политическую партию «Единая Осетия», обеспечение политической практики воссоединения научным и информационным сопровождением, работу на Севере Осетии и т.д. Следует сказать и о том, что такой исход выборов нельзя считать неожиданностью: автор данной статьи – один из экспертов, предупреждавших об этом [3].

Причина поражения А.И. Бибилова не нуждается в специальных средствах обнаружения и анализа, она очевидна: это отказ от продекларированной цели воссоединения, прекращение во второй половине президентства какой бы то ни было работы во имя заявленного лозунга воссоединения Осетии. В мае 2021 года А.И. Бибилову был брошен «спасательный круг»: 50 видных граждан Южной Осетии – деятелей культуры, науки, руководителей учреждений, врачей и т.д. – обратились к президенту с настоятельным предложением провести давно обещанный референдум о вхождении Южной Осетии в состав России [4]. Президент отмолчался, что вызвало глубокое недоумение в обществе. В январе сего года А.И. Бибилову был послан последний публичный сигнал [5], также оставшийся без реагирования; но неназванные политтехнологи бывшего президента сделали наихудшее – они попытались использовать идею референдума в ситуативно-политтехнологических целях, и указ о его проведении был опубликован за несколько дней до голосования. Разумеется, это произвело отрицательное воздействие на электоральные унастроения, и на волне протестного голосования победу одержал А.Э. Гаглов, приостановивший своим указом проведение объявленного А.И. Бибиловым референдума. Со своей стороны новый президент, безусловно, прав, так как проведение референдума с российской стороны согласовано не было.

В Южной Осетии сложилась, таким образом, нетривиальная внутривнутриполитическая реальность. К власти пришел президент, по логике предвыборной борьбы с А.И. Бибиловым опирающийся на его политических противников, т.е. сторонников независимого пути развития Южной Осетии; они составили ядро новой администрации, и отчетливо обозначили новый вектор движения. Однако А.Э. Гаглов понимает, что, отвергнув А.И. Бибилова как лидера, народное большинство сторонников воссоединения (а это около 85% граждан РЮО) никуда не делось.

Таким образом, выбор идентичности для южных осетин де-факто приобрел определенную вариативность. Эта новая политическая и культурологическая реальность вызывает активные дискуссии в социальных сетях, а также в трудовых коллективах, соседских общинах, родственных группах и т.д.

Библиографический список

1. Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001): сб. политико-правовых актов. Тбилиси, 2002.
2. О признании Республики Южная Осетия: Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1261. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958>
3. Дзугаев К.Г. Южная Осетия: идентичность и угроза этнокультурной перекодировки // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 4 (33). С. 3–6.

4. Полку ста прибыло // Южная Осетия. 12.08.2021. URL: <https://ugo-osetia.ru/politika/polku-sta-pribylo>
5. Дзугаев К.Г. При каком условии Анатолий Бибилов выиграет выборы? // Кавказский геополитический клуб. 11.01.2022. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/pri-kakom-uslovii-anatolij-bibilov-vyigraet-vybory>

Информация об авторе

Дзугаев Коста Георгиевич (Республика Южная Осетия, Цхинвал) – кандидат философских наук, доцент, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова (Республика Южная Осетия, 100001, г. Цхинвал, ул. Путина, 8; yogu@mail.ru).

Dzugaev K.G.

REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA: ALTERNATIVE IDENTITY?

Abstract. *The Republic of South Ossetia has achieved recognition, is pursuing a policy of integration with Russia. The majority of the people seek reunification with North Ossetia as part of Russia; there is a different point of view about the independent development of South Ossetia, the formation of their own identity.*

Key words: *Russia, South Ossetia, Georgia, reunification, independence, identity.*

Information about the author

Kosta G. Dzugaev (Republic of South Ossetia, Tskhinval) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, A.A. Tibilov South Ossetian State University (8, Putin str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia; yogu@mail.ru).

References

1. Regional conflicts in Georgia – South Ossetian Autonomous Region, Abkhazian ASSR (1989–2001). Collection of political and legal acts. Tbilisi, 2002.
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 1261 of 26.08.2008 «On recognition of the Republic of South Ossetia». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958>
3. Dzugaev K. G. South Ossetia: identity and the threat of ethno-cultural recoding. Actual problems of our time: science and society, 2021, 4 (33), 3–6.
4. The floor of the bush has arrived. South Ossetia. 12.08.2021. URL: <https://ugo-osetia.ru/politika/polku-sta-pribylo>.
5. Dzugaev K.G. Under what condition will Anatoly Bibilov win the election? Caucasian Geopolitical Club. 11.01.2022. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/pri-kakom-uslovii-anatolij-bibilov-vyigraet-vybory>.

СОЛИДАРНОСТЬ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются формы и механизмы солидарности бизнес-сообществ в виртуальном мире. Выделяются цифровые стратегии социальных бизнес-коммуникаций, которые позволяют выходить на новый уровень социального и экономического диалога между разными субъектами. Показывается как процессы солидарности бизнес-сообщества меняют форму и формат ведения бизнеса в цифровом мире. На основе собственного эмпирического исследования показывается динамика трансформаций от традиционного бизнеса до бизнеса в цифровом мире.

Ключевые слова: солидарность, цифровизация, виртуализация, бизнес, бизнес-сообщество, практики солидарности.

Современная бизнес-среда трансформируется под влиянием цифровизации. В этих условиях осуществляются принципиально новые формы и условия солидарности бизнес-сообществ. Они от реализации товаров и услуг переходят к информационным продуктам, которые заставляют не только потребителей, но и конкурентов интегрироваться в общее пространство диалога и взаимодействия. Поэтому, современность выступает моментом пересмотра ведения бизнеса.

Этому способствуют изменения в механизмах воздействия СМИ и сети Интернет (Р.Г. Ардашев [1–3]), новых практик просоциального взаимодействия (О.А. Полюшкевич [4; 5]), что приводит к созданию уникальной альтернативной среды сетевого взаимодействия бизнес-сообщества.

В 2022 году нами было проведено исследование уровня солидарности бизнес-сообщества в современной России, в котором приняли участие 560 руководителей малого и среднего бизнеса, которые ведут бизнес-проекты в цифровом мире. Возраст участников исследования составил от 22 до 56 лет, 56% мужчины и 44% женщины, проживающие в разных регионах России. Доход их компании от бизнеса в цифровом мире составлял от 500 тыс. до 10 млн в месяц. Сферами бизнеса были товары и услуги.

В результате анализа полученных данных мы выявили, что солидарность бизнес-сообщества в цифровом мире строится на ценностях (мировоззрении) руководителей и ключевых управляющих – 36%, открытости (уровне прозрачности социального и бизнес-взаимодействия) – 34% и экономической прогнозируемости (управлении целевой аудиторией) – 30%.

Стоит указать, что солидарность в бизнес-сообществах начинается с вполне традиционного мотива сплочения: беды (66%) (экономических санкций, ограничений с VPN для бизнеса в сети инстаграм, сложностей внешнеполитического позиционирования и т.д.) или радости (34%) (новых платформ социальных коммуникаций, скидок при социальном взаимодействии и партнерстве своего места в глобальных маркет-плейсах и пр.). Иными словами, даже в виртуальном мире руководителей бизнес-структур заставляет консолидироваться между собой совместная угроза (в два раза чаще этот мотив актуален), чем совместные выгоды и приоритеты. Это следствие нашей идеологии и готовности работать на себя, но не на сообщество в целом. Своего рода эгоистические формы социальной реализации представителей малого и среднего бизнеса.

Также солидарности бизнес-сообщества способствует желание бизнесменов в цифровом пространстве создавать новые техники и технологии, способствующие продвижению собственных товаров и услуг (78%). На сегодняшний день цифровой бизнес только зарождается, формируется его структура, форма и технологии взаимодействия с клиентами. Поэтому особенно востребованы те технологии, что уменьшают задержку на уровне анализа товара и его реальной покупки.

Для цифрового бизнеса важна эмоциональная отдача от покупки, что увеличивает уровень лояльности и готовности вести диалог. Умение вызвать эмоции при совершении покупки товара или услуги выступает критерием качества продукта. Это социальный закон экономических отношений в условиях цифровизации.

Не менее важно и наличие определенного уровня социальных контактов, помогающих выстроить социальный диалог между органами власти, бизнес-сообществом, НКО, СМИ и общественностью в целом. Межсекторное партнерство выступает критерием социального моделирования общественного развития и одновременно его основой, так как помогает не дублировать друг друга, а включаться в социальные коммуникации и общественное развитие.

На основании всего вышеизложенного, можем говорить о наличии различных стратегий солидарности в бизнес-сообществе, ведущим цифровой бизнес. Качество реализации продукции зависит от количества социальных контактов и форм социального диалога, наличия разнообразного веера различных социальных контактов, эмоциональная отдача от покупки.

Библиографический список

1. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
4. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: матлы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда, 2021. С. 420–422.
5. Полюшкевич О.А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества: Восьмая междунар. науч.-практ. конф. / Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 141–143.

Информация об авторе

Журавлева Анастасия Андреевна (Россия, Иркутск) – преподаватель, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; irlend@list.ru).

Zhuravleva A.A.

SOLIDARITY OF THE BUSINESS COMMUNITY IN THE DIGITAL WORLD

Abstract. *The article discusses the forms and mechanisms of solidarity of business communities in the virtual world. Digital strategies for social business communications are highlighted, which*

allow reaching a new level of social and economic dialogue between different subjects. It is shown how the solidarity processes of the business community change the form and format of doing business in the digital world. Based on their own empirical research, the dynamics of transformations from traditional business to business in the digital world is shown.

Key words: *solidarity, digitalization, virtualization, business, business community, solidarity practices.*

Information about the author

Anastasia A. Zhuravleva (Russia, Irkutsk) – Lecturer, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (1, st. Karl Marx, Irkutsk, 664003, Russia; irlend@list.ru).

References

1. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness. *Sociology*, 2021, 3, 53–61.
2. Ardashev R.G. Features of consciousness of Russians: Strategies of perception of the future. *Sociology*, 2021, 2, 60–67.
3. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness. *Humanitarian vector*, 2020, 15 (2), 76–84.
4. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in the digital age. Strategy and tactics of socio-economic reforms: National priorities and projects. Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Vologda, 2021, 420–422.
5. Polyushkevich O.A. Prosocial technologies of digital interaction. Philosophy and culture of the information society. The eighth International scientific and practical conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, 141–143.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССМОТРЕНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье обозначается необходимость консолидации российского общества в связи с возникновением враждебного окружения. В настоящий момент возросло значение укрепления мобилизационной и традиционной общественной компоненты, что неизбежно предполагает повышение уровня консолидации общества. Но чтобы соответствующие механизмы работали, необходимо добиваться смягчения внутренних противоречий в Российской Федерации.

Ключевые слова: консолидация, способы объединения людей, социальные институты, внутренние противоречия.

Под консолидацией обычно понимают некое сплочение, объединение всех членов общества для преодоления трудностей, достижения общих целей. И эти трудности, цели в настоящий момент для Российского общества связаны с резким ухудшением внешней геополитической обстановки, возникновением агрессивного окружения. Причем эта ситуация скорее всего сохранится на весьма продолжительный период. Для успешной адаптации к новым условиям помимо прочих предполагается использовать и социальный резерв –повышение уровня консолидации общества.

Чтобы лучше представить себе какие преобразования в общественном и государственном устройстве это предполагает необходимо обратиться к теории данного вопроса. Устройство любого общества напрямую связано со способами объединения его членов. Эти способы объединения являются социальными институтами или системами. По крайней мере в настоящий момент можно говорить о трех таких способах.

Первый способ. Здесь объединение людей происходит через рынок, товарообмен, отношения купли продажи. Общественное устройство основывается на максимальном расширении прав и свобод человека, сужение его обязанностей и ответственности. Все это является важными предпосылками для того, чтобы человек выступал полноценным агентом рыночных отношений [1, с. 243–271].

Второй способ. Здесь объединение людей происходит через кооперацию, обмен деятельностью, согласование усилий для достижения общей цели. При этом происходит некоторое сокращение прав и свобод, поскольку такое общественное устройство усиливает требования к согласованности поведения членов общества, которое становится мобилизационным [2, с. 81–103]. При этом возрастают как социальные гарантии гражданам со стороны государства, так и их обязанности, ответственность перед обществом.

Третий способ. Здесь объединение людей происходит по поводу сохранения, воспроизводства человека, продление человеческого рода и проч. Здесь мы имеем дело с традиционным обществом, усилении роли семьи как главного института в этом общественном устройстве. Права, свободы, обязанности ответственность преломляются через роли, позиции, которые человек занимает в семье.

В современном обществе все эти способы объединения людей присутствуют, но их соотношение может быть различным. И эти диспропорции соотношений зачастую отражаются в соответствующей идеологии. Так и в Российской Федерации длительное время распространялась и господствовала индивидуалистическая ры-

ночная идеология, которая вытесняла ценности семьи, отечества и других надындивидуальных образований.

Все это привело к существенным деформациям в жизни общества, которые проявились в наиболее открытой форме, стали очевидными в связи с резким ухудшением внешней геополитической обстановки, возникновением агрессивного окружения. Это требует идеологической корректировки.

Таким образом, назрела потребность повысить значение способов объединения людей в Российской Федерации, характерные для мобилизационного и традиционного общества. Но поскольку соответствующие объединения как системы имеют более высокий уровень целостности, интегрированности их членов, то отсюда и возникает запрос на повышение уровня консолидации Российского общества.

Такое повышение неизбежно будет связано с организацией планирования во всех сферах общественной жизни, повышением ответственности граждан РФ за укрепления обороноспособности, повышения рождаемости и т.д.

При этом необходимо обратить внимание на смягчение основных противоречий Российского общества, без чего ощущение единства, целостности отечества для граждан Российской Федерации будет ускользать.

1. Региональные противоречия нашей страны, которые являются наиболее глубокими.

2. Конфессиональные противоречия, которые сейчас не столь ярко выражены, но в будущем могут привести к катастрофе. Чтобы ее избежать необходимо формирование светской идеологии, основанной на ценностях, которые поддерживаются населением.

3. Огромные различия в доходах между отдельными группами занятых в рамках одного министерства, региона, организации.

4. Слабая обратная связь между правительством страны, регионов и отдельными объектами управления.

Перечень этих противоречий далеко не исчерпан. Важно, чтобы их смягчение шло в месте с проведением других мероприятий по консолидации Российского общества.

Библиографический список

1. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
2. Фофанов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. Москва: Наука, 1993. 272 с.

Информация об авторе

Ключников Сергей Александрович (Россия, Самара) – кандидат философских наук, доцент, Самарский государственный университет (Россия, Самара, Московское ш., д. 34; rector@ssau.ru).

Klyuchnikov S.A.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CONSIDERATION OF THE CONSOLIDATION OF SOCIETY

Abstract. *Consolidate Russian society in connection with the emergence of a hostile environment. At the moment, the importance of strengthening the mobilization and traditional*

social components has increased, which inevitably implies an increase in the level of consolidation of society. But in order for the relevant mechanisms to work, it is necessary to mitigate internal contradictions in the Russian Federation.

Key words: *consolidation, ways to unite people, social institutions, internal contradictions.*

Information about the author

Sergey A. Klyuchnikov (Russia, Samara) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Samara University (34, Moskovskoe Shosse, Samara, Russia; rector@ssau.ru).

References

1. Mises L. Human activity: A treatise on economic theory. Chelyabinsk: Socium, 2005. 878 p.
2. Fofanov A.G. Russia: From a mobilization society to an innovative one. Moscow: Nauka, 1993. 272 p.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН И УРБАНИЗАЦИЯ: ПЕРЕВЕРНУТАЯ U-ОБРАЗНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

***Аннотация.** На материалах общероссийских социологических опросов по репрезентативной выборке, организованных в 2000–2020-х гг. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, проведен анализ модернизации ментально-культурных ценностей жителей разных типов поселений. Сделан вывод, что в России существует не прямая зависимость между урбанизацией и модернизацией, а перевернутая U-образная зависимость.*

Ключевые слова: модернизация, культурные ценности, урбанизация.

Урбанизация – переход от почти исключительно сельского к преимущественно городскому образу жизни – является одним из ключевых элементов модернизации, через которую прошли сначала страны Запада, а потом постепенно и почти все остальные страны мира. Это связано с тем, что почти все ключевые элементы модернизации (всеобщая грамотность, основанное на разделении труда рыночное производство, политическая демократия, стремление к инновациям и т.д.) органичны для городского, а не сельского образа жизни.

Модернизация комплексно затрагивает все сферы жизни горожан, их труд и досуг. В сравнении с сельским образом жизни в городах меняется как поведение, так и, самое главное, мышление людей – их ценности и установки. Это изменение ментально-культурных традиций происходит под воздействием не только городских условий труда, но и большого количества тех новых возможностей досуга, которые представляют культурные объекты городов (учебные центры, библиотеки, кинотеатры и т.д.). Реальная степень модернизации определяется в первую очередь именно распространением среди горожан качественно новых ценностей и установок. Именно они создают базу для формирования новых социальных институтов (партий, профсоюзов, землячеств и др.), характерных для общества модерна.

В докладе сначала будет дана характеристика того, как в постсоветской России развивалась городская культурная среда, насколько она дифференцирована по разным типам поселений. Затем на основе социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН будет прослежено настоящее состояние и динамика культурных ценностей и социальных установок горожан в 1990–2020-х гг. Наконец, в финале будет рассмотрено, в какой степени модернизационные культурные ценности ведут к становлению в российских городах новых практик социального участия. Эмпирической базой исследования стали в первую очередь данные всероссийского опроса, проведенного по репрезентативной выборке в марте 2021 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН.

Общие выводы о закономерностях современного состояния ментально-культурных характеристик жителей различных типов городов России формулируются следующим образом.

1. Различия в информационно-культурной инфраструктуре различных типов поселений были в основном сглажены (хотя и не полностью ликвидированы) еще в позднесоветскую эпоху. Как показывают статистические данные, между жителями разных типов поселений сейчас практически нет различий в доступе к литературе, минимальны различия в доступе к телевидению, а обеспечение доступа к интерне-

ту проблемно к началу 2020-х гг. в основном для сельских поселений. Отсутствие качественных различий между разными типами поселений в доступе к основным каналам постоянной трансляции информационно-культурных контентов сочетается с существенными различиями в спросе на них, что является фактором воспроизводства различий россиян, живущих в разных типах городов, по приверженности разным культурным ценностям.

2. В соответствии с теориями урбанизации и модернизации городское население в России несколько больше соответствует ценностям общества модерна, чем сельское, хотя различия не настолько велики, чтобы говорить о противостоянии ценностей города и села. У жителей обоих типов поселений в ценностной структуре наблюдается амбивалентность: некоторые ценности соответствуют нормам современного общества, другие имеют скорее традиционную окраску. Так, ориентация на свободу в противовес материальному благополучию, инициативность, предпочтение равенства возможностей и т.д. сочетаются с конформизмом, с уклоном в анархизм и эгоизм. В то же время зафиксированы определенные различия в зависимости от типа городского поселения. Парадоксально наиболее продвинутыми в модернизационном плане оказались жители не столиц, а городов с численностью населения 0,5–1,0 млн чел. Ценности же населения двух столиц оказались не настолько соответствующими нормам общества модерна, как это можно было бы предположить изначально.

3. Во многом неожиданной оказалась и диалектика традиционных и современных ценностей горожан России на длительном промежутке времени. За последнюю четверть века произошли заметные изменения в ценностях как горожан, так и сельчан, но нельзя говорить о наличии какого-то единого вектора развития. Некоторые ценности и установки действительно изменились в сторону большей модернизации, другие же, наоборот, снизили былой модернизационный потенциал. Суммарным вектором изменений стал некоторый откат ментально-культурных ценностей в сторону более традиционных смысловых нагрузок. На фоне общих тенденций снова выделяются жители городов численностью 0,5–1,0 млн чел., которые за последние 20 лет стали представлять культурный «авангард» не только горожан, но и россиян в целом. Одновременно очень сильно снизилась модернизированность ценностей и установок жителей столиц.

4. Изучение различий в социальной активности жителей разных типов городских поселений показало, что в начале 2020-х гг. в России наблюдается перевернутая U-образная корреляция между частотами социального участия горожан и масштабами городских поселений: социальный активизм чаще встречается у жителей городов с населением 0,51 млн чел., реже – у жителей двух столичных мегаполисов и городов с населением до 500 тыс. Отставание в частотах практик социального участия у жителей двух столиц, видимо, является устойчивым (оно наблюдалось как в 2021 г., так и в 2010 г.), в то время как «первенства» жителей городов среднего масштаба ранее не было.

В целом наблюдается существенная корреляция характеристик всех трех объектов анализа (материальной культурной инфраструктуры, культурных характеристик и культурно-обусловленных действий). Различия в культурных характеристиках и в частотах социального участия российских горожан действительно оказались не слишком высокими, что можно объяснить существенным нивелированием доступа к объектам материально-культурной инфраструктуры. В то же время, хотя эта

инфраструктура заведомо лучше развита в столичных мегаполисах, уо их жители последовательно демонстрируют, в сравнении с жителями городов меньшего масштаба, пониженную приверженность модернизационным характеристикам. Перевернутая U-образная модель различий между живущими в разных типах городских поселений прослеживается и в спросе на информационно-культурные контенты, и в приверженности культурно-модернизационным ценностям, и в распространенности разных видов социального участия. Если модернизационные преимущества городов с населением 0,5–1,0 млн (это в основном административные центры субъектов РФ) перед меньшими по численности городами и сельскими поселениями вполне ожидаемы, то пониженная модернизированность двух столиц является оригинальным российским феноменом, противоречащим общим закономерностям модернизации. Таким образом, следует сделать наиболее общий вывод о неоднозначном характере социокультурной модернизации в России начала XXI века.

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич (Россия, Москва) – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; latov@mail.ru).

Латова Наталия Валерьевна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; myshona@rambler.ru).

Latova N.V., Latov Yu.V.

MODERNIZATION OF MENTAL AND CULTURAL VALUES OF RUSSIANS AND URBANIZATION: INVERTED U-SHAPED DEPENDENCE

Abstract. *Based on the materials of all-Russian sociological surveys based on a representative sample, organized in the 2000–2020s. The Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences conducted an analysis of the modernization of the mental and cultural values of residents of different types of settlements. It is concluded that in Russia there is not a direct relationship between urbanization and modernization, but an inverted U-shaped relationship.*

Key words: *modernization, cultural values, urbanization.*

Information about the authors

Yury V. Latov (Russia, Moscow) – Dr. Sci. (Soc.), Chief Researcher of the Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky str., Moscow, 117218, Russia; latov@mail.ru).

Natalia V. Latova (Russia, Moscow) – Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher of the Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky str., Moscow, 117218, Russia; myshona@rambler.ru).

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ [РЕ]КОНФИГУРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)

Аннотация. В статье анализируются основные факторы, влияющие на трансформацию территориальной идентичности жителей субъектов РФ. Дается авторское определение феномена территориальной идентичности. Раскрываются условия, влияющие на формирование территориальной идентичности, как социально-экономического и социально-политического факторов.

Ключевые слова: территориальная идентичность, социальные границы, социальная мобилизация, этничность, регион РФ.

Важнейшим результатом политических, социальных и экономических преобразований в России последние двадцать лет явилось изменение трех взаимосвязанных характеристик современных обществ: институциональной структуры, социальной структуры и человеческого потенциала [1].

Социальная структура современного общества здесь представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, различающихся местом в общественном разделении труда, располагаемыми ресурсами, социальным статусом, а также ценностями, потребностями, интересами, стратегиями поведения, образом и стилем жизни. Социальная идентичность, как многогранная форма самопрезентации и (потенциальный) инструмент политического, социального, экономического и этнокультурного воздействия является маркером, определяющим структурную диспозицию личности или определенной группы в системе социальной иерархии.

Вокруг принципов и границ социальной стратификации идут научные и политические споры [2]. Применительно к этнокультурной идентичности они приобретают дополнительную остроту.

Важно отметить, что современная отечественная и западная научная литература отмечает серьезный дрейф доминирования от наднациональных и национальных идентичностей, в условиях глобализации, и сопутствующих ему глобальных кризисов (финансовых, политических) в сторону региональных идентичностей (примером может быть Каталония, Донбасс, Венесуэла). Ярким примером также может служить ситуация в Великобритании в связи с ее выходом из состава Евросоюза. Во всех потенциально рассматриваемых случаях общим является стремление к возврату и культивированию «собственных» национальных (местных) культур, стремление к суверенитету в принятии политических и социально-экономических решений [3, с. 161–202].

Анализ взаимосвязанной динамики трансформации этнической (этнотерриториальной) и гражданской идентичности, ее маркеров, позволяет вскрыть основные тренды ее формирования, факторы и механизмы воздействия на ее содержание. При этом мы исходим из того, что территориальная идентичность является неотъемлемой частью индивидуальной и социальной идентичности. Принадлежность (причастность) индивидов к географическому пространству выступает «своего рода интегратором и фактором общественной солидарности конгломерата групповых

принадлежностей (гражданской, политической, этнической, религиозной, профессиональной и т.д.)» [4].

В своей работе мы полагаем, что **территориальная идентичность** – это вид аскриптивной привязанности, основанной на регулярной интеллектуальной, психологической и эмоциональной практике соотнесения и последующей самоидентификации индивидом себя с определенной территорией, локальным сообществом, регионом, который характеризуется территориальной, историко-культурной, социальной нормативно-правовой и лингвистической особостью.

Основой для анализа стали материалы исследовательского проекта, направленного на описание динамики трансформации идентичности граждан на основе диахронного сравнения трендов в субъектах РФ, имеющих разный конституционный статус (Саратовская область, Республика Кабардино-Балкария). Исследование включало в себя проведение массового опроса по квотной репрезентативной выборке, проведение фокус-групп и экспертных интервью в каждом из субъектов.

Дрейф идентичности жителей рассматриваемых территорий под влиянием факторов от макро-, мезо- до микроуровня непрерывно влияет на реальные повседневные практики взаимодействия, на выстраивание экономических, политических и социокультурных отношений как внутри отдельных территорий (локальных сообществ), так и на геополитическом уровне. При этом проявляются некоторые условия, влияющие на формирование идентификационной матрицы.

1. Текущая (и потенциально-будущая) социально-политическая и социально-экономическая конъюнктура, которая определяет векторы развития и взаимодействия Центра и регионов.

Этот фрейм является одной из доминант, определяющих позиционирование регионов внутри страны (политика и экономика), и аскриптивные характеристики их жителей (социально-культурный аспект), таких как предписанная извне территориальная идентичность, имеющая общеразделяемые обществом скрытые коннотации – «кавказец», «чеченец», «чукча». При этом в дискурсивном пространстве подобная «маркировка», с одной стороны, это механизм очерчивания социальных границ, а с другой – инструмент внутригрупповой консолидации представителей территории.

2. Параметры, масштабы социально-экономического и этнокультурного неравенства, региональных диспропорций, воспринимаемые элитами и населением национальных республик РФ в контекстах отношений «центр – регион», и не менее чувствительных для административных субъектов (область, край). В этом контексте территориальная идентичность выступает не только политическим, экономическим, социально-культурным мобилизационным фактором, но и формирует систему особых притязаний на те, или иные ресурсы территории.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «С каким убеждением Вы больше согласитесь: «Землей, природными богатствами региона должны распоряжаться...», %

	КБР*	СО*
Только Республика Кабардино-Балкария / Саратовская область	21	31
Только Российская Федерация	1	3
Ими должны распоряжаться и регион, и Российская Федерация	32	34
Зависит от обстоятельств и типа ресурсов	37	26
Затрудняюсь ответить	10	5
* Здесь и далее по тексту обозначения: «СО» – Саратовская область, «КБР» – Республика Кабардино-Балкария.		

Так, на вопрос о том, кто должен распоряжаться ресурсами территории 31% жителей СО заявили, что это исключительное право жителей региона, и 21% жителей КБР также уверены, что распоряжаться ресурсами Республики – это право только жителей своего региона.

Соответственно, передачу полного права на управление ресурсами территорий федеральному центру разделяют лишь 1% респондентов КБР и 3% респондентов из СО. Налицо нежелание жителей регионов отдавать полную власть над ресурсами федеральному центру и, по сути, в контексте данного вопроса, можно констатировать это как одну из форм «экономического сепаратизма»¹.

Однако, как показал анализ, практически эта же когорта участвующих в исследовании отметила, что это «зависит от обстоятельств и типа ресурсов...», что вполне соответствует существующим условиям федерального распределения полномочий и ресурсов в соответствии с Конституцией РФ. В частности, данную точку зрения, поддерживают 37% респондентов из КБР и 26% респондентов из СО.

Территориальная идентичность является не только проекцией социально-культурных отношений в дихотомии «свой – чужой», но и инструментом артикуляции исторически сложившихся территориально-экономических требований на исключительное право пользования ресурсами конкретной территории².

3. «Доминирующая культура этнического большинства и культура этнического меньшинства» и связанные с ними вопросы лингвистического, правового и иного доминирования. Как следствие, это специфические компенсаторные идентификационные процессы, как ответ на трансформацию текущей (действующей) идентичности – актуализация исторического прошлого и этнических/религиозных форм социальной солидарности у этнокультурных сообществ (меньшинств).

Значимость этнической самоидентификации и как социального критерия, и как маркера социальной, повседневной практики в современном российском сообществе, остается весьма высокой. Так, при анализе роли национальности в выстраивании ряда социальных стратегий было выявлено, что в КБР национальность играет существенную роль при трудоустройстве (49%), доступе к властным ресурсам (62%). Для жителей Саратовской области вопросы учета роли и значимости национальности в доступе к властным ресурсам или при трудоустройстве играют гораздо меньшую роль, за исключением возможности открытия собственного дела (34% – СО, 19% – КБР).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, влияет ли национальность человека в Вашем регионе на его возможности?», %

	Да, влияет		Нет, не влияет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Устроится на самую лучшую работу	4	39	36	47	14	14
Занять высокий пост в органах власти	62	30	27	44	12	18
Открыть свое дело	19	34	68	50	13	17

В рамках проекта, для оценки уровня межэтнического взаимодействия и описания социальной дистанции между «своими и не-своими» были очерчены основные факторы формирования социальных границ и приемлемости тех или иных форм этнокультурных различий.

¹ Регионы закрывают границы // Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/12>

² Как и в случае с правами коренных малочисленных народов Севера на добычу пушнины, китов и морепродуктов.

Результаты опроса показали, что в публично-артикулируемом социальном пространстве (в диапазоне от «гражданина РФ» до «соседа по дому»), где формируются основные социально одобряемые фреймы взаимодействия, нет значительных различий взглядов между жителями КБР и СО. Данная социальная зона характеризуется, с одной стороны, системой воспроизводства отношений «воображаемого сообщества» [5], формируемая государственными и региональными социально-политическими и социокультурными индоктринационными практиками, а с другой, потребностью/необходимостью в публичной демонстрации необходимого уровня толерантности.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять человека другой национальности как ...?», %

	Согласен		Не согласен		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Гражданина России	93	83	2	10	1	7
Жителя региона	93	84	2	10	5	7
Коллеги, партнера по работе	90	78	3	12	6	10
Непосредственного начальника	82	62	4	21	6	17
Соседа по дому	89	77	3	14	8	9
Близкого друга	85	66	3	16	11	17
Супруга Вашей дочери / супругу Вашего сына	54	37	21	42	25	21
Вашего супруга/супругу	52	37	22	42	25	24

Однако, как только социальная дистанция начинает уменьшаться (от «готов принять как близкого друга» до «Вашего супруга/супругу»), становятся все более выпуклыми и рельефными социальные границы и практики дистанцирования.

При этом значимость включенности «иного» в артикулируемую территориальную идентичность («Как жителя региона...») остается на высоком уровне. Это часто определяет как повседневные практики внутригрупповых взаимоотношений, так и описывает мобилизационный функционал сообщества.

4. Необходимо учитывать историческую инерцию идентификационной матрицы, сформировавшейся в советский период, включая институционализацию этничности (через паспорта СССР, учебники, использование публичной терминологии). Эта инерция до настоящего времени оказывает существенное влияние на процессы этнокультурных отношений, построение «этнонациональной иерархии», как правило, на основе Переписи населения (кто «больше» – тот и главный). Соответственно этому действуют механизмы формирования политики идентичности регионов элитами с уже сформированными средствами трансляции идей (СМИ, ТВ, социальные сети и т.д.) в этно-национальной парадигме.

Таким образом, одна из ролей территориальной идентичности, как феномена, в том, что она является одним из основных видов социального капитала жителей регионов, выполняя как мобилизационные (политические, экономические), так и социально-культурные презентационные функции локально-территориального сообщества.

При этом территориальная идентичность — это не только некая социальная константа. Она также обладает свойствами межпоколенческой редукации, воспроизводства, видоизменения, инструментами которых являются, по-прежнему, семья и система образования, формирующие первичный социальный капитал каждого че-

ловека. В современных условиях сюда с уверенностью можно включить и масс-медиа, и социальные сети (интернет), способствующие как сохранению, воспроизводству, так и модификации территориальной идентичности.

Библиографический список

1. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир, 2016.
2. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсева М.А. [и др.]. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 36–39.
3. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С. 161–202.
4. Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле, 2016.

Информация об авторе

Мокин Константин Сергеевич (Россия, Москва) – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФСНИЦ РАН (Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; mokin_konstantin@list.ru).

Mokin K.S.

TERRITORIAL IDENTITY: FORMS AND MECHANISMS OF [RE] CONFIGURATION (COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SARATOV REGION AND THE REPUBLIC OF KABARDINO-BALKARIA)

Abstract. *The paper analyzes the main factors affecting the transformation of the territorial identity of the inhabitants of the subjects of the Russian Federation. The author's definition of the phenomenon of territorial identity is given. The conditions affecting the formation of territorial identity as a socio-economic and socio-political factor are revealed.*

Key words: *territorial identity, social boundaries, social mobilization, ethnicity, the region of the Russian Federation.*

Information about the author

Konstantin S. Mokin (Russia, Moscow) – DSc in Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovskogo st., Moscow, Russia; mokin_konstantin@list.ru).

References

1. Russian society and challenges of the time. Book four. Ed. M.K. Gorshkov [et al.]; ed. by Gorshkov M.K.; Petukhov V.V. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2016.
2. Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseva M.A. [et al.]. The Substantial Basis of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts. Moscow: FNISTC RAS, 2021. Pp. 36–39.

3. Political Atlas of Modernity: Experience of Multidimensional Statistical Analysis of political systems of modern states. Moscow: Izdatelstvo «MGIMO-Universitet», 2007. Pp. 161–202.
4. Mihajlov V., Runge J. Identification of individual. Territorial communities and social space: an attempt of conceptualization. Sociological Research, 2019, 1, 52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4
5. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016.

ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ОСНОВА СОЛИДАРНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются особенности развития просоциальных практик, способствующих формированию социальной солидарности. В работе приводятся идеи авторов, изучающих способы социальной активизации граждан, а также результаты собственного эмпирического исследования, помогающего выявить основные формы социальных коммуникаций.

Ключевые слова: солидарность, просоциальное поведение, сообщества, групповая идентичность, консолидация.

В современных условиях вопросы социальной солидарности становятся актуальной задачей, требующей не только теоретического анализа, но и практической реализации. Просоциальные практики становятся механизмом социальной солидарности, который позволяет формировать и развивать социальную структуру общественного воспроизводства.

Просоциальные практики позволяют активизировать и соединить в единый акт социального действия (Т. Парсонс) личные желания и социальные запросы, что воплощается в работе добровольческого и волонтерского движений, социальной активности и выражении гражданской позиции, самоорганизации и личного развития целых социальных групп. Это приводит к формированию социальной солидарности сообществ, конструирования их социальной идентичности и перспектив общественного воспроизводства в новых условиях социального взаимодействия.

В работах современных исследователей отражаются вопросы принятия иррациональных решений, влияющих на проактивное поведение и просоциальные практики (Ардашев [1–3]), гражданскую позицию и активность (Иванов [4], Трескин [5; 6]), умение влиять на осознанность молодежи и ее вовлеченность в работу социальных институтов (Журавлева [7], Малых [8]) и т.д.

В нашем исследовании приняли участие 860 участников просоциальных акций, реализованных в 2022 году в Иркутской области. Из них 55% девушки и 45% юноши в возрасте от 18 до 35 лет, учащиеся или работающие в разных секторах экономики.

Наши респонденты участвовали в просоциальных практиках, направленных на экологические вопросы (26,6%), вопросы защиты прав человека и гражданина (25,8%), вопросы профилактики наркомании и алкоголизма (17,6%), вопросы социальной адаптации после жестокого обращения в семье (15,5%), защита бездомных животных (14,5%) и т.д.

Они выделили, что их участие в просоциальных практиках привело их к социальной сплоченности коллектива (39,7%), появлению новых друзей (27,5%), новых социальных связей (32,8%), что по их оценкам, станет хорошей основой социального капитала в будущем. Иными словами, просоциальные практики укрепляют различные формы социальной солидарности и позволяют выстраивать в будущем более устойчивую и динамичную карьеру. Новая солидарность в сообществе привела к развитию социальной идентичности (на уровне свой-чужой) – 44,8% и стратегий социальных коммуникаций – 55,2%.

Более того, просоциальные практики активизируют личный потенциал социальных активистов, позволяет раскрыть их таланты и выделить их толпы как наиболее

коммуникативных, активных и думающих людей. В социальном контексте просоциальные практики выступают рычагами социального продавливания активных коммуникаций и форм социального моделирования общественного воспроизводства.

На основании этого мы можем говорить о том, что социальную сплоченность в сообществах определяет развитость или ее отсутствие просоциальных практики. Причем участие в последних должно быть последним и способствовать социальному диалогу и межкультурному взаимодействию.

Библиографический список

1. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
4. Иванов Р.В. Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // Социология. 2022. № 1. С. 101–122.
5. Трескин П.А. Социально-психологические условия формирования мотивации сотрудников общественных организаций // Философия здоровья: интегральный подход: межвузовский сб. науч. трудов. Иркутск, 2021. С. 74–78.
6. Трескин П.А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы: мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 317–322.
7. Журавлева И.А. Университет в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. трудов / науч. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 145–146.
8. Малых С.В. Партнерство университета и НКО // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 69–73.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; okwook@mail.ru).

Polyushkevich O.A.

PRO-SOCIAL PRACTICES AS THE BASIS OF SOLIDARITY

Abstract. *The article analyzes the features of the development of pro-social practices that contribute to the formation of social solidarity. The paper presents both the ideas of the authors studying the ways of social activation of citizens, as well as the results of their own empirical research, which helps to identify the main forms of social communications.*

Key words: *solidarity, prosocial behavior, communities, group identity, consolidation.*

Information about the author

Oksana A. Polyushkevich (Russia, Irkutsk) – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (1, st. Karl Marx, Irkutsk, 664003, Russia; okwook@mail.ru).

References

1. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness. *Sociology*, 2021, 3, 53–61.
2. Ardashev R.G. Features of consciousness of Russians: strategies of perception of the future. *Sociology*, 2021, 2, 60–67.
3. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness. *Humanitarian vector*, 2020, 15 (20), 76–84.
4. Ivanov R.V. Activation of youth participation in volunteer activities. *Sociology*, 2022, 1, 101–122.
5. Treskin P.A. Socio-psychological conditions for the formation of motivation of employees of public organizations. *Philosophy of health: an integral approach. Inter-university collection of scientific papers. Irkutsk*, 2022, 74–78.
6. Treskin P.A. Factors of the organization of intersectoral interaction of non-profit organizations. *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*, 2020, 317–322.
7. Zhuravleva I.A. University in the urban environment. *Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk*, 2021, 145–146.
8. Malykh S.V. Partnership of the university and NGOs. *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk*, 2022, 69–73.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКУ

Аннотация. *Статья посвящена методологии отношения к языку на пути формирования единства нации. Формирование языкового единства – путь к единству народа. Позиция автора основывается на онтологии языка в рамках герменевтической и экзистенциалистской позиции. Указывается на статус и роль языка в формировании социально значимых характеристик личности. Родной язык, языки искусства должны быть в основе образования.*

Ключевые слова: *язык, образование, единство, языковая личность, языковая культура.*

Развитие отечественной системы высшего образования по многоуровневому пути, заимствованному на Западе, переход на систему бакалавриата и магистратуры на некоторое время отодвинули на задний план вечный педагогический спор о приоритете фундаментального или прикладного знания, классического и реального образования. Все стало сводиться к «оптимизации» – попытке сделать образование более дешевым в его материально-техническом содержании. А общий мировоззренческий контекст эпохи, обозначаемый философами как постмодерн (или уже даже постпостмодерн), поддерживаемый специфической социальной динамикой собственно постсоветского пространства, стал приводить к ценностной нейтральности, толерантности ко всему, разобщенности. Всякая почва для народного единства стала исчезать. Система образования стала определять воспитательную функцию как второстепенную, не актуальную в эпоху гражданской и идеологической свободы, «атомизации» общества, в период определения образования как образовательной услуги. Такой тренд задало государственное регулирование. Частично он был поддержан педагогическим сообществом в условиях обнищания, жуткой загруженности, забюрократизированности. У педагогов иногда просто «не доходили руки» до активных воспитательных действий. При этом профессиональное педагогическое сообщество всегда видело значимость воспитания и полагало, что процессы воспитания и обучения неотделимы друг от друга и являются по сути единым процессом, формирующим нацию. Практика показала, что и общество, и государство (хотя и по очень разным причинам) на постсоветском пространстве все же весьма нуждаются в ценностной определенности, в почве для единства. Менталитет народов, населявших бывший Советский Союз, а до того Российскую империю, оказывается, потребовал тоже мировоззренческой определенности, внятной языковой идентичности. Значимость разрешения спора о приоритете фундаментального или прикладного в образовании оказывается не исчезла. Классическое образование – языковое образование. Язык представляет один из фундаментов этого образования.

В связи с этим возникает проблема методологии отношения к языку как участвующему в формировании единства народа.

Рассмотрение языка как явления, имеющего объединительный потенциал, целесообразно рассматривать как феномен, обладающий онтологическим статусом, как вместилище смысла и как базовую ценность народа. Для этого адекватной будет методология герменевтики, полагающей мир, все в нем в качестве текста, а человека как постоянно читающего (воспринимающего) и понимающего текст. Статус языка

при таком подходе однозначно онтологический. Раскрывая универсальный аспект герменевтики, Х.-Г. Гадамер писал: «Бытие, которое может быть понято, есть язык... Это значит: оно таково, что оно само, из себя самого, представляет себя пониманию... Обретение языка не значит: обретение некоего второго бытия» [1, с. 548–549]. Понимание в концепте герменевтики – каждый раз заново-понимание. В связи с этим методологически верным будет постоянно возобновляющееся обращение к языку в процессе как обучения, так и в процессе переподготовки (обучения взрослых). Как произведение искусства в концепте герменевтики каждый раз заново-произведение, когда его воспринимает зритель, так и педагогическая герменевтика полагает, что личность понимающего – каждый раз заново-личность, вновь и вновь обретающая языковую идентичность. Процесс понимания становится процессом бытия человека. Осмысленное, подготовленное, интерпретирующее обращение к тексту – то, что составляет бытие обретающего языковую идентичность, следовательно – цель образования, формирующего единство нации. Цель в рамках такого подхода не столько утилитарная – повышение знаний в области языка, литературы, языкознания, – сколько социальная – языковое единство народа.

Уместна и методология экзистенциализма. Она, в сущности, едина с герменевтической позицией. Эти позиции близки в том, что М. Хайдеггер называет язык домом экзистирующего существа человека. «... Язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа» [2, с. 218]. Еще В. фон Гумбольдт полагал недопустимость замкнутости лингвистики и считал важным совместное изучение языка и культуры, что на наш взгляд тоже является методологической установкой для образования, формирующего единство нации. И.И. Туранский писал: «Речь идет о лингвокультурологической функции языка, функции межличностного общения... В одной из последних работ В.И. Шаховского, посвященной вопросам сближения культур и межнациональной коммуникации, утверждается, что факт существования универсальных культурных концептов человечества не вызывает сомнений и должен быть признан как таковой. Культурные концепты, согласно Вежбицкой, – это алфавит ментальных атомов, или семантических примитивов, обеспечивающих межъязыковую коммуникацию» [3, с. 331].

Это означает повышение актуальности классического образования – образования, основанного не на узкой специализации. Классическое образование ориентируется общечеловеческие ценности (не профессиональные) и на традиции нации. Классическое образование опирается на классические источники, тексты, классическую литературу, живопись, музыку. Читать классику и говорить о ней – прием давно апробированный, эффективный и, увы, на него нет вечно времени в учебном процессе. Люди и образование размениваются на мелочи, поверхностны, не обращены к главному. Для преодоления этого нужна воля. Для формирования единства нации нужна не только политическая воля, но и педагогическая воля, соответствующим образом выстраивающая педагогический процесс, объединяющий народ.

Родной язык, языки искусства и языки науки в результате должны быть в основе подготовки учащегося и в основе его предстоящей переподготовки. Владение этими языками, способность слушать людей, общество, традицию, искусство, науку, строить свою соответствующую речь в разных ситуациях, способность извлекать смысл из текста – основа единства людей, говорящих на одном языке. Сформированная языковая личность – актуальная текущая задача для решения задач по единению народа. При возможности система образования должна сориентировать на замену

иноязычного заимствования на отечественный аналог по смыслу. Через изучение языка должен формироваться патриотизм. Язык – базовый элемент, определяющий национальную идентичность.

Библиографический список

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. Москва: Республика, 1993. 447 с.
3. Туранский И.И. Языковая личность: тезаурус или культура речи как составляющая культуры нации (к уточнению понятия «языковая личность») // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 330–335.

Информация об авторе

Сулима Игорь Иванович (Россия, Нижний Новгород) – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1; sulima.i.i@mail.ru).

Sulima I.I.

WAYS OF FORMING LINGUISTIC UNITY: METHODOLOGY OF ATTITUDE TO LANGUAGE

Abstract. *The article is devoted to the methodology of attitude to language on the way of forming the unity of the nation. The formation of linguistic unity is the way to the unity of the people. The author's position is based on the ontology of language within the framework of the hermeneutical and existentialist position. The status and role of language in the formation of socially significant personality characteristics are indicated. The native language, the languages of art should be at the heart of education.*

Key words: *language, education, unity, linguistic personality, linguistic culture.*

Information about the author

Igor I. Sulima (Russia, Nizhny Novgorod) – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Theology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Kozma Minina (1, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., Russia, e-mail: sulima.i.i@mail.ru).

References

1. Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics: Trans. from German. General ed. and the introductory article by B.N. Bessonova. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
2. Heidegger M. Time and being: Articles and speeches: Translated from German Moscow: Republic, 1993. 447 p.
3. Turansky I.I. Linguistic personality: thesaurus or culture of speech as a component of the culture of the nation (to clarify the concept of «linguistic personality»). Legal technique, 2009, 3, 330–335.

РОЛЬ КОРРУПЦИИ В ДЕКОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются процессы деконсолидации общества под влиянием коррупции. Анализируются особенности и условия социального воспроизводства под влиянием коррупционного поведения. Приводятся результаты авторского исследования разрушения функционирования социальных институтов под влиянием коррупции.

Ключевые слова: деконсолидация, солидарность, коррупция, разрушение институтов, социальное воспроизводство.

Коррупция как социальное явление существует тысячи лет. В разные времена борьба с ней велась жесткими (смертная казнь) и гибкими (штрафы, лишение должности) способами. Но искоренить ее полностью не удалось ни в одном государстве. Коррупция является дезинтегрирующим началом общественного развития.

Усиление коррупции показывает неэффективность работы законов и недостаток обеспечения тех, кто контролирует и гарантирует исполнение этих законов. Это своего рода критерий социального развития, который происходит под влиянием общественного развития и социальной адаптации населения к этим переменам. Более того, коррупция – это условие начала перемен, которые необходимы в эшелонах власти, бизнеса и других социальных институтов.

В литературе имеется несколько аспектов, изучающих коррупцию как процесс воздействия на общественную динамику. В работах Р.Г. Ардашева прослеживается иррациональность общественного мнения в сфере правого сознания [1; 2] или взаимодействия с представителями органов власти, что способствует развитию коррупции [3]. В исследовании И.М. Силивеева прослеживается также влияние роли масс-медиа в формировании представлений о коррупции и антикоррупционной культуре среди разных поколений [4]. В подходе Р.В. Иванова говорится о стратегиях противодействия коррупции [5]. В работе О.А. Полюшкевич и коллег [6] рассматриваются этические основы борьбы с коррупцией и формы ее проявления на обыденном уровне [7]. В работе В.А. Скуденкова прослеживается влияние экономического кризиса на готовность населения нарушать закон [8].

Данные работы стали основой для проведения нашего качественного исследования. В нем приняли участие 18 экспертов, являющихся лидерами экспертных сообществ различных социальных институтов (бизнес, власть, НКО, СМИ, образование, наука). В роли ведущих экспертов или руководителей они выступают от 5 до 30 лет. Их возраст составил 30–65 лет. Из них 10 мужчин и 8 женщин. Все имеют высшее образование, каждый второй два высших и каждый третий ученую степень.

Эксперты выделили несколько факторов, способствующих развитию коррупции, что приводит к разобщению и дезинтеграции различных социальных групп.

1. Противоречие (несоответствие) законов реалиям времени. *Чтобы не было коррупции стоит привести всю законодательную базу в единое соответствие, чтобы не было противоречий между законами и подзаконными актами, дающими возможность трактовать Закон двояко.* (И.Ю., правозащитник, 55 лет).

2. Отсутствие открытости принятия решений представителями разных сообществ, способных активизировать коррупционное поведение. *Многие вопросы ре-*

шаются кулуарно, поэтому говорить об открытости и гласности можно лишь на словах. И это способствует развитию коррупционного мышления, позволяющего в обход принятых легальных норм – решать необходимые вопросы. (С.В., журналист, 40 лет).

3. Информационные перекосы (обсуждение в СМИ и сети Интернет только заказных коррупционных скандалов, а не реальной рутины антикоррупционной деятельности). Гласность и открытость обсуждения не только громких скандалов, но и обычной рутинной жизни антикоррупционных отделов поможет усилить контроль и значимость соблюдения норм закона, а не активизировать способы обхода его. (А.В., преподаватель вуза, 35 лет).

4. Незрелость правовой культуры (в т.ч. антикоррупционной культуры) как среди населения, так и среди представителей власти, бизнеса, СМИ, НКО, образования и т.д. Не знание закона, не освобождает от ответственности. То же верно и для коррупционной деятельности. Чтобы противостоять коррупции необходимо знать о способах противодействия, информационных каналах фиксации коррупционных действий, формирования привычки жить по закону, а не по желанию его обойти. (А.А., юрист, 40 лет).

5. Общий уровень тревожности и неудовлетворенности социальным развитием и своим местом в общественной структуре. Неготовность принимать то, что есть и желание получить что-то большее, но не прикладывая усилий – указывает формирует внутреннюю установку на поиск быстрых решений, где коррупция выступает одним из этих быстрых способов. Стабилизировав социальные настроения, уменьшив уровень тревожности и неудовлетворенности своим жизненным статусом – поводов для коррупции станет меньше. (Г.Ю., руководитель бизнеса, 66 лет).

6. Общественные трансформации (переходный период разрушения старой системы и не сформированность новых правил и принципов функционирования общественного диалога). Социальные перемены всегда несут новый опыт и задают принципиально новые условия для социальной организации общественного развития. Переходный период сам по себе является поводом для развития коррупции, когда система стабилизируется – механизмы противодействия коррупции станут более эффективными. (А.А., руководитель НКО, 33 года).

Таким образом, выделенные экспертами факторы способствуют разобщению социальных сообществ, нивелируют процессы консолидации и усиливают дезинтеграцию между социальными институтами и отдельными людьми. Коррупция становится механизмом разрушения социального порядка. Поэтому, механизмы борьбы с ней, помогут сохранить систему социального воспроизводства и регулировать уровень социального напряжения.

Библиографический список

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 58–64.

4. Силивеев И.М. Оценка влияния роли масс-медиа в формировании представлений о коррупции и антикоррупционной культуре среди различных поколений // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество: сб. статей / под ред. А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 114–119.
5. Иванов Р.В. Противодействие коррупции: стратегии и модели на муниципальном уровне // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество: сб. статей / под ред. А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 106–110.
6. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Иркутск, ИГУ, 2019. 192 с.
7. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: подарки в современном мире // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 119–126.
8. Скуденков В.А. Влияние экономического кризиса на готовность населения нарушать закон // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 104–108.

Информация об авторе

Туркова Валентина Николаевна (Россия, Иркутск) – старший преподаватель кафедры юриспруденции, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83; e-mail: v_turkova87@mail.ru).

Turkova V.N.

THE ROLE OF CORRUPTION IN THE DECONSOLIDATION OF SOCIETY

Abstract. *The article deals with the processes of deconsolidation of society under the influence of corruption. The features and conditions of social reproduction under the influence of corrupt behavior are analyzed. The results of the author's study of the destruction of the functioning of social institutions under the influence of corruption are presented.*

Key words: *deconsolidation, solidarity, corruption, destruction of institutions, social reproduction.*

Information about the author

Valentina N. Turkova (Russia, Irkutsk) – Senior Lecturer, Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University (83, Lermontova, Irkutsk, 664074, Russia; v_turkova87@mail.ru).

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public opinion: fears of interaction with government representatives. The mission of the confessions, 2020, 9, 3 (44), 340–344.
2. Ardashev R.G. Irrational space of legal representations of Russians. The mission of the confessions, 2020, 9, 2 (43), 255–258.
3. Ardashev R.G. Irrationality of legal consciousness of Russians. Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II AllRussian Scientific and Practical

- Conference. FGBOU VO «IGU»; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020, 58–64.
4. Siliveev I.M. Evaluation of the influence of the role of mass media in the formation of ideas about corruption and anti-corruption culture among different generations. Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society. Collection of articles. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg. 2020, 114–119.
 5. Ivanov R.V. Anti-corruption: strategies and models at the municipal level. Anti-corruption culture and youth in Russia and China: Modern state, business, society. Collection of articles. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg. 2020, 106–110.
 6. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V. Ethical foundations of anti-corruption. Study guide. Irkutsk, IGU, 2019. 192 p.
 7. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior: gifts in the modern world. The problem of the correlation of natural and social in society and man, 2021, 12, 119–126.
 8. Skudenkov V.A. The impact of the economic crisis on the willingness of the population to break the law. Social institutions in the legal dimension: Theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO «IGU»; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin, 2020, 104–108.

СЕКЦИЯ № 4

Молодежь в условиях современных вызовов

«ОБРАЗ БУДУЩЕГО» В ВОСПРИЯТИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТЬ КОНСОЛИДАЦИИ¹

Аннотация. *Представлены результаты исследования сельских территорий Тюменской области. Авторы ставят целью рассмотреть образ будущего глазами сельской молодежи как условие консолидации общества. Рассмотрены проблемы современного села, обусловленные общемировыми и внутрисоссийскими тенденциями. Выделены фрагменты «образа будущего».*

Ключевые слова: *Консолидация, социокультурный портрет, образ будущего, сельские территории, сельская молодежь.*

Образ будущего выступает как обязательное условие консолидации общества, поскольку без общего видения нет будущего. Изучать образ будущего в восприятии молодежи особенно важно, поскольку именно им в этом будущем жить. Представления о будущем жителей периферии изучены настолько слабо, что даже сама постановка вопроса может подразумевать принципиально разную интерпретацию. В научной литературе существует существенный раскол в понимании того, что думают и чего ожидают от будущего (и думают ли вообще о будущем) молодые жители сельской периферии. С одной стороны – можно найти пасторальные описание «сельской жизни», «традиционного быта», «крестьян, которые сохранили традиционные ценности». С другой стороны, можно встретить мнение о том, как все плохо и пессимистично в сельских поселениях, почему оттуда уехали все «пассионарии», или самые активные представители социума. Возможно, как всегда, истина где-то посередине. Но есть ли эта середина в реальности? Даже на это вопрос ответить не так просто, как это покажется на первый взгляд.

Мы представляем результаты социологического исследования жителей сельских территорий Тюменской области, которые были проведены в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий». Сохраняя традиции полевой сельской социологии, исследовательской группой собрано 152 экспертных и глубинных интервью, фото и видео информация, на территории 14 районов Тюменской области (лето 2020 г.). Для выявления образа будущего сельских поселений сформирована подвыборка из 59 интервью. Проведение глубинных интервью в режиме «лицом-к лицу» позволило выявить жизненный опыт информанта, его отношение к современному состоянию села/деревни и перспектив развития территории. Получена экспертная оценка институциональной динамики АПК, выявлены основные проблемы сельских территорий и перспективы их развития, в том числе восприятие «образа будущего» сельской молодежью.

На втором этапе реализации исследовательского проекта (2021 год) организовано и проведено 9 фокус-групп с выездом в районы Тюменской области. Их выбор определен географическим положением («север-центр-юг») и территориальной удаленностью от центра и малых городов региона. Участники фокус-групп – молодежь до 35 лет, постоянно проживающие в сельских поселениях, среди них выделяем две группы – обучающиеся и работающие молодые люди.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

В инструментарий были включены оригинальные сюжеты и часть вопросов методики «Социокультурные портреты регионов России» ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [1]. Представленные результаты дополняют итоги региональных исследований [2–4].

Выявленные проблемы современного села обусловлены общемировыми и внутрироссийскими тенденциями. Общемировые тенденции: снижение доли сельского населения в общей численности; размывание типического образа сельского жителя (по типу проживания и деятельности); повышение роли миграции, рост социального напряжения. Формируются локальности, где фактически проживают мигранты. Внутрироссийские тенденции очевидны: опустошение территорий, проблема контроля (особенно приграничные и периферийные); фермеры привозят работников из других территорий; деградация человеческого капитала. Молодежь не видит будущего, уезжает; рост напряжения по оси «центр – периферия». Не все периферийные зоны, а локально. Например ТО, она удалена от центра страны, на юге граничит с Казахстаном, ее сельские поселения удалены от центра региона, который является единственным крупным городом.

Образа будущего как единой модели нет. Высказывания информантов относительно будущего фрагментарны, субъективны, ситуативны. Но аккумулируя и обрабатывая представления разных людей, мы получаем обобщенный нарратив как коллективный рассказ сельских жителей, коллективное представление о своем будущем и будущем своего поселения. Из позиций, оценок, суждений мы собираем единое целое.

В результате анализа данных выделены несколько фрагментов «образа будущего»: экономическая активность; социальная активность; межпоколенческий переход; территориальная идентичность; социокультурная идентичность; молодежная тематика.

Полученный в ходе работы конструкт показывает образ будущего в глазах сельской молодежи. Выявлены отличия в оценках и предпочтениях сельской молодежи от тех, что характерны для жителей сел в целом. А также может использоваться для совершенствования социальной политики и разработки дополнительных механизмов поддержки молодых селян, закрепления их для жизни на селе в целях консолидации общества.

Библиографический список

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: мат-лы конф. «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. Москва: ИФРАН, 2006.
2. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: кол. монография / Е.В. Андрианова [и др.]. Тюмень, 2015.
3. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В.А. Давыденко [и др.] // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129
4. Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности / Е.В. Андрианова [и др.] // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 2. С. 12–46. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

Информация об авторах

Андрианова Елена Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e.v.andrianova@utmn.ru); старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Россия, 625002, г. Тюмень, ул. Свердлова, д. 5).

Худякова Марина Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; m.v.khudyakova@utmn.ru).

Andrianova E.V., Khudyakova M.V.

«THE IMAGE OF THE FUTURE» IN THE PERCEPTION OF RURAL YOUTH: POSSIBILITY OF CONSOLIDATION

Abstract. *The results of the study of rural areas of the Tyumen region are presented. The authors aim to consider the image of the future through the eyes of rural youth as a condition for the consolidation of society. The problems of the modern village caused by global and domestic trends are considered. Fragments of the «image of the future» are highlighted.*

Key words: *Consolidation, sociocultural portrait, image of the future, rural areas, rural youth.*

Information about the authors

Elena V. Andrianova (Russia, Tyumen) – Cand. Sci. (Soc.), Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (e.v.andrianova@utmn.ru).

Marina V. Khudyakova (Russia, Tyumen) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (m.v.khudyakova@utmn.ru).

References

1. Socio-cultural portrait of the region. A typical program and methodology. Materials of the conference «Socio-cultural map of Russia and prospects for the development of Russian regions». Edited by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: IFRAN, 2006.
2. Socio-cultural dynamics – Portrait of the Tyumen region. Andrianova E.V. et al.; collective monograph. Tyumen, 2015.
3. Davydenko V.A., Andrianova E.V., Khudyakova M.V. Modern world contexts of rural sociology in the realities of Russian rural life. Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies, 2020, 6, 3 (23), 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129
4. Andrianova E.V., Davydenko V.A., Romashkina G.F. The industrial growth trajectory of the Tyumen region in the context of the history of its socio-economic rootedness. Siberian Society, 2017, 1 (20), 12–46. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-12-46

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривались открытые вопросы, ассоциации, которые вызывает у молодежной аудитории слово «родина». Авторы отмечают, что в первую очередь, образ родины ассоциируется у студенческой молодежи с малой родиной, с понятиями «мой дом», «мой город», «моя семья».

Ключевые слова: образ родины, патриотическое воспитание, ценностно-ориентировочные установки молодежи.

Образ родины является важнейшим фактором патриотического воспитания молодежи, источником культурных и исторических ценностей [1, с. 13]. Отношение молодого человека к родине выступает маркером его морально-нравственных качеств и ценностной ориентации [4, с. 206]. Особенно важно это в период, когда на нашу страну оказывается беспрецедентное давление со стороны стран Запада, в условиях острого информационного противостояния.

С целью выяснить, каким образом понимает студенческая молодежь понятие «родина», исследовательской группой под руководством доктора социологических наук, профессора кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Каргаполовой было проведено инициативное социологическое исследование «Наша духовность». Основным методом эмпирического исследования выступило онлайн-анкетирование. Реализация исследования происходила с сентября – октября 2021 года по март – апрель 2022 года (N=1850). Выборка целевая, квотная. Методами обработки информации выступали типологизация открытых вопросов и линейное распределение.

Респондентов, студентов высших учебных заведений города Москвы, спрашивали об ассоциациях, которые связаны у них с понятием «родина». В ходе исследования было получено 4276 слов-ответов. В ходе обработки полученных данных все ответы были классифицированы по группам, которые были составлены на основе синонимичности или родственности понятий. В результате было выделено восемь групп: *природа* («березы», «лес», «горы»); *духовные качества* («любовь», «честь», «душа», «вера», «гордость»); *«близкое сердцу»* («сердце», «детство», «спокойствие», «свобода», «родная» и «родное», «воспоминания»); *власть/социальные институты; место/территория; семья; люди; культурное/историческое наследие.*

Распределяя группы в порядке убывания частоты упоминания ответов, были получены следующие результаты. Наибольшее количество ответов дала группа «место/территория» – 39,9%, из которых наиболее часто встречались слова «дом» – 36,8% упоминаний, и «Россия» – 17%. То есть понятие «Родина» ассоциируется у большинства молодых людей, прежде всего, с малой родиной, с местом, где они выросли и живут, а также со страной в целом.

Второй по количеству ответов оказалась группа «Культурное/историческое наследие», в которую вошли 12,7% ответов респондентов. Из них приоритетными для респондентов оказались слова «отечество» (28,3% упоминаний) и «патриотизм» (26,8%). Для студенческой молодежи важными оказались ценности исторической памяти и любви к своему отечеству.

Практически такой же по значимости стала для студенческой молодежи и группа «семья» – 12,4%. Ассоциациями, которые встречались чаще всего, оказались понятия «семья» (44%) и «мать» (32%). Таким образом, семья, родители, корни символизируют понятие «родина» для значительного числа респондентов. Семейные ценности остаются актуальными вне зависимости от каких-либо политических или экономических событий в стране – именно это и характеризует эксклюзивность России, наш менталитет [2, с. 132].

Четвертой группой стала группа «близкое сердцу». 11,2% респондентов дали подобные слова-ассоциации, среди которых наиболее популярными оказались «родная» (48%) и «родной» (44%). Возможно, это связано с тем, что те представители молодежи, которые дали эти ответы, считают, что все слова с корнем «род», являются максимально ясными и подходящими для описания всей совокупности понятий, связанных с Родиной.

Группы «духовные качества», «власть, социальные институты», «природа» и «люди» набрали 9,7% ответов, 6,8%, 4,2% и 3,7% соответственно.

Результаты нашего исследования показали, что для студенческой молодежи понятие «родина» составляет важную часть их жизненных ценностей. Сохранять историческую память, обогащать культуру новыми достижениями, чтить память наших предков и гордиться своей страной – эти духовные скрепы являются приоритетными для молодых людей [3, с. 231]. Важно и понимание значимости традиционных семейных ценностей как части менталитета россиян [5, с. 56]. Любовь к своей семье, к своему дому, к своему городу – важная составляющая патриотизма.

Библиографический список

1. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Д.П. Ануфриев [и др.] // Известия Волгоградского гос. технического ун-та. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 12–17.
2. Гридина В.В. Родина и патриотизм в представлениях современной студенческой молодежи: социологический анализ. Самара: СГТУ, 2018. 316 с.
3. Савельева А.В. Социология знания о прошлом. Москва: ГУ ВШЭ, 2019. 344 с.
4. Тарасов М.В. Образ родины: обоснование и апробация диагностического инструментария // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 205–219.
5. Хатнюк Н.Н. Социальные механизмы конструирования образа Родины у молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 5. С. 55–59.

Информация об авторах

Давыдова Юлия Александровна (Россия, Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии, РЭУ им. Г.В. Плеханова (Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; ylkadav@mail.ru).

Соколов Андрей Дмитриевич (Россия, Москва) – студент 3 курса, Высшая школа социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г.В. Плеханова (Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; sokolov.andrey7777777@yandex.ru).

Пискарев Дмитрий Игоревич (Россия, Москва), студент 3 курса, Высшая школа социально-гуманитарных наук РЭУ им. Г.В. Плеханова (Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; dimkamrr@yandex.ru).

THE IMAGE OF THE MOTHERLAND IN THE STUDENTS' VIEW

Abstract. *The article considered open questions, associations that the word «Homeland» evokes in the youth audience. The authors note that, first of all, the image of the motherland is associated among students with a small homeland, with the concepts of my home, my city, my family.*

Key words: *the image of the motherland, patriotic education, value-oriented attitudes of youth.*

Information about the authors

Yulia A. Davydova (Russia, Moscow) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia; ylkadav@mail.ru).

Andrey D. Sokolov (Russia, Moscow) – 3rd year student of Higher Schools of Social and Humanitarian Sciences, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia; sokolov.andrey7777777@yandex.ru).

Dmitry I. Piskarev (Russia, Moscow) – 3rd year student of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia; dimkamrr@yandex.ru).

References

1. Anufriev D.P., Dulina N.V., Kargapolov S.V., Kargapolova E.V. Patriotism in the mentality of modern youth: Astrakhan – Volgograd (according to the results of a sociological study dedicated to the 70th anniversary of the great victory). *Izvestia of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*, 2015, 20, 2 (155), 12–17.
2. Gridina V.V. *Homeland and patriotism in the ideas of modern student youth: A sociological analysis*. Samara: SGTU, 2018.
3. Savelyeva A.V. *Sociology of knowledge about the past*. Moscow: State University Higher School of Economics, 2019.
4. Tarasov M.V. Image of the motherland: substantiation and approbation of diagnostic tools. *Experimental psychology*, 2020, 13 (4), 205–219.
5. Khatnyuk N.N. Social mechanisms for constructing the image of the Motherland among young people. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2018, 5, 55–59.

ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье дан сравнительный анализ партийно-идеологических предпочтений и отношения к проявлению гражданской активности двух групп молодежи: старшеклассников (9–11 классы) и взрослой молодежи (25–35 лет). Исследование показало несформированность политической идентичности старшеклассников, преобладание либеральных ценностей. Более взрослая молодежь начинает ориентироваться на социал-демократическую идеологию и умеренную активность на низовом уровне (трудовой коллектив, место жительства).

Ключевые слова: молодежь, политика, идеологические и партийные предпочтения, государство, политическая идентичность, гражданская активность.

На основе вторичного анализа ряда исследований 2018–2021 гг. Ульяновского общественного фонда РАПИР и регионального отделения РАПН нами рассматриваются изменения политических представлений ульяновской молодежи в целом, но в том числе и партийно-идеологических представлений различных групп молодежи – старшеклассников¹ и взрослой молодежи 25–35 лет². Несмотря на поколенческое единство, каждое конкретное молодое поколение неоднородно в профессиональном, статусном, ролевом, имущественном, образовательном, культурном и цивилизационном отношениях. В рамках нашего социологического исследования первая группа респондентов старшеклассники – молодежь 14–17 лет – это поколение «смартфонов», практичное, технически и информационно весьма грамотное. Вторая группа респондентов – молодежь 25–35 лет – это поколение Y, его называют поколение Миллениума, «нулевых», «игроки», «информационное поколение» или поколение сетей – образовательных, культурных, хозяйственных, так как его представители окончили школу в новом тысячелетии.

На вопрос «Какие аспекты политической жизни страны интересуют вас в наибольшей мере», от старшеклассников были получены следующие ответы: международные отношения и конфликты (49%), деятельность президента (48,2%), состояние демократии в стране (41,3%), политические технологии и деятельность средств массовой коммуникации (33%), военно-политическое развитие РФ (28%). Исследования (опросы учителей и школьников) показали, что старшеклассниками был проявлен значительный интерес к основным парламентским (ЕР – 66%, КППРФ – 49% и ЛДПР – 56%) и новым партиям (29%). А вот оппозиционные партии не пользуются спросом. Четверть старшеклассников (26%) не интересуются деятельностью политических партий вообще.

С точки зрения самих старшеклассников, идеология – это прежде всего способ обоснования и защиты групповых интересов (42%) и механизм поиска единомышленников в борьбе за власть (34,8%). Данные ответы, как нам представляется, свиде-

¹ Дергунова Н.В. Исследование 2021 г.: экспертный опрос учителей истории и обществознания (112 чел.) и интернет-опрос старшеклассников (996 чел.). Областная выборка.

² Кадничанская М.И. Опрос «Общественно-политическая активность молодежи г. Ульяновска в возрасте 25–35 лет». Ульяновск, 2021. Выборка 400 респондентов.

тельствуют о понимании старшеклассниками наличия социальной иерархии в российском обществе, глубокого социального раскола и необходимости политической борьбы за отстаивание своих интересов. Та или иная идеологическая предрасположенность учащихся, по мнению учителей, пока слабо сочетается с желанием что-либо делать самим: гражданский активизм, инновации как проявление творчества, как ценности не вызывают особого интереса у старшеклассников.

По мнению учителей, политические ценности учащихся близки к социал-демократической идеологии (42%) и либеральной идеологии (60,71%). Были названы, как важные для старшеклассников, ценности: права и свободы личности (65%), равенство перед законом (48%), социальная справедливость (39,5%), демократия (24,8%). Консервативные ценности интересны 13% респондентов. Однако исследование показало значительную разнонаправленность представлений учащихся. Учителя явно преувеличили уровень политической идентификации старшеклассников. Политико-идеологическая идентичность старшеклассников не сформирована (табл.).

Таблица. Распределение ответов на вопрос «Какая политическая идеология Вам ближе и понятнее?», %

Идеология	Школьники	Учителя	Дельта, учителя/школьники
Либерализм	24,1	60,71	+36,61
Социал-либерализм	6,1	24,11	+18,01
Социал-демократия	21,0	41,96	+20,96
Коммунизм	12,5	12,5	0
Национализм	4,4	10,71	+6,31
Консерватизм	9,6	13,39	+3,79
Социализм	16,6	12,5	-4,1

Та или иная идеологическая предрасположенность учащихся, по мнению учителей, пока слабо сочетается с желанием что-либо делать самим: гражданский активизм, инновации как проявление творчества, как ценности не вызывают особого интереса у старшеклассников.

Вторая группа молодежи (поколение Y) в возрасте 25–35 лет, обладает особым социальным статусом в обществе (уровень образования, семейное положение, наличие (отсутствие) детей, материальное положение, а также самостоятельность, активность, динамичность, перспективность), выступает значимым социальным субъектом. Интерес к политике у данного поколения есть, но он носит скорее обобщенный и не детализированный характер. Заинтересованность данного поколения находится на информационном и избирательном уровнях. На выборах в Государственную Думу 19 сентября 2021 года респонденты допускали возможность голосовать за «Единую Россию» (32,4%), за «КПРФ» (29,5%), за «ЛДПР» (27,9%), «Яблоко» (5,0%). Среди политических идеологий, близких респондентам, наибольшее предпочтение отдано социал-демократической (23,8%) и либеральной (17,8%), консерватизм отметили 8,4% респондентов. Обращает на себя внимание большая доля респондентов, которые затруднились определить, какая политическая идеология им ближе (38,0%).

Таким образом, чем старше становятся молодые люди, тем более они начинают разделять социал-демократические взгляды. В зависимости от возраста молодежь разделилась на тех, кому близка идеология либерализма (25–30 лет – 21,8%, 31–35 лет – 13,3%) и тех, кому близка социал-демократическая идеология (25–30 лет – 18,3%, 31–35 лет – 30%). Были отмечены также национализм (5,5%) и анархия

(4,3%). Если сравнивать с ответами старшеклассников, то у них преобладает либеральная и социал-либеральная идеологии (24,1%+6,1% соответственно).

Общественно-политическая активность молодежь города Ульяновска находится на среднем уровне. Около половины опрошенных принимают участие в общественной жизни своего трудового коллектива (44,0%); четверть респондентов участвует в общественной жизни по месту жительства (26,6%); и 10,9% – в деятельности общественно-политических организаций (партий, движений). Достаточно высока доля тех, кто не принимает участия в общественной жизни (35,6% – в трудовом коллективе, 49,1% – по месту жительства и 56% – в деятельности общественно-политических организаций), а также и не хочет принимать такого участия. В целом как старшеклассники, так и взрослая молодежь не стремятся участвовать в общественно-политической жизни региона, предпочитают позицию стороннего наблюдателя.

В качестве политического режима, который нужен России для процветания и быстрого развития, респонденты называли умеренную демократию с сильной государственной властью (23,9%), либеральную демократию (21,5%). При этом 39,4% – затруднились ответить. Таким образом, поколение Y (Миллениум) является в большей степени сторонниками социал-демократической идеологии, сильной государственной власти, умеренной демократии, но почти 40% не понимают целей политического развития страны и свою роль в политической жизни. Различия двух групп молодежи проявились прежде всего в изменении идеологической ориентации с либеральной на социал-демократическую и в отношении к государству.

Информация об авторе

Дергунова Нина Владимировна (Россия, Ульяновск) – профессор кафедры методики гуманитарного и поликультурного образования, доктор политических наук, Ульяновский государственный педагогический университет.

Dergunova N.V.

AGE CHANGES IN PARTY AND IDEOLOGICAL PREFERENCES OF DIFFERENT YOUTH GROUPS (ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION)

Abstract. *This paper provides a comparative analysis of party and ideological preferences and attitudes towards the manifestation of civic activity of two groups of young people: high school students (grades 9–11) and young adults (25–35 years old). The study shows the unformed political identity of high school students and the predominance of liberal values. Older youth group begins to focus on the social democratic ideology and moderate activity at the base level (work group of colleagues, place of residence).*

Key words: *youth, policy, ideological and party preferences, state, political identity, civic activity.*

Information about the author

Nina V. Dergunova (Russia, Ulyanovsk) – Ulyanovsk State University of Education Professor of Political Science, Department of methodology of humanitarian and multicultural education (2, Transportnaya Str., Ulyanovsk, 432048, Russia; comm3@yandex.ru).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УСПЕШНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования по оценке успешности с позиции школьников старших классов. Представлены результаты социологического опроса школьников старших классов г. Уфы Республики Башкортостан. Определены составляющие успешного человека с позиции школьников старших классов.

Ключевые слова: успех, успешность, молодежь, школьники, школьники старших классов.

Социальное благополучие молодежи в значительной степени определяется теми представлениями о жизненном успехе, успешности, которое складывается в сознании молодежи в процессе их взросления и вхождения во взрослую жизнь. Особенно важно изучение данного процесса на более ранней его стадии – на этапе подросткового и юношеского возраста, когда формируется мировоззрение молодых людей, закладываются основы их духовного облика. Это тем более важно, что речь идет о наиболее массовой группе молодежи, обучающейся в школе.

Успешность является одной из важнейших ценностей современной молодежи [1]. Исследование ценности старшеклассников касательно жизненного успеха позволяет раскрыть уровень их адаптации к новизне, обуславливающий развитие и состояние отечественного общества в будущем.

Исследование представлений об успешности молодежи в целом и школьников в частности не остаются без внимания исследователей. Исследователями установлены представления об успехе в подростковом возрасте [2], установлены ценностные ориентации современной молодежи [3], исследованы образовательные ценности старшеклассников [4], выявлены и проанализированы представления учащихся старших классов о факторах, обеспечивающих жизненный успех [5].

В статье представлены результаты авторского опроса школьников старших классов города Уфы Республики Башкортостан. В опросе принимали участие 187 школьников 9–11 классов. Период опроса: март – апрель 2022 г. Ошибка выборки при заданном уровне значимости в 95% не превысила 5% Метод исследования: онлайн-опрос с использованием гугл-анкеты.

По результатам исследования выявлено, что для половины опрошенных школьников (55,2%), успешность человека в первую очередь определяет достижение целей, осуществление планов. Для каждого пятого школьника (24,15) успешность человека определяется наличием работы, которая приносит удовлетворение. Менее ценным с позиции успешности для школьников является наличие семьи, детей, внуков (6,9%), а также получение хорошего образования (3,4%; рис. 1).

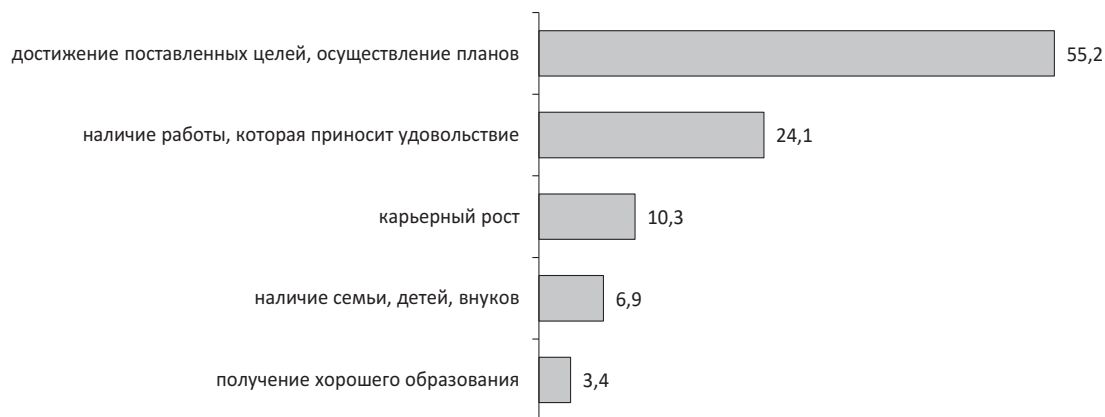

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Скажите, что для Вас в первую очередь является показателем того, что человек является успешным?», % от числа опрошенных

При этом несмотря на то, что в представлении старшеклассников получение хорошего образования не является показателем того, что человек является успешным, большинство опрошенных собираются после окончания школы продолжить обучение (42%) либо продолжить обучение в совмещение с работой (40%; рис. 2).

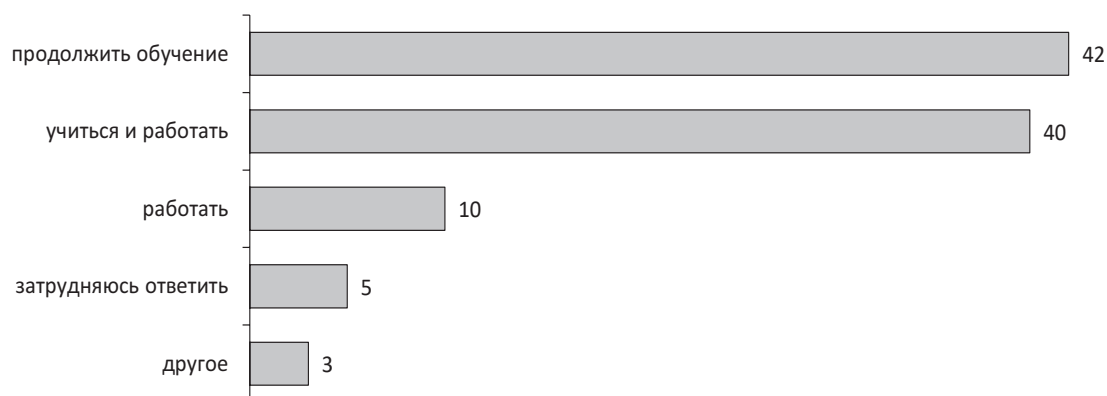

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы собираетесь делать после окончания школы?», % от числа опрошенных

Таким образом, успешность или неуспешность в жизненном пути под контролем собственных стараний человека, от его возможностей и его желания адаптироваться к изменяющимся условиям общества.

При ответе на вопрос «Как вы считаете, что именно сегодня в России помогает людям добиваться успеха?» 69% опрошенных школьников считают, что это личные способности и стремления, а 53% – нужные связи и знакомства. Также значимыми факторами, которые позволяют добиваться успеха, по мнению старшеклассников, являются хорошее образование (43%), а также поддержка семьи, близких, друзей (43%; рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что именно сегодня в России помогает людям добиваться успеха?» (можно выбрать до 3 вариантов ответа), % от числа опрошенных

Таким образом, в представлениях современных школьников старших классов успех – это достижение поставленных целей и наличие работы, которая приносит удовлетворение. Школьники осознают, что достичь успех в жизни им помогут, в первую очередь, их личные способности и стремления. Также в качестве значимого фактора, по мнению школьников, которые позволяет сегодня в России людям добиваться успеха является наличие нужных связей и знакомств.

Изучение представлений об успешности среди старшеклассников позволяет выявить степень адаптации молодежи к новым социальным условиям и ее потенциал. Это важно с позиции разработки своевременных корректирующих механизмов государственной молодежной политики.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Ценностные ориентации современной молодежи: социологический анализ // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 30–33. DOI: 10.20339/AM.2-18.030
2. Бухаленкова Д.А. Представления об успехе в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018.
3. Гайфуллин А.Ю. Ценностные ориентации и жизненные цели современной молодежи Республики Башкортостан // *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2022. № 1 (9). С. 120–127.
4. Гендин А.М., Дроздов Н.И., Взляева Е.В. Образовательные ценности старшеклассников и социокультурный контекст их формирования и реализации: монография. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2012. 288 с.
5. Валяева Е.В. Представления учащихся старших классов о факторах, обеспечивающих жизненный успех // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2011. № 4. С. 11–18.

Информация об авторе

Гайфуллин Андрей Юрьевич (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии, Башкирский государственный университет (Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32); старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (Россия, Уфа, ул. Кирова, д. 15; gayfullin_a@mail.ru).

Gayfullin A.Yu.

IDEAS ABOUT THE SUCCESS OF HIGH SCHOOL STUDENTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article presents the results of a study on assessing success from the perspective of high school students. The results of a sociological survey of high school students in Ufa, Republic of Bashkortostan are presented. The components of a successful person from the position of high school students are determined.*

Key words: *success, success, youth, schoolchildren, high school students.*

Information about the author

Andrey Yu. Gayfullin (Russia, Ufa) – Candidate of science sociological, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa); senior researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (15, Kirova str., Ufa; gayfullin_a@mail.ru).

References

1. Gayfullin A.Yu. Value orientations of modern youth: a sociological analysis. Alma mater (Bulletin of the Higher School), 2018, 2, 30–33. DOI: 10.20339/AM.2-18.030
2. Bukhalenkova D.A. Ideas about success in adolescence: dis. for the academic degree of cand. psycho. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2018.
3. Gayfullin A.Yu. Value orientations and life goals of modern youth of the Republic of Bashkortostan. Ufa Humanitarian Scientific Forum, 2022, 1 (9), 120–127.
4. Gendin A.M., Drozdov N.I., Vikhlyaeva E.V. Educational values of high school students and the socio-cultural context of their formation and implementation: monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2012.
5. Valyaeva E.V. Representations of high school students about factors that ensure life success. Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev, 2011, 4, 11–18.

Каргаполова Е.В., Матрешина Д.Н., Чубарова А.Д.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КОРРЕЛЯТЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Аннотация. В статье на основе результатов конкретного социологического исследования рассматриваются здоровьесберегающие практики студенческой молодежи вузов Москвы и Московской области. Показано, что определяющее воздействие на формирование отношения к здоровью молодых людей оказывает семья. Выявляются корреляты в использовании студентами технологий здоровьесбережения. Такими коррелятами по результатам нашего исследования являются материальное положение, занятия спортом, опыт работы. Зафиксирована взаимосвязь поддержания физической активности и прогнозных оценок применения здоровьесберегающих практик.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, здоровьесберегающие практики, молодежь, студенчество, дифференциация.

Здоровье – важнейший ресурс развития общества, важнейшая составляющая человеческого капитала личности. Часть данного капитала – наследственная, а часть является приобретенной благодаря обществу и собственным усилиям человека. В настоящих реалиях ценностные ориентиры здоровьесбережения актуализируются из-за осознания того, что абсолютно любую болезнь – физическую, социальную, психическую – разумнее предотвратить, чем пытаться вылечить последствия. Вследствие этого, актуальным является исследование здоровьесберегающих практик авангарда общества – студенческой молодежи.

Вместе с тем эмпирические исследования в России и за рубежом свидетельствуют о значительных социокультурных дистанциях в области охраны здоровья молодежи и применения ею технологий здоровьесбережения [1–7]. Коррелятами дифференциации могут быть материальное положение [2; 5], территориальные различия (город – село) [6], доступ к социальной инфраструктуре [3], конфессиональная принадлежность [1] и др.

Для исследования корреляций в использовании студентами технологий здоровьесбережения мы обратились к результатам конкретного социологического исследования «Наше здоровье», реализованного исследовательской группой кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова под руководством Е.В. Каргаполовой в феврале 2020 г. среди студентов вузов Москвы и Московской области методом анкетирования (N=2600). Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0.

По результатам анализа формирования отношения респондентов к собственному здоровью было выявлено три основных фактора влияния – это семья, друзья и условия жизни (данные факторы отметили 77,3%, 46,6% и 45,1% респондентов соответственно). Таким образом, институт семьи продолжает оказывать значительное воздействие на зарождение здоровьесберегающих привычек в выполнении конкретных практик. «Установки в отношении собственного здоровья – одни из наиболее устойчивых во времени и, как правило, передаются в семье из поколения в поко-

ление. В частности, условия семейного воспитания воздействуют на формирование здорового образа жизни у детей уже в раннем возрасте, а впоследствии определяют готовность детей к школе, влияют на социальное неравенство и благополучие на протяжении всей жизни» [8, с. 9].

Среди опрошенных нами студентов 67,2% имеют опыт подработок и 32,8% пока еще никогда не работали. Имеющие опыт работы в силу своей занятости лучше планируют свой день, чем неработающие (20,8% против 41,7%, выбравших вариант ответа «никогда не планирую свой день»). Однако не обнаружено статистически значимых различий среди работающих и неработающих студентов при соблюдении базовых принципов режима дня, таких как отход ко сну до 23 часов, восьмичасовой сон, поддержание нормы физической активности в сутки.

Нами была выявлена связь между оценкой своего здоровья и занятиями спортом. Ни для кого не секрет, что физические упражнения способствуют укреплению своего здоровья. Это показывают и результаты нашего исследования: среди тех, кто считает свое здоровье нормальным, всегда занимаются спортом 31,6% опрошенных, никогда не занимаются – 4,2%, тогда как среди часто болеющих занимаются спортом 14,2% респондентов, никогда не занимаются – 8,8% (хи-квадрат 0,000, критерий Крамера 0,113).

Была обнаружена взаимосвязь между режимом сна и режимом питания: молодые люди, которые соблюдают режим сна, придерживаются и правил в потреблении продуктов питания (корреляция Тау-б Кендалла статистически значима: 0,000 и ее значение: 0,256). Это касается и планирования дня, и выполнения нормы физической активности, и чередования труда и отдыха. То есть у тех молодых людей, у которых есть четкое представление об организации режима дня, есть и глубинное понимание необходимости рациональных привычек в питании. Более того, режим сна и рациональные привычки в области питания напрямую соотносятся с эффективностью учебной деятельности и количеством пропусков учебных занятий по болезни [4].

Материальное положение студента влияет на выбор продуктов питания, на возможность посещать платных врачей или оздоровительные спортивные секции. Так, например, респонденты, ответившие, что материальных затруднений не испытывают, чаще выбирают продукты питания без ГМО, консервантов, усилителей вкуса или покупают продукты у фермеров, на рынках, чем испытывающие материальные затруднения.

Обнаружена также взаимосвязь между физической активностью студентов и их прогнозными оценками применения населением в будущем технологий здоровьесбережения. Так у студентов, которые всегда занимаются физическими активностями, балльные оценки распределились следующим образом: 5 баллов – 25,7%, 4 балла – 22,6%, 3 балла – 17,7%, 2 балла – 15%, 1 балл – 18,9%); а у тех, кто не занимается физическими активностями ежедневно, 5 баллов – 11,2%, 4 балла – 20,7%, 3 балла – 23,7%, 2 балла – 26,6%, 1 балл – 17,8%. Данная обратная зависимость говорит о том, что молодые люди, которые в настоящий момент предпринимают действия по сохранению своего здоровья, видят это в будущем как у себя, так и у всего населения в целом (корреляция Тау-б Кендалла статистически значима: 0,001 и ее значение: – 0,057).

Библиографический список

1. Абдулманапов П.Г., Хаджалова Х.М. Самоохранительное поведения молодежи демографически благополучного региона // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1 (23). С. 208–215.

2. Бредихина Н.В. Изучение состояния здоровья и сохранение здоровья населения на Южном Урале // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 28 (204). С. 122–126.
3. Витютнев Д.М. Самосохранительное поведение и обеспеченность социальной инфраструктурой молодежи России: демографические последствия // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2010. № 3–4. С. 208–211.
4. Владимирова С.Ф., Маслова О.В., Каргаполова Д.С. Приоритеты в питании студентов московских вузов // Биохимическая физика: труды XX ежегодной молодежной конференции с международным участием ИБХФ РАН – вузы и IV симпозиума «Современное материаловедение». Москва, 16–17 ноября 2020 г. Москва, 2021. С. 79–83.
5. Давыдова Ю.А., Вьюнов В.В. Факторы, влияющие на здоровье студентов // Социологические чтения: социальные тренды современности: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. С. 3–6.
6. Gerhardt H., Heinzl-Gutenbrunner M., Bachmann C.J. Differences in healthcare costs in youths with conduct disorders in rural vs. urban regions: an analysis of German health insurance data. BMC health services research, 2018, 18 (1), 714. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/30217151>
7. Wieske R.C.N., Nijhuis M.G., Carmiggelt B.C., Wagenaar-Fischer M.M., Boere-Boonekamp M.M. Preventive youth health care in 11 European countries: an exploratory analysis International. Journal of public health, 2012, 57 (3), 637–641.
8. Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 7–23.

Информация об авторах

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; k474671@list.ru).

Матрешина Дарья Николаевна (Россия, Москва) – студент 4 курса направления «Социология», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; d.matreshina@yandex.ru).

Чубарова Анастасия Дмитриевна (Россия, Москва) – студент 4 курса направления «Социология», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; nans.chubarova2001@yandex.ru).

Kargapolova E.V., Matreshina D.N., Chubarova A.D.

HEALTH-SAVING PRACTICES OF YOUTH STUDENTS: DIFFERENTIATION CORRELATES

Abstract. *Based on the results of a specific sociological study, the article examines the health-saving practices of student youth in universities in Moscow and the Moscow region. It is shown that the family has a decisive influence on the formation of attitudes towards the health of young people. Correlates of differentiation in the use of health-saving technologies by students are revealed. According to the results of our study, such correlates are the financial situation, sports, work experience. The relationship between maintaining physical activity and predictive assessments of the use of health-saving practices was recorded.*

Key words: *health, health saving, health saving practices, youth, students, differentiation.*

Information about the authors

Ekaterina V. Kargapolova (Russia, Moscow) – Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Russian University of Economics G.V. Plekhanov (Russia, Moscow, Stremyanny per., 36; k474671@list.ru).

Daria N. Matreshina (Russia, Moscow) – 4th year student of the direction «Sociology», Russian University of Economics G.V. Plekhanov (Russia, Moscow, Stremyanny per., 36; d.matreshina@yandex.ru).

Anastasia D. Chubarova (Russia, Moscow) – 4th year student of the direction «Sociology», Russian University of Economics G.V. Plekhanov (Russia, Moscow, Stremyanny per., 36; nans.chubarova2001@yandex.ru).

References

1. Abdulmanapov P.G., Khadzhalova Kh.M. Self-preserving behavior of young people in a demographically prosperous region. *Science of man: humanitarian research*, 2016, 1 (23), 208–215.
2. Bredikhina N.V. Studying the state of health and maintaining the health of the population in the Southern Urals. *Bulletin of the South Ural State University*, 2010, 28 (204), 122–126.
3. Vityutnev D.M. Self-preserving behavior and provision of social infrastructure for the youth of Russia: demographic consequences. *Scientific Review. Ser. 1: Economics and law*, 2010, 3–4, 208–211.
4. Vladimirova S.F., Maslova O.V., Kargapolova D.S. Priorities in the nutrition of students of Moscow universities. *Biochemical Physics: Proceedings of the XX Annual Youth Conference with International Participation of the Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences-Universities and the IV Symposium «Modern Materials Science»*. Moscow, November 16–17, 2020. Moscow, 2021, 79–83.
5. Davydova Yu.A., Vyunov V.V. Factors affecting students' health // *Sociological readings: social trends of the present. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, 2020, 3–6.
6. Gerhardt H., Heinzl-Gutenbrunner M., Bachmann C. J. Differences in healthcare costs in youths with conduct disorders in rural vs. urban regions: an analysis of German health insurance data. *BMC health services research*, 2018, 18 (1), 714. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/30217151>
7. Wieske R.C.N., Nijhuis M.G., Carmiggelt B.C., Wagenaar-Fischer M.M., Boere-Boonekamp M.M. Preventive youth health care in 11 European countries: an exploratory analysis *International Journal of public health*, 2012, 57 (3), 637–641.
8. Shabunova A.A., Natsun L.N., Korolenko A.V. Strengthening public health: the balance of responsibility between the state and the citizen. *Problems of territory development*, 2021, 25 (4), 7–23.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И МОЛОДЕЖЬ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие информационного общества, особенности и проблемы адаптации молодежи в условиях информационного общества в рамках проведенного социологического опроса. Раскрываются положительные и отрицательные аспекты информационного общества для молодежи.

Ключевые слова: информационное общество, молодежь, цифровизация, социальная адаптация, социальные сети, интернет.

Согласно Большой российской энциклопедии, под информационным обществом понимают одно из понятий в социологической теории для обозначения общественных систем современного типа [1].

Информационное общество характеризуется акцентуацией на глобальных изменениях во всей структуре общества, и в первую очередь на изменениях в информационной сфере. В информационном обществе способы получения информации, ее обмен, анализ и распространение значительно отличаются от информационного пространства, в котором находились до второй половины XX века.

Важно отметить, что существует несколько версий о происхождении термина «информационное общество». Одни источники, например, Большая российская энциклопедия, утверждают, что впервые его ввел японский доктор философии Юдзи-ро Хаяси в 60-х гг. XX века. Другие исследователи считают, что первым к данному термину обратился экономист Ф. Махлуп в 1980 году в научном труде «Информационное общество как постиндустриальное общество», где подробно охарактеризовал основные свойства информационного общества и принципы, на которых оно строится [1; 2].

Можно сказать, что информационное общество — это новая фаза развития не только нашей страны, но и большей части нашей планеты, однако в рамках данного исследования будет охвачена лишь часть, касающаяся информационного общества в контексте России.

Первый вариант «Стратегии развития информационного общества в России» датируется 2007 годом, именно этот год можно считать моментом зарождения и развития новой эпохи в нашей стране. Само определение этого периода достаточно популярно в нашей стране. Так, по данным проведенного исследования 84% респондентов осведомлен о смысле понятия «информационное общество», однако лишь 8% знакомы с нормативно-правовыми актами о информационном обществе в России.

Знаете ли Вы, что такое "информационное общество"?

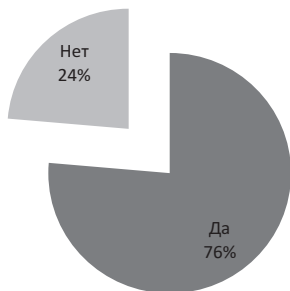

Рис. 1. Осведомленность об информационном обществе

Знакомы ли Вы с нормативно-правовыми актами об информационном обществе в России?

Рис. 2. Осведомленность о нормативно-правовых актах об информационном обществе в России

С начала 2000-х гг в нашей стране закономерно увеличивается роль информации и информационных технологий в жизни людей. Это явление охватывает все сферы жизни общества, информационные технологии в разных проявлениях укореняются в экономике и политике, а в социальной сфере растет влияние социальных сетей.

Около 90% населения России пользуются интернетом [3]. По данным опроса, проведенного аналитиками Керіос среднее время, которое житель нашей страны тратит на пользование интернетом, составляет немногим менее 8 часов в день, то есть треть суток. При этом главная причина данной деятельности – поиск информации (около 84% пользователей) [4]. Таким образом, наглядно видно, насколько важной стала информационная сфера в нашей стране. Каждый день пользователи интернета поглощает массы разнородной информации, при чем большая часть их них молодежь – граждане России в возрасте от 14 до 35 лет [5].

Положительным аспектом глобальной цифровизации является тот факт, что социальные сети могут являться для молодежи наиболее возможным способом адаптации в цифровом пространстве. В социальных сетях люди общаются, выражают свои мысли и чувства, получают последние новости о мире. По данным проведенного опроса 96% респондентов используют социальные сети для общения, 60% для работы, 98% для обучения.

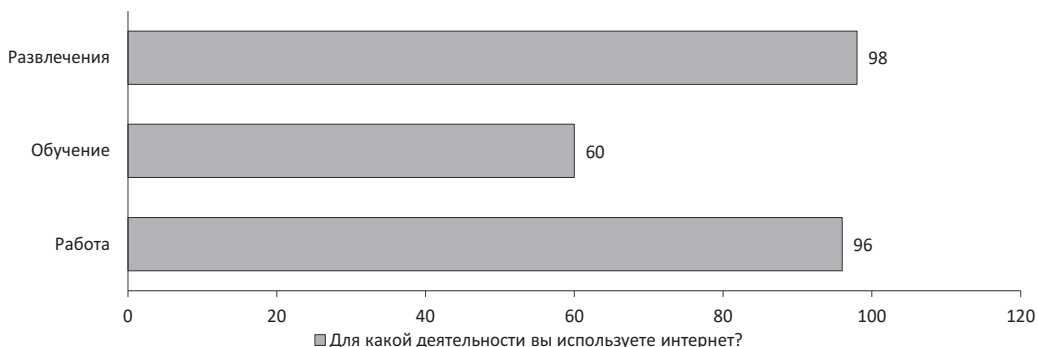

Рис. 3. Причины использования интернета

Однако в данном процессе получения информации есть и свои проблемы. В первую очередь речь идет о не структурированности информации. По данным опроса лишь 13% респондентов обращаются к официальным государственным СМИ, остальные 87% предпочитают находить каналы информации в неофициальных источниках, что приводит к угрозе получения неполной или недостоверной информации. В данном случае проблема адаптации демонстрирует свою актуальность: социальные сети оказывают серьезное воздействие на пользователей, определяют их модели поведения, мысли, представления о мире в целом, в т.ч. интернете оказывать негативное влияние на психику человека, ввести в заблуждение и даже привести к серьезным негативным последствиям, таким как экстремистская или террористическая деятельность.

Пользуетесь ли вы официальными СМИ?

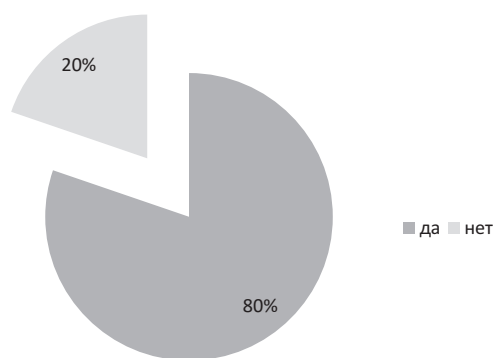

Рис. 4. Использование официальных СМИ

Ярким примером, иллюстрирующим данную ситуацию, могут служить такие социальные сети как Instagram и Facebook от компании Meta¹, которые считаются экстремистскими на территории Российской Федерации с марта 2022 года. Важно отметить, что до этой ситуации Instagram занимал третье место в списке самых популярных социальных сетей у россиян, уступая лишь VK и Whatsap (по версии исследования We Are Social и Kerios) [4].

Таким образом, вопрос о создании необходимых условий для адаптации молодежи в интернет-пространстве, так как именно социальные сети и иные информационные технологии оказывают значительное влияние на личность и ее мнение о происходящих в мире событиях.

Библиографический список

1. Мелик-Гайгазян И.В. Информационное общество // Большая российская энциклопедия, 2016. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2015987> (дата обращения 12.10.2022).
2. Панцеров К.А. Информационное общество и международные отношения: учебник / под ред. К.А. Панцерева; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. 384 с.
3. Чернышенко сообщил, что почти 90% населения России пользуются интернетом // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15891729?utm.org> (дата обращения 07.10.2022).

¹ Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.

4. Чуранов Е. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samy-e-vazhnye-cifry-i-statistika> (дата обращения 07.10.2022).
5. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // НПП Гарант-Сервис, 2022.
6. В России признали экстремистскими и запретили Facebook и Instagram // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab> (дата обращения 07.10.2022).

Информация об авторах

Шилина Светлана Александровна (Россия, Брянск) – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского (Россия, 241023, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; supershili2012@yandex.ru).

Кусова Людмила Николаевна (Россия, Брянск) – студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия, 241023, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; mila.kusova2000@yandex.ru).

Kusova L.N., Shilina S.A.

INFORMATION SOCIETY AND YOUTH: PROBLEMS AND FEATURES OF SOCIAL ADAPTATION

Abstract. *This article discusses the concept of information society, the features and problems of adaptation of young people in the information society in the framework of a sociological survey. The positive and negative aspects of the information society for young people are revealed.*

Key words: *information society, youth, digitalization, social adaptation, social networks, Internet.*

Information about the authors

Svetlana A. Shilina (Russia, Bryansk) – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Social Work, Bryansk State University. Academician I.G. Petrovsky (14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241023, Russia; supershili2012@yandex.ru).

Lyudmila N. Kusova (Bryansk, Russia) – student of the Sociology course, Bryansk State University. Academician I.G. Petrovsky (14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241023, Russia; mila.kusova2000@yandex.ru).

References

1. Melik-Gaygazyan I.V. Information society. Big Russian Encyclopedia, 2016. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2015987> (accessed 12.10.2022).
2. Pantserov K.A. Information Society and international relations: textbook. Edited by K.A. Pantserov; St. Petersburg State University. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2014.
3. Chernyshenko said that almost 90% of the Russian population use the Internet. TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15891729?utm.org> (accessed 07.10.2022).
4. Churanov E. Internet in Russia in 2022: The most important figures and statistics. WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samy-e-vazhnye-cifry-i-statistika> (accessed 07.10.2022).

5. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020. NPP Garant-Service, 2022.
6. Facebook and Instagram were recognized as extremist in Russia and banned. RBC. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab> (accessed 07.10.2022).

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ В РАМКАХ ЛОНГИТЮДА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Автор исследует процесс формирования идентичности социальных индивидов на основе развития гражданского и национального сознания современной учащейся молодежи в полиэтничных регионах Российской Федерации с помощью крупномасштабного лонгитюда, не имеющего аналогов в нашей стране и за рубежом, и межпоколенных исследований, которые были начаты в 1988–1989 гг. сначала в г. Астрахани и Астраханской области, кроме того, опросы проводились еще в 10 регионах РФ: Грозном, Иваново, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Москве, Назрани, Нальчике, Пскове, Ставрополе. Анализируются взгляды, позиции, ценностные ориентации и убеждения молодых людей, характеризующие складывающуюся их национальную идентификацию и гражданскую позицию, а также выявляется склонность школьников к конфликту или толерантности. За 30 лет социологических опросов было исследовано три поколения молодежи: последнее советское, переходного периода и первое постсоветское. Исследование носило прикладной характер и имело главной задачей помочь в воспитании личности молодого человека, устойчивого к воздействию неблагоприятных жизненных факторов и умеющего преодолевать жизненные трудности, сдерживать конфликтные реакции, умеющего отстаивать свои собственные интересы и уважать интересы других, тем самым развивать в молодежной среде умение приходить к культуре согласия и толерантности. Цель исследования – дать развернутую характеристику процесса формирования национальной и гражданской идентичности учащейся молодежи в полиэтничных регионах, проследить с помощью лонгитюда (исследования на одном и том же контингенте респондентов) пошаговое протекание этого процесса, причем, осуществляя не абстрактное наблюдение за обучением и воспитанием школьников, а использовать эмпирические данные, полученные в ходе опросов, для корректировки негативных явлений и тенденций в молодежной среде с целью выработки активной жизненной позиции у школьников, навыков успешной социальной коммуникации, твердых убеждений и реализации их в практической деятельности.

Ключевые слова: национальная и гражданская идентичность, процесс идентификации, лонгитюд, патриотизм, Родина.

Процесс социокультурной эволюции определяется целями, основанными на убеждениях, идеалах и ценностях, что показано в авторских монографиях «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах» (социологический анализ-прогноз) (1998), «Формирование гражданского сознания молодежи в полиэтничных регионах (2020) и ряде научных статей, в которых «рассматривается протекание этого процесса в современном российском обществе, складывание идентичности индивидов, их целеполагания, жизненного идеала и принципов социального взаимодействия с учетом изменяющейся реальности» [1, с. 655] в контексте трансформации ценностных критериев и норм.

Идентичность выражается в отношении индивидов друг к другу и обществу в целом. Как было точно отмечено чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным, «потребность в представлениях об обществе как некоторой целостности обостряется в условиях его

трансформации, особенно при переходе... к ... новой его упорядоченности. Наиболее адекватен характеру обозначенной проблемы социокультурный подход, то есть понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [2; 3]. Лапин указывает, что «социокультурный подход интегрирует измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом...) именно как фундаментальные. Социокультурный подход можно конкретизировать в виде принципов, помогающих сформировать представление об обществе как целостной социокультурной системе и четче осмыслить проблемы социокультурной трансформации. Формируется функция идентификации индивида с соответствующими ценностями, нормами, которые индивид усваивает в процессе социализации» [2; 4; 6].

В ходе опросов, проводимых нами в течение 30 лет с использованием социокультурного подхода, школьники четко идентифицировали себя с той или иной национальностью и показали высокую гражданскую позицию. 65% респондентов указывали, что «для них быть представителем своей национальности означает «любить и гордиться своей национальностью и своей страной; ее историей и народом; всем лучшим, что есть на Родине, сохранять свои национальные признаки». Учащиеся делали акцент на межэтническую толерантность и уважительное отношение к другим народам. 24% связывали этническую идентичность с семейными ценностями с опорой на родной дом, мать, семью, «называли конкретные национально-консолидирующие признаки: жить на Родине, по обычаям своего народа, быть патриотом; высказывали отношение к родному языку как к национальнообразующему фактору, основе культуры и нации. И только 1% ответил, что национальность для них не имеет значения» [3, с. 64–65].

В первую очередь через характеристику понятий: Родина, патриотизм, быть патриотом, интернационализм, национализм определялся уровень гражданского сознания школьной молодежи. «В 1990–1991 гг. и 1995–1998 гг. 75–80% учащихся определяли Родину как малую Родину, но в 2001–2007 гг. стала складываться новая тенденция, выразившаяся в осознании Родины как сильной страны, защищающей своих граждан – 44%. Для сравнения: в тот же период 34% дали характеристику Отечества как малой Родины» [3, с. 66–67].

До 1991 г. и в 1991 г. понятие «быть патриотом» до 70% респондентов раскрывало как «подвиг во имя Родины», но постепенно установки сдвинулись на «продолжительные повседневные действия, и сейчас молодежь делает ставку на практическую патриотическую деятельность на благо Родины, отстаивание интересов своей страны» [3, с. 72–74]. О Родине они говорят, как о самом дорогом, за что можно отдать жизнь (10–18%). Быть патриотом означает для них: любить Родину, быть верным, защищать Отечество. Происходит укрепление этики ответственности. В то же время идет нарастание положительных оценок национализма. В 2016 г. до 60% респондентов определяли его как «проявление сильной любви к Родине, истории, культуре» [3, с. 109–110].

Патриотическое сознание, составляющее основу гражданской идентичности, включает «осознание своего отношения к Отечеству, народу, усвоение определенных ценностей и ценностных ориентаций, развитие патриотизма на основе национальной гордости, национальных обычаев и традиций» [3, с. 40–41], тесно связано с национальным сознанием и самосознанием, а «отношение к представителям других национальностей складываются на основе повседневного опыта, национальных сте-

реотипов, системы воспитания. Целью этого воздействия в зависимости от государственной политики может быть формирование у социальных индивидов культуры межнационального общения или межнациональной розни [4].

Школа была выбрана в качестве ареала лонгитюдного исследования, так как за период 11 лет можно изучать интеллектуальное и гражданское развитие учащихся не только с целью констатации эмпирических данных, но имеется возможность вносить изменения в воспитательный и образовательный процесс в соответствии с социальными запросами современности, а затем корректировать педагогическое воздействие и проверять его эффективность по результатам следующих социологических опросов.

Библиографический список

1. Рубан Л.С. Кто мы такие и как нам не потерять себя в современном мире? (Проблемы социокультурной эволюции современного российского общества) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 3 (79). С. 655–663.
2. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС (Социологические исследования), 2000.
3. Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодежи в полиэтничных регионах. Москва: Academia, 2020. 240 с.
4. Рубан Л.С. Социокультурная эволюция современного общества и триада политической девиации (философское обоснование теоретических положений и подтверждение их социологическими методами) // Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, социологии, политологии, психологии и права ООН. Москва: Новые печатные технологии. С. 257–270.

Информация об авторе

Рубан Лариса Семеновна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, 199330, Москва, ул. Фотиевой, д. 6; lruban@yandex.ru).

Ruban L.S.

THE STUDY OF THE NATIONAL AND CIVIC IDENTITY OF SCHOOLCHILDREN IN THE FRAMEWORK OF THE LONGITUDINAL STUDY THREE GENERATIONS OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. *The author explores the process of forming the identity of social individuals based on the development of civic and national consciousness of modern school youth in multi-ethnic regions of the Russian Federation with the help of a large-scale longitudinal study, which has no analogues in our country and abroad, and intergenerational studies that were initiated in 1988–1989. first in Astrakhan and the Astrakhan region, and surveys were conducted in 11 regions of the Russian Federation: Grozny, Ivanovo, Krasnodar, Maykop, Makhachkala, Moscow, Nazran, Nalchik, Pskov, Stavropol. The views, positions, value orientations and beliefs of young people that characterize their emerging national identity and civic position are analyzed, as well as their tendency to conflict or tolerance is revealed. Over 30 years of sociological surveys, three generations of young people have been studied: the last Soviet, the transitional period and the first post-Soviet. The research was applied in nature and had the main task – to help in educating the personality*

of a young person who is resistant to the effects of adverse life factors and who is able to overcome life difficulties, restrain conflict reactions, who is able to defend his own interests and respect the interests of others, thereby developing in the youth environment the ability to come to a culture of harmony and tolerance. The purpose of the study – to give a detailed description of the process of formation of national and civic identity of school youth in multi-ethnic regions, to trace with the help of a longitudinal study (a study on the same contingent of respondents) the step-by-step flow of this process, moreover, not by abstract observation of the education and upbringing of schoolchildren, but to use empirical data obtained during surveys to correct negative phenomena and trends in the youth environment in order to develop an active life position among schoolchildren, skills of successful social communication, firm beliefs and their implementation in practice.

Key words: *national and civic identity, identification process, longitudinal, patriotism, homeland.*

Information about the author

Larisa S. Ruban (Russia, Moscow) – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation Issues, Institute of the Institute Socio-Political Researches of FSTAS RAS (6, Fotievoi Str, Moscow, 199330, Russia; Lruban@yandex.ru).

References

1. Ruban L.S. Who are we and how do we not lose ourselves in the modern world? (Problems of socio-cultural evolution of modern Russian society). *Questions of Political science*, 2022, 12, 3 (79), 655–663.
2. Lapin N.I. Socio-cultural approach and societal-functional structures. *SOCIS (Sociological research)*, 2000, 3–12.
3. Ruban L.S. Formation of civic consciousness of school youth in multiethnic regions. Moscow: Academia, 2020.
4. Ruban L.S. Socio-cultural evolution of modern society and the triad of political deviation (philosophical substantiation of theoretical propositions and their confirmation by sociological methods). Reports of candidates for members of the Russian Academy of Sciences who ran for the section of Philosophy, Sociology, political science, psychology and law of the United Nations. Moscow: New Printing Technologies, 257–270.

ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ РОССИИ И СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ЧУВАШИИ

Аннотация. *Сравниваются результаты двух социологических исследований о процессе формирования элементов исторического сознания у молодежи России и студентов Чувашии в различные периоды правления руководителей СССР и России. С использованием факторного анализа выделены обобщающие оценки различных аспектов исторического сознания, объясняются различия в оценках.*

Ключевые слова: *историческое сознание молодежи, факторный анализ социальной динамики.*

Введение

Написание статьи стимулировала монография М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (далее – монография), в которой представлены итоги многоаспектного социологического исследования молодежи России [1]. Исходный блок указанного исследования в монографии представлен анализом состояния исторического сознания молодого поколения, результаты которого, впрочем, встречались и в ряде ранних публикаций этих авторов [2]. По их мнению, «...внутренние духовные скрепы социального воспроизводства основываются на преемственности отношения младших и старших поколений к прошлому страны и общества, в которых они живут» [1, с. 77]. Авторы монографии также считают, что историческое сознание подвержено изменениям во времени, вследствие неоднократного пересмотра исторических оценок, в том числе с октября 1917 г. и последующих периодах. Особенно интенсивно эти процессы протекали в нашей стране с середины 80-х годов прошлого столетия в период «перестройки». Вследствие этого произошла разбалансированность массового сознания, породившая противоположные суждения между различными поколениями населения, ныне живущими в стране [3]. В связи с этим социологический мониторинг исторических воззрений у представителей различного поколения населения, особенно у молодого, становится важным для прогнозирования социальной динамики и формирования инструментов политической жизни.

Авторы монографии использовали мало распространенный лонгитюдный дизайн исследования в виде *когортного* на базе данных опроса, проведенного в 1999 г. [1, с. 79–80]. В ходе эксперимента сравнивались оценки респондентов возрастных когорт, имеющих опыт социального становления хотя бы в одном из исторических периодов, за исключением самого раннего, названного «Россия до 1917 г.». Другие периоды молодежной социализации отождествлялись с правлением соответствующих руководителей СССР и России (табл.). На основе условного сравнения, как бы молодежи разных исторических периодов, изучался процесс формирования ее исторического сознания в динамике с целью выяснить: как конкретная социальная практика и идеологическое воздействие повлияли на молодое поколение в различных исторических периодах?

Таблица. Показатели соответствия возрастных параметров когорт респондентов периодам их социализации

Возрастной интервал когорты (лет)	56–65	46–55	36–45	26–35	16–25
Год, в котором старшему респонденту в 2009 г. исполнилось 15 лет	1959	1969	1979	1989	1999
Последний год периода социализации	1953	1964	1982	1991	1999
	СССР при И. Сталине	СССР при Н. Хрущеве	СССР при Л. Брежневе	СССР при М. Горбачеве	РФ при Б. Ельцине
Модель политических отношений	автократия	«оттепель»	бюрократия	принципат	олигархия

В марте 2022 г. группа сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук под руководством И.И. Бойко выполнила социологическое исследование студенческой молодежи Чувашии, охватившее значительный перечень вопросов, касающихся учебы и общественной работы, гражданских ценностей и этнокультурных ориентиров. Выборку составил 501 студент ведущих вузов республики с различных факультетов (2% общей численности студентов дневного отделения). В перечень вопросов наряду с другими были включены те, что представлены в монографии; при этом ответы касались не только современного периода, в котором непосредственно формировался жизненный опыт студентов, но охватывали и прошлые исторические периоды, указанные в монографии. Предполагалось, что ретроспективные представления у студентов сформировались в основном под влиянием официальной идеологии, представляющей государственный интерес. Результаты опроса по данному перечню вопросов были любезно предоставлены автору статьи для последующего исследования. Тем самым обозначилась его цель: получить некоторые представления о процессе формирования элементов исторического сознания у студентов вузов Чувашии в сравнении с оценками молодежи России, аналогичными по тематике из вышеуказанной монографии.

Методические подходы

Поскольку в монографии была представлена необходимая информация, то результаты обоих социологических опросов были обработаны методом многомерного факторного анализа, который позволил сгруппировать оценки респондентов в виде их частных в соответствии с четырьмя абсолютно независимыми (не коррелируемыми) факторами, объясняющими не менее 96% всей дисперсии оценок в обоих опросах. Смысловой характер вопросов (признаков), ответы на которые оказались сильно коррелированными (на уровне не менее 0,7) с соответствующим выделенным фактором, обусловили его обобщенное содержание. В частности, факторы получили следующие названия: «Этико-правовое сознание» (страх, наличие идеалов, дисциплина и порядок, быстрое развитие экономики, патриотизм, авторитет в мире, чувство гордости за страну, мощная промышленность – 21,6 и 29% общей дисперсии соответственно в общероссийском и республиканском исследованиях); «Социальный оптимизм» (социальная защищенность, жизнерадостность, возможность профессионального роста и карьера, возможность стать богатым, успехи в образовании, бюрократия, гражданские и политические свободы, успехи в науке и технике, развитие здравоохранения и медицины – 31,8 и 32,9%); «Социальный пессимизм и асоциальность» (недоверие между людьми, преступность и бандитизм, кризис, неуверенность в своем будущем, коррупция и взятки – 39,5 и 23,4%); «Религиозное сознание» (уважение к православной церкви, верующим) – 3,2 и 10,2%). Далее по ори-

гинальной методике рассчитывались условные значения факторов, представляющие их обобщенные уровни. Для этого определялись показатели, характеризующие доли дисперсии признаков в общей дисперсии соответствующего фактора, которые можно интерпретировать как весовые коэффициенты значимости признаков при формировании средневзвешенной величины фактора. При этом по каждому фактору учитывались только сильно коррелированные с ним признаки. В итоге обозначилась динамика различных аспектов исторического сознания молодежи России и студентов Чувашии (рис.).

Результаты исследования

Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на отдельных деталях исследования, поэтому ограничимся изложением его основных выводов. Кривые, представленные на рисунке пунктирной линией, составлены из оценок респондентов (условных значений факторов), имеющих опыт социального становления в соответствующем историческом периоде (жизненный опыт в условиях официальной идеологии), кроме самого раннего. Оценки российской молодежи для этого периода, как и студентов Чувашии относительно всех периодов, кроме последнего, обусловлены идеологическим воздействием без учета жизненного опыта респондентов.

Общая картина динамики исторического сознания обследуемой молодежи, представленная на рисунке, свидетельствует о его существенной трансформации под влиянием идеологического воздействия. В большей степени это проявилось в оценках молодого поколения всей страны, лично переживших анализируемые этапы и оценивших элементы исторического сознания с учетом жизненного опыта. Так, при сравнении кривых обращает на себя внимание более высокие оценки молодежи страны по сравнению с оценками студентов Чувашии в большинстве исторических периодов. Особенно большое расхождение зафиксировано в таких аспектах, как «Этико-правовое сознание» (17,3 п.п.) и «Социальный оптимизм (44,3 п.п.), относящихся к периоду правления Л.И. Брежнева, а также «Социальный пессимизм и «асоциальность» (24,1 п.п.), «Религиозное сознание» (30,4 п.п.), относящихся к периоду правления Б.Н. Ельцина. Молодые респонденты страны, получившие непосредственный опыт социализации в данные периоды, значительно выше оценили у себя уровень отмеченных аспектов исторического сознания, чем студенты Чувашии, получившие представление об этом из различных источников в соответствии с государственной идеологией. Конечно, расхождение в оценках может объясняться и другими факторами (национальный характер региона, в котором проживает две трети населения титульной нации; неполная представленность студентами вузов всего среза молодежи республики; возрастное различие между когортами и др.). Однако большая часть различий, на мой взгляд, связано с влиянием внешних факторов, формируемых на основе социокультурных норм и ценностей общества.

Исследование также показало, что молодежь страны значительно выше оценивает элементы исторического сознания, формирующие социальный оптимизм, чем пессимизм в периоды правления И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и особенно Л.И. Брежнева. Тогда как для периодов правления М.С. Горбачева, особенно Б.Н. Ельцина, наблюдается обратная картина: пессимистические оценки существенного доминируют над оптимистическими. В то же время аналогичное превышение оценок в периоды правления М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцина у студентов вузов Чувашии оказалось заметно меньшим по сравнению с общероссийскими оценками, оставаясь все же значительным.

Вместе с тем позиции чувашских студентов, относящиеся к современному этапу развития, имеют положительную динамику по всем анализируемым аспектам исторического сознания, хотя уровень социального пессимизма у них все же несколько (4,8 п.п.) превышает уровень социального оптимизма.

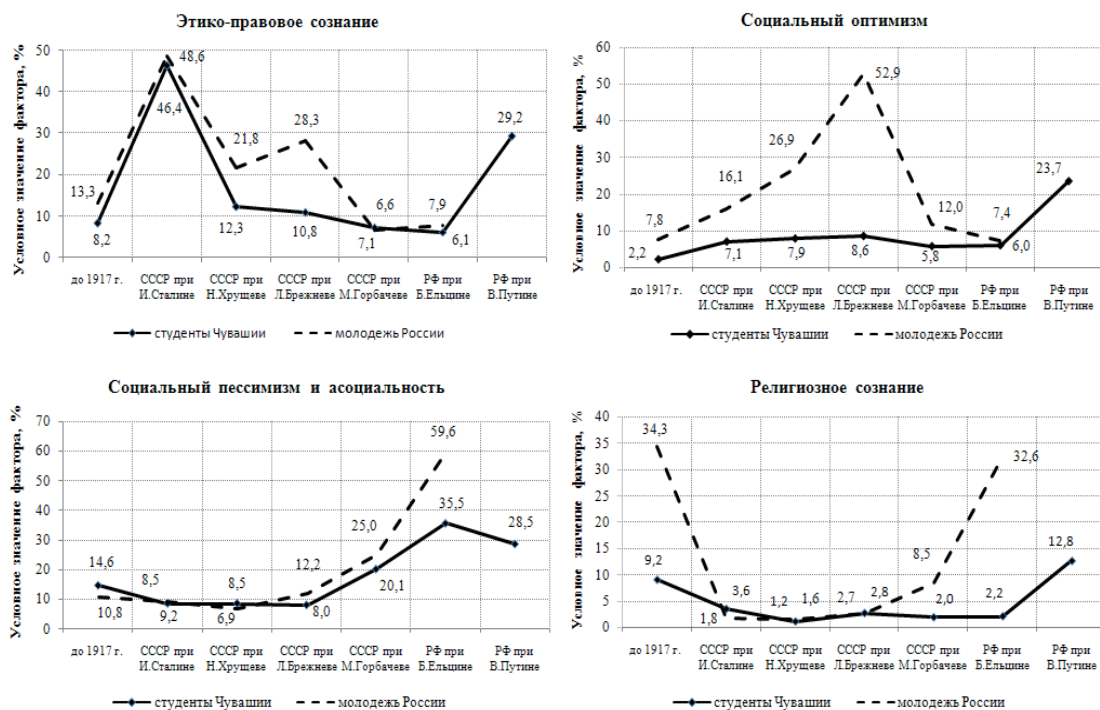

Рис. Элементы исторического сознания студентов вузов Чувашии и молодежи России в исторической ретроспективе

В целом метод многомерного факторного анализа выступает эффективным инструментом социологических исследований, позволяет классифицировать оценочные признаки респондентов, выделить фактурную структуру, оценить вклад отдельных признаков на формирование общего влияния фактора.

Библиографический список

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). С. 5–36.
3. Беляева Л.А. Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27.

Информация об авторе

Тарасов Владимир Тимофеевич (Россия, Чебоксары) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (tarvlad2015@yandex.ru).

ELEMENTS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS FOR YOUTH OF RUSSIA AND OF UNIVERSITY STUDENTS IN CHUVASHIA

Abstract. *The results of two sociological studies on the process of forming elements of the historical consciousness of the youth of Russia and students of Chuvashia in different periods of the rule of the leaders of the USSR and Russia are compared. Using factor analysis, generalizing estimates of various aspects of historical consciousness are identified, differences in estimates are explained.*

Key words: *historical consciousness of youth, factor analysis of social dynamics.*

Information about the author

Vladimir T. Tarasov (Russia. Cheboksary) – candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (tarvlad2015@yandex.ru).

References

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research]. Moscow: FNISTs RAN, 2020. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6
2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodezh' Rossii: demograficheskie tendentsii istoricheskoe soznanie [Russian Youth: Demographic Trends, Historical Consciousness]. Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2009, 6 (94), 5–36.
3. Belyaeva L.A. Rossiyskaya molodezh' v epokhu peremen: strukturnye izmeneniya i novye vyzovy sotsializatsii [Russian Youth in an Era of Change: Structural Changes and New Challenges of Socialization]. Voprosy filosofii, 2020, 10, 17–27.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ КАК РЕСУРСЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация. *Анализируются мнения российской молодежи об общенациональных целях, общенародной мечте, образе будущего России как ресурсе социальной интеграции российского общества и укрепления российской идентичности.*

Ключевые слова: *общенациональные цели, общенародная мечта, молодежь, российская идентичность.*

Во многих странах национальная идея, или национальная мечта, является результатом социального проектирования и инструментом социальной политики. Национальные цели развития органично связаны с образом будущего страны. Без четкого позитивного образа будущего страны, по большому счету, нет и ее будущего. Всегда такие образы были главным ресурсом консолидации народа и победы во время тяжелых испытаний, войн. Без такой общенациональной идеи, или российской мечты, не может укрепляться и российская идентичность. В основе гражданской идентичности находится не просто созерцательное отождествление себя с обществом, а содействие реализации общих целей, воплощения общенародной мечты.

Образ будущего страны становится действенной объединяющей силой при условии обеспечения единства образа будущего «Я», образа будущего общества и образа будущего цивилизации, культуры. Н.И. Лапин, продолжая идеи триединства «личность – культура – общество» П. Сорокина, в последние четверть века разрабатывал методологический принцип антропосоциокультурного подхода [1; 2]. Этот подход должен служить и при проектировании образа будущего России. Односторонний подход неизбежно оборачивается утопией.

Образы будущего страны в глазах молодежи изучались различными авторами, в данной статье нет необходимости дать более или менее описание изученности этого вопроса; укажем только некоторые работы [3–5]. Изучение представлений молодежи о должном будущем страны было одним из ключевых направлений и в нашем проекте. Вопрос для респондентов в возрасте от 16 по 30 лет в опросе 2021 года нами был сформулирован следующим образом: *«Должны ли быть общенациональные идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых в жизнь россияне могут объединиться?»*.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (руководитель – Р.Б. Шайхисламов) в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»: опроса молодежи, проведенного в 2021 году в 8 субъектах Российской Федерации (Белгородская, Тюменская области, Алтайский край, республики Алтай, Татарстан, Башкортостан, автономные округа – Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий; выборочная совокупность – 8000 респондентов, выборка многоступенчатая); экспертного опроса в октябре 2022 года (108 экспертов из 31 региона, из них 30% – доктора наук, 57% – кандидаты наук по 10 научным специальностям социально-гуманитарного профиля).

Таблица. Уровень востребованности интеграционных идей (мечты) среди молодежи

	Башкортостан	Татарстан	Алтайский край	Республика Алтай	Тюменская область (без АО)	ХМАО, ЯНАО*	Белгородская область
Да, вполне	39	34	31,9	30,4	36,5	35,5	44,2
Да, возможно	38,9	44	45,5	42,6	38,8	36,5	35,4
Скорее всего, нет	6,3	2	4,1	5,6	5,1	5,4	9
Однозначно, нет	3	5	1,9	3,6	2,3	2,3	2,4
Затрудняюсь ответить	12,8	15	16,7	17,8	17,1	20,2	9

* Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; Ямало-Ненецкий автономный округ.

Общенациональные идеи, общенародная мечта, обладающие интеграционным потенциалом, воспринимаются абсолютным большинством молодежи как должное. Другое дело – сущее: такие идеи в нашем обществе четко не сформулированы, не артикулированы теми или иными субъектами, не сложился консенсус относительно их содержания и в самом обществе, и в политической элите.

Каким хотела бы молодежь видеть будущее нашей страны? Образы будущего страны («должное») в глазах ранжируются в представлениях молодежи следующим образом: 1. «Россия без бедности»; 2. «Образованная страна»; 3. «Здоровый народ»; 4. «Чистая окружающая среда»; 5. «Комфортные условия жизни»; 6. «Россия без коррупции»; 7. «Страна научных открытий»; 8. «Страна дружественных народов»; 9. «Страна высокой духовности и культуры»; 10. «Спортивная держава»; 11. «Страна талантов»; 12. «Страна, где все понимают друг друга»; 13. «Страна добродетельных людей»; 14. «Ведущая военная держава».

То, что цели, связанные с преодолением бедности, улучшения условий жизни, сохранения здоровья, занимают верхние строки, вполне объяснимы; такие проблемы актуальны не только для молодежи, но и всех поколений. Для молодежи не менее актуальной целью является качественное образование, научный и технологический прорыв страны. Молодые люди понимают, что решение многих проблем – как личных, так и общественных, связаны с качеством образования. Такой запрос молодежи важно оправдывать, поскольку от этого зависит не только научно-технологическое и экономическое развитие страны, но и идентификация молодежью со своей страной. Для значимой части молодежи общенародной целью представляются и «страна талантов», и «страна научных открытий». Что касается целей, связанных с проблематикой нашего проекта, то отметим, что мечту «страна дружественных народов» разделяет более трети респондентов.

Насколько выбранные респондентами общенациональные цели, согласно их представлениям, могут стать общими, соответственно, объединительными для разных групп и слоев общества? В целом половина респондентов считает, что выбранные ими идеи, цели, мечты могут быть общими для всех, или большинства людей. Наибольший интеграционный потенциал молодежь видит в сфере межэтнических отношений (58% респондентов считают, что указанные ими цели могут объединить людей разной национальности). По другим социальным демаркационным линиям интеграционный потенциал идей оценивается немного меньше. 52,8% респондентов полагают, что указанные ими цели могут быть общими и для молодых, и старших поколений. Общими для богатых и малообеспеченных такие идеи могут быть общими по мнению 43,4% респондентов; примерно столько же (42,4%) допускают общность таких целей для политиков и «простых людей».

Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» № 474 от 21.07.2020 определено пять стратегических целей и первоочередных задач страны. Национальные цели не только дают ориентиры социально-экономического развития, но и могут служить основой для поиска общих точек соприкосновения интересов государства и гражданского общества. В связи с этим интерес представляет суждения молодежи о том, кто может и должен реализовывать эти цели. 16% молодых респондентов считает, что эти цели могут и должны быть реализованы только государственными органами. Это обусловлено не только патерналистскими настроениями части молодежи, но и общим посылом указа – оно адресовано государственным и муниципальным органам, и воспринимается как обязанность государства перед населением. Тем не менее, почти половина опрошенных молодых людей (48%) полагают, что эти цели могут и должны быть достигнуты общими, совместными усилиями государства и всех россиян. Позицию индивидуальной ответственности за достижение общенациональных целей занимают 8% респондентов, отмечая недостаточность усилий государства и общества.

Оценки опрошенных нами экспертов – ученых в различных отраслях социальных и гуманитарных наук сводятся к единому мнению: причинами отсутствия образа будущего нашей страны считают «разночтения» будущего среди политической элиты, ее недостаточной ориентации на национальные интересы, низкий уровень социального доверия, социально-экономическую поляризацию, ценностно-идеологическую неопределенность.

Конструирование образа будущего страны, «русской мечты» не должно сводиться лишь к воспитательным мероприятиям; оно должно идти в русле «нового внутреннего курса» страны – снижением уровня социальной поляризации, обновлением политической и административной элиты, вовлечением граждан в «управление общими делами». Образ будущего страны, русского общества формируется только тогда, когда человек видит себя в этом будущем, когда «Я – в будущем» и «Мы – в будущем» базируются на «Наша цивилизация в будущем».

Библиографический список

1. Лапин Н.И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 104–115.
2. Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3 (407). С. 3–14.
3. Маленков В.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Будущее России в представлениях постсоветской молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 3. С. 107–118.
4. Вилков А.А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2020. Т. 20. С. 64–68.
5. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В.К. Левашов [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с.

Информация об авторе

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович (Россия, Уфа) – доктор социологических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; rafaellbadretdinovich@mail.ru).

NATIONAL GOALS AS RESOURCES OF THE RUSSIAN IDENTITY OF YOUTH

Abstract. *The opinions of Russian youth about national goals, national dream, the image of the future of Russia as a resource for social integration of Russian society and strengthening of Russian identity are analyzed.*

Key words: *national goals, national dream, youth, Russian identity.*

Information about the author

Rafael B. Shaikhislamov (Russia, Ufa) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Bashkir State University (Russia, Ufa, Zaki Validi str., 32; rafaelbadretdinovich@mail.ru).

References

1. Lapin N.I. Basic interaction of people and civil-public culture as a subject of study. *Sociological research*, 2021, 5, 104–115.
2. Lapin N.I. Anthroposociocultural evolutionism – metatheoretical principle of studying human communities. *Sociological research*, 2018, 3 (407), 3–14.
3. Malenkov V.V., Farakhutdinov Sh.F. The future of Russia in the representations of post-Soviet youth. *Izvestia of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*, 2019, 3, 107–118.
4. Vilkov A.A. Images of the future in political science and public discourses of modern Russia. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*, 2020, 20, 64–68.
5. Where are you going, Russia? *Express information / V.K. Levashov [et al.]; ed. V.K. Levashov; SIC RAS. Moscow: FNISTC RAS*, 2021.

СЕКЦИЯ № 5

**Демографические аспекты социального развития
регионов России**

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК

Аннотация. *В ближайшей перспективе удельный вес молодого населения репродуктивного возраста будет неуклонно сокращаться, что скажется на демографической и экономической ситуации в регионах-донорах, куда относится и Ульяновская область. В этой ситуации важна роль социологических исследований миграционных процессов, которые могут оценить миграционный потенциал региона, спрогнозировать вероятные миграционные потоки и разработать соответствующие меры регулирования миграции с целью смягчения ситуации дисбаланса в развитии регионов.*

Ключевые слова: *Миграция населения, межрегиональная миграция, миграционные установки, миграционный отток, миграционные настроения.*

В постсоветское время внимание исследователей, в основном, было приковано к международной миграции в Россию и за ее пределы. В 2000-х гг. изучению процессов внутрироссийской миграции уделялось сравнительно мало внимания, так как трудовая миграция шла как стихийный процесс самоорганизации населения, не контролируемый и слабо регулируемый властными структурами. Ситуация изменилась в связи с экономическим кризисом 2008–2009 гг., когда резко обострилась проблема занятости населения. Нарастание кризисных явлений в экономике страны, а также рост внимания к социально-экономическим проблемам регионов со стороны государства стимулировали рост количества социологических исследований по теме внутренней миграции на региональном и межрегиональном уровне. Основную массу из них составляют исследования миграционной подвижности молодежи как возрастной когорты, обладающей наибольшей миграционной активностью, и в то же время способной повлиять на решение проблемы перераспределения трудовых ресурсов на территории России [2; 3; 5; 7].

Воздействие внутренней (прежде всего, межрегиональной) миграции на общество определяется не только объемом миграционных потоков, но и их возрастной и территориальной структурой [6; 7]. В последние годы здесь наблюдается ряд тревожных тенденций. Таким образом, продолжается рост диспропорции в пространственном размещении населения, прежде всего, трудоспособного и репродуктивного возраста. Депопуляция огромных территорий на севере и востоке страны, обладающих богатейшими природными ресурсами, может привести к тому, что их придется осваивать заново. Люди покидают обжитые места, так как не видят перспектив их дальнейшего развития, теряют или не могут найти работу. Небольшие (особенно сельские) населенные пункты, потеряв практически все работоспособное население, быстро деградируют, в них остается только нетрудоспособное по возрасту или по каким-то иным причинам население – те, кто не может никуда уехать.

Возрастной профиль интенсивности межрегиональной миграции в России имеет вид, типичный для большинства стран [5]. Большинство переселений (почти 40%) приходится на молодежь в возрасте от 16 до 29 лет. Самая низкая миграционная активность – у школьников и лиц пожилого возраста. Ярко выраженный пик, приходящийся на возраст 18 лет, связан с образовательной миграцией за пределы родного региона. Далее средняя интенсивность миграций плавно снижается, однако неболь-

шой пик наблюдается для возраста 23 года, связанный с трудовой или учебной миграцией выпускников вузов.

В [9] представлены результаты анализа внутренней (межрегиональной) миграции выпускников вузов четырнадцати регионов Приволжского федерального округа (ПФО). Ситуация с трудоустройством выпускников вузов, расположенных в регионах ПФО, выглядит как вполне благополучная: показатель трудоустройства составляет от 73 до 85%. Однако доля выпускников, трудоустроенных за пределами региона, в котором находится вуз (по отношению к общему числу трудоустроенных) колеблется в широких пределах: от 14,4% (Пермский край) до 41,8% (Республика Чувашия), что говорит о неравномерности развития регионов округа. В большинстве регионов ПФО число выехавших выпускников вузов превышает число въехавших в регион. Обнаружена ярко выраженная обратная корреляционная зависимость между количеством трудоустроенных за пределами региона выпускников и рейтингом социально-экономического развития региона: чем выше последний показатель, тем меньше выпускников вузов его покидает, и наоборот. Чаще всего выпускники переезжают в Москву и Санкт-Петербург, или в ближайшие к месту учебы регионы с более высоким уровнем жизни. Обращает на себя внимание и тот факт, что практически во всех регионах ПФО заработная плата у выехавших выпускников в среднем в 1,3 раза выше, чем у оставшихся. Это соответствует общероссийским и мировым основным тенденциям – стремлению молодежи переехать в более развитые регионы, более крупные населенные пункты, предоставляющие больше возможностей для карьерного и профессионального роста и повышения уровня жизни.

Выявление и социологический анализ миграционных установок и настроений молодежи региона является важным и актуальным для Ульяновской области направлением исследований. Демографическая ситуация в регионе в последние десятилетия является кризисной: начиная с 1993 г. наблюдается сокращение численности населения, в котором доля миграционной убыли в среднем составляет около 25% [1]. В последнее время фиксируется устойчивый рост образовательной и трудовой миграции молодежи, которая является самой перспективной и важной демографической группой для долгосрочного успешного развития региона. Численность молодежи в Ульяновской области имеет четкую тенденцию к снижению и за период с 2010 по 2018 год сократилась на 32,6% (с 270 до 182 тыс. чел.) [8]. С одной стороны, данная ситуация отражает общероссийскую демографическую тенденцию «старения населения», наблюдаемую в последние годы. С другой стороны, определенный вклад в указанную динамику вносят миграционные процессы.

В последние годы на базе Ульяновского государственного университета (УлГУ) проведен ряд социологических исследований, ставящих одной из своих задач изучение миграционных установок у представителей молодого поколения [1; 2; 4; 6; 8]. Все исследования выявили устойчивые миграционные установки молодежи региона. Например, 50,1% респондентов желают уехать в другой город. В качестве основных причин такого решения указывались высокий уровень заработной платы (56,3%) и возможность трудоустройства по специальности (50%), возможность саморазвития и самореализации (25,1%), наличие друзей и родственников (18,8%).

Отвечая на вопрос о перспективах занятости по специальности в г. Ульяновске, половина опрошенных оценили шансы как одинаковые. Тем не менее, 62% из них хотят уехать. Еще 38% полагают, что в г. Ульяновске шансы значительно ниже, и только 12% оценивают шансы трудоустройства в городе как более высокие, чем по стране.

Опрос [8] также показал, что 38% выпускников ульяновских вузов не планируют работать по своей профессии. Среди различных причин этого на первом месте (33,6%) стоит низкая заработная плата. Многие в процессе обучения испытывают разочарование в получаемой специальности. Более трети (35,9%) респондентов сменили бы направление обучения, если бы могли заново осуществить выбор, и менее половины (47,4%) выбрали бы тот же профиль. Подтверждается негативная общероссийская тенденция – разрыв между получаемой квалификацией и дальнейшими профессиональными планами. Можно сделать вывод, что рынок труда Ульяновской области не выдерживает конкуренции с другими субъектами, так как не может предоставить местным молодым людям рабочие места, соответствующие их запросам, полученной профессии и требованиям к заработной плате. По этой причине их профессиональные стратегии слабо связаны с региональным рынком труда.

Таким образом, результаты опросов отчасти подтверждают существование на региональном рынке труда фундаментальной проблемы: отсутствует связь системы профессиональной подготовки с потребностями экономики региона. В связи с невозможностью трудоустройства по специальности и реализации своего трудового потенциала регион покидает наиболее талантливая и перспективная молодежь. Анализ проведенных исследований показывает, что возрастает необходимость в дополнительных систематических, комплексных социологических исследованиях, направленных на выявление особенностей различных категорий молодежи, образовательных организаций и отдельных направлений подготовки с целью выделения наиболее проблемных групп и разработки практических рекомендаций для руководящих структур.

Основным механизмом снижения миграционного оттока населения является налаживание согласованного взаимодействия образовательной системы и ключевых предприятий региона. Если эти механизмы не отлажены и образовательные учреждения выпускают молодых специалистов, невостребованных на региональных рынках труда, то это приводит к росту безработицы среди молодежи, увеличению числа желающих сменить профессию и в итоге ведет к формированию активных миграционных намерений среди той части населения, которое должно обеспечивать поступательное развитие региона. Новые, «рыночные» профессии высокой квалификации востребованы в основном в больших городах, что также определяет основной вектор миграционного поведения. Проблемы молодежи на рынке труда осложняют их идеализированное представление о жизни и работе, завышенные требования к начальному размеру заработной платы и к условиям труда [1; 4].

Задачу сдерживания миграционного оттока необходимо решать совместными усилиями органов регионального управления и территориальной системы образования, стержнем которой являются вузы [2].

Таким образом, стоящая перед социологами задача изучения проблемы миграционного поведения в региональном аспекте важна с точки зрения будущего страны. Однако эти вопросы в современной социологии изучены пока недостаточно. Важными задачами, стоящими перед социологией миграций в ближайшем будущем, являются:

- исследование миграционного потенциала молодежи в его взаимосвязи с показателями социально-экономического развития регионов;
- участие в разработке рекомендаций для повышения эффективности региональной молодежной политики в деле создания условий, способствующих закреплению молодежи в российских регионах.

Библиографический список:

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Семья как фактор образовательной миграции молодежи (на примере Ульяновской области) // Жизнь на чемоданах: мобильность семьи и социальное благополучие. Владивосток, 2018. С. 117–132.
2. Захарова И.В. Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 71–84.
3. Зорин В.Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 3 (39). С. 40–50.
4. Кадничанская М.И. Трудовые стратегии молодежи г. Ульяновска // Молодежь Ульяновской области как объект социогуманитарного анализа: аналитика, исследования, мнения: сб. науч. трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2019. С. 53–63.
5. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 47–65.
6. Климович Л.В., Шитикова М.И. Социально-экономические факторы миграционных установок студенческой молодежи // Инновационный потенциал молодежи – 2014: сб. работ студентов и аспирантов по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества. 2014. С. 208–212.
7. Самонина С.С. Межрегиональная миграция в современной России (территориальный аспект) // Известия Саратовского ун-та. Сер.: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 3. С. 151–155.
8. Светульников М.Г., Маркелова С.В., Сурков А.А. Миграционные настроения молодежи Ульяновской области // Вестник Екатеринбургского ин-та. 2020. № 1 (49). С. 105–108.
9. Фадеева И.М., Софронов Д.А. Траектории межрегиональных миграций выпускников вузов Приволжского федерального округа // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45). С. 108–119.

Информация об авторе

Власова Наталья Владимировна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; vla-nataly@yandex.ru).

Vlasova N.V.

PROBLEMS OF REGIONAL IDENTITY OF MODERN YOUTH: STUDY OF MIGRATION ATTITUDE

Abstract. *In the near future, the proportion of the young population of reproductive age will steadily decrease, which will affect the demographic and economic situation in the donor regions, which includes the Ulyanovsk region. In this situation, the role of sociological studies of migration processes is important, which can assess the migration potential of the region, predict likely migration flows and develop appropriate measures to regulate migration in order to mitigate the situation of imbalance in the development of regions.*

Key words: *Population migration, interregional migration, migration attitudes, migration outflow, migration sentiments.*

Information about the author

Natalia V. Vlasova (Russia, Ulyanovsk) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (42, Lev Tolstoy Street, Ulyanovsk, 432017, Russia; vla-nataly@yandex.ru).

References

1. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I. Family as a factor of educational migration of youth (on the example of the Ulyanovsk region). *Life on suitcases: family mobility and social well-being*. Vladivostok, 2018, 117–132.
2. Zakharova I. V. Containment of interregional educational migration: The role of universities. *Higher education in Russia*, 2019, 7, 71–84.
3. Zorin V.Yu. Migration situation in the Russian Federation: Problems and solutions. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2019, 3 (39), 40–50.
4. Kadnichanskaya, M. I. Labor strategies of the youth of Ulyanovsk. *Youth of the Ulyanovsk region as an object of socio-humanitarian analysis: Analytics, research, opinions: collection of scientific papers*. Ulyanovsk: UISTU, 2019, 53–63.
5. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Interregional migration in Russia: Age features. *Demographic review*, 2016, 3.
6. Klimovich L.V., Shitikova M.I. Socio-economic factors of migration attitudes of student youth. *Innovative potential of youth – 2014. Collection of works by students and postgraduates based on the results of the All-Russian festival of scientific creativity*, 2014, 208–212.
7. Samonina S.S. Interregional migration in modern Russia (territorial aspect). *News of Saratov University. A series of Earth Sciences*, 2016, 16 (3), 151–155.
8. Svetunkov M.G. [et al.]. Migration moods of the youth of the Ulyanovsk region. *Bulletin of the Catherine Institute*, 2020, 1 (49), 105–108.
9. Fadeeva I.M., Sofronov D.A. Trajectories of interregional migrations of graduates of universities of the Volga Federal District. *Izvestiya Vuzov. Volga region. Social sciences*, 2018, 1 (45), 108–119.

ДИНАМИКА МИГРАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются миграционная динамика детей и подростков, а также мигрантов с указанием брачного статуса. Приводятся данные статистики на основании документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2019 г. – форм федерального статистического наблюдения), которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Ключевые слова: миграция, семья, дети, брак, регион.

Миграционные процессы в России обусловлены разными природно-климатическими, социально-экономическими и политическими условиями. Эффективное управление ими помогает сбалансировать спрос и предложение рабочей силы на региональном рынке труда. Для современного российского государства характерна центростремительная направленность миграционных потоков – стягивание населения к привлекательным территориям, тем самым обрекая остальные регионы на сложности в экономическом развитии.

Миграционный процесс затрагивает не только взрослое население, но и детей, которые сопровождают родителей при переезде. Необходимо отслеживать ситуацию с составом семей, которые меняют место жительства. Проблемы миграции привлекают внимание исследователей, исследуются образовательные причины миграции [1; 2], вопросы миграции молодежи из малых городов и поселений [3; 4], влияние удаленной работы на миграционные установки [5]. Актуальным остается вопрос определения общих тенденций миграционных потоков молодых людей, наиболее привлекательных регионов России.

По данным Росстата миграционный прирост мигрантов в возрасте 0–17 лет составил 53104 в 2015 году. Большая часть из них, около 43% (22761 человек), приходится на возраст от 6 до 13 лет, согласно данным Росстата. 36% в возрасте 0–5 лет и 21% в возрасте от 14 до 17 лет. От общего числа мигрантов доля детей и подростков составляла 21,6%. Большая часть мигрантов приезжала из Украины, Казахстана и Таджикистана [6, с. 66].

В 2020 году этот показатель уменьшился до 23030 человек. Структура практически не изменилась (35% – дети в возрасте от 0 до 5 лет, 45% – от 6 до 13 лет, 20% – от 14 до 17 лет). Лидер-страна как среди прибывших, так и среди выбывших из России мигрантов в возрасте 0–17 лет – Украина (11814 человек выбыло и 7208 прибыло). В Казахстан уехало 7112 детей и подростков и прибыло 2464, в Таджикистан 4679 и 6844 соответственно.

За последние десять лет показатель миграционного прироста колебался. В период с 2011 по 2014 год он находился в районе отметки 30000 человек. В 2015 году было зафиксировано наибольшее значение этого показателя (53104 детей и подростков). В 2020 году – самое наименьшее (23030 детей и подростков), что может быть связано с пандемией коронавируса.

Число прибывших мигрантов в возрасте 14 лет и старше по брачному состоянию в 2020 году составило 3416431 человек, из которых большая часть (43%) состоящие в браке, 31% – никогда не состояли в браке, на не указавших брачное состояние пришлось 12%. На разведенных и вдовых приходится 9 и 5% соответственно [6, с. 72]. Выбывших мигрантов меньше на 88029 человек, в сравнении с прибывшими. По статистике мы видим примерно одни и те же цифры в процентном соотношении. Значительное различие можно наблюдать среди людей, не указавших брачное состояние – таковых 40%.

Рассматривая статистику по прибывшим, можем заметить, что брачные пары чаще меняют место жительства в сравнении с людьми со статусами никогда не состоявших в браке (наиболее близкий показатель к ним), вдовых, разведенных и т.д. По выбывшим наблюдаем идентичную картину. Большая часть выбывших это состоящие в браке. В случае с выбывшими эта тенденция так же сохраняется последние 10 лет.

Рассматривая показатели распределения мигрантов в возрасте 14 лет и старше по территориям прибытия и выбытия, можем увидеть, что почти 26% от общего числа прибывших приходится на Центральный федеральный округ Российской Федерации, в котором почти 50% приходится на Московскую область и Москву. Это может означать, что центральные регионы России наиболее привлекательны для мигрантов. Второй по этому показателю – Приволжский федеральный округ (около 17%). В ПФО наибольший показатель прибывших наблюдается в Башкортостане – 97577 человек, что составляет 17% по ПФО. На втором месте – Татарстан (70510 человек, 12% по ПФО). В каждом из этих регионов сохраняется тенденция, что наибольшее число прибывших в статусе состоящих в браке.

Ульяновская область находится в тройке регионов с наименьшим показателем прибывших – 19491 человек, занимая место перед Республикой Марий Эл (15814 человек) и Республикой Мордовией (16131 человек). Всего 3.3% прибывших приходится на Ульяновскую область [6, с. 74].

По числу выбывших идентичная ситуация. 26% выбывших приходится на Центральный федеральный округ, тогда как ПФО сохраняет второе место с показателем (18%). Башкортостан и Татарстан сохраняют за собой наибольшие показатели по выбывшим. Ульяновская область так же имеет один из наименьших показателей по ПФО.

Таким образом, показатели миграционного прироста показывают положительные отметки в Центральном федеральном и Северо-Западном федеральном округах. Москва и Московская область обладают наивысшими показателями в ЦФО, являясь наиболее привлекательными для мигрантов.

Самые неблагоприятные для миграции субъекты – Смоленская, Владимирская, Тамбовская, Тульская, Тверская и Ярославская области. У них отрицательный показатель миграционного прироста в ЦФО.

В Северо-Западном федеральном округе наивысший показатель держат Ленинградская область и г. Санкт-Петербург (второй по значимости город России после Москвы), сохраняя за собой 86% от общего прироста по округу [6, с. 79].

Высокий показатель миграционного прироста показывает Южный федеральный округ во главе с Краснодарским краем, на который приходится около 47% прироста по ЮФО. Связано это с благоприятными климатическими условиями в Южных регионах страны. Отрицательный показатель в ЮФО наблюдается только в Астраханской области (-4397 человек) и Республике Калмыкии (-797 человек) [6, с. 80].

Отрицательное значение показателя миграционного прироста среди федеральных округов у Сибирского (-21921 человек). На втором месте – Приволжский федеральный округ (-18745 человек) [6, с. 81]. В ПФО положительный прирост наблюдается лишь в трех регионах – Республике Татарстан, Нижегородской области и Самарской области (с незначительным показателем -2). Связано это с развитием туристических направлений у них и городов в последние десятилетия.

Таким образом, за последние 10 лет показатель миграционного прироста в России колебался от 53 до 23 тыс. чел. 21,6% от общего числа мигрантов – это дети и подростки. Большая часть как прибывших, так и выбывших имеет статус состоящих в браке. Направления миграции по территориальному показателю имеют устойчивый характер. Центральные регионы России наиболее привлекательны для мигрантов. 26% от общего числа прибывших приходится на Центральный федеральный округ Российской Федерации. 17% – на Приволжский федеральный округ. Аналогичная ситуация и с выбывшими.

Библиографический список

1. Ключко Т.Л., Семионова Е.А. Образовательная миграция: основные причины // Экономическое развитие России. 2021. № 2. С. 60–63.
2. Габдрахманов Н.К. [и др.]. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116.
3. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
4. Бадмаева Н.В. Миграция сельского населения южнороссийских регионов: проблемы, тенденции, направления // Oriental Studies. 2018. Т. 11. № 3. С. 152–164.
5. Иванова Т.Б., Митрофанова И.В. Удаленная занятость: расширение антимиграционных факторов (на примере субъекта ЮФО) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Экономика. 2021. № 3. Т. 23. С. 26–37.
6. Семья и дети в России. 2021: стат. сб. / Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021. 116 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti.pdf (дата обращения 10.10.2022).

Информация об авторах

Галкина Елена Петровна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; contact@ulsu.ru).

Климович Людмила Валерьевна (Россия, Ульяновск) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова (Россия, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5; lusek84@yandex.ru).

Galkina E.P., Klimovich L.V.

DYNAMICS OF MIGRATION OF CHILDREN AND YOUTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article analyzes the migration dynamics of children and adolescents, as well as migrants, indicating the marital status. Statistical data are provided on the basis of documents of statistical accounting of arrivals and departures received from the territorial bodies of the*

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (since 2019 – forms of federal statistical observation), which are compiled during registration and deregistration of the population at the place of residence, as well as when registration at the place of stay for a period of 9 months or more.

Key words: *migration, family, children, marriage, region.*

Information about the authors

Elena P. Galkina (Russia, Ulyanovsk) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (42, Lev Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia; contact@ulsu.ru).

Ludmila V. Klimovich (Russia, Ulyanovsk) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (4/5, Lenin square, Ulyanovsk, 432071, Russia; lusek84@yandex.ru).

References

1. Klyuchko T.L., Semionova E.A. Educational migration: main reasons. *Economic development of Russia*, 2021, 2, 60–63.
2. Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Educational migration of youth and optimization of the network of universities in cities of different sizes. *Voprosy obrazovaniya*, 2022, 2, 88–116.
3. Mkrtchyan N.V. Migration of youth from small towns in Russia. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2017, 1, 225–242.
4. Badmaeva N.V. Migration of the rural population of the South Russian regions: problems, trends, directions. *Oriental Studies*, 2018, 11 (30), 152–164.
5. Ivanova T.B., Mitrofanova I.V. Remote employment: the expansion of anti-migration factors (on the example of the subject of the Southern Federal District). *Bulletin of the Volgograd State University. Economy*, 2021, 3 (23), 26–37.
6. Family and children in Russia. 2021: Stat. Sat. Rosstat, Public Chamber of the Russian Federation, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti.pdf

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируются миграционные намерения молодежи Ульяновской области, приводятся результаты ряда социологических исследований, проведенных в регионе с 2019 по 2021 год, и статистические данные по Ульяновской области. Делаются выводы о продолжающемся невозвратном оттоке молодежи из региона.

Ключевые слова: миграция, миграционные намерения, миграционные настроения, регион, Ульяновская область, молодежь.

Миграция в эпоху глобализации охватывает весь современный мир, становится неотъемлемой составляющей любого государства. Миграция – это пространственное перемещение людей из одного региона страны в другой, либо с одного государства в другое. В настоящее время актуальным становится изучение внутренней миграции, так как она влияет не только на количественную составляющую проживающего населения, но и на его качественный состав. Наблюдаются основные тенденции переселения трудоспособного и репродуктивного населения из северных и восточных регионов страны в центральную, северо-западную и юго-западную ее части. Происходит депопуляция территорий и сокращение количества населенных пунктов. Молодежь активно покидает регионы с менее развитой экономикой. Это говорит о слабой культуре укорененности у молодых людей как основы региональной идентичности.

Учеными Ульяновской области активно изучаются миграционные установки молодых людей, так как в регионе отмечается довольно высокий уровень их миграционных настроений. Об этом свидетельствуют результаты ряда авторских социологических исследований, проводимых на территории Ульяновской области [1–4].

Необходимо отметить, что в Ульяновской области наблюдается сокращение численности населения с 1993 года, в котором доля миграционной убыли в среднем составляет около 25% [3, с. 118–119]. Основываясь на данных Федеральной службы государственной статистики, постоянное население Ульяновской области на начало 2022 года составило 1203969 человек. В сравнении с 2021 годом оно уменьшилось на 14350 человек, из них область покинули 625 человек [5].

По данным за январь-июнь 2022 года большую долю миграции представляет внешняя, где число выбывших составляет 6530 человек, а прибывших – 6080 человек. При этом наблюдается высокая доля внутрирегиональной миграции (4655 чел.). Данные межрегиональной миграции говорят о том, что число выбывших (5151 чел.) больше количества прибывших (4301 чел.) практически на 1000 человек [6].

Проведенные в регионе социологические исследования показывают устойчивые миграционные намерения молодежи.

В 2019 году Центром стратегических исследований Ульяновской области было проведено социологическое исследование «Исследование причин, способствующих миграционному оттоку с территории Ульяновской области, в том числе молодежи и высококвалифицированных специалистов» методом анкетирования. Было опрошено 1600 студентов ссузов и вузов Ульяновской области, выборка многоступенчатая квотная. Результаты исследования показали, что 59% выпускников хотят уехать из

Ульяновской области для дальнейшего трудоустройства. Студенты ссузов переезд в другой регион или страну рассматривают как возможность получения высоких доходов (23%), перспектив профессионального роста (13%), возможность улучшить жилищные условия (9%). Для студентов вузов причинами переезда являются: возможность получения высоких доходов (26%), перспективы профессионального роста (14%), возможность трудоустроиться как по полученной специальности (12%), так и по любым другим специальностям (9%).

Всего 23% выпускников хотят остаться работать в г. Ульяновске и области. Студенты ссузов остаются работать в Ульяновской области, так как в регионе проживают их родственники (20%), есть возможность трудоустроиться по специальности (14%), имеются друзья и хорошие знакомые (13%). Студенты вузов отмечают следующие причины, по которым они остаются: наличие родственников (20%), возможность трудоустроиться по специальности (19%), профессиональные контакты (14%).

Таким образом, в регионе выпускников удерживают в большей степени родственные, личностные связи. При этом для опрошенных женщин наличие родственников в регионе более значимо, чем для мужчин (женщины – 29%, мужчины – 8%), так же для них более значимы профессиональные контакты (женщины – 26%, мужчины – 12%). Мужчины чаще, чем женщины выбрали ответ «трудоустройство по специальности» – 47% (у женщин – 35%).

В ноябре 2021 года «Центр управления регионом Ульяновской области» провел социологическое исследование «Миграционные намерения современной молодежи в регионе Ульяновская область». Опрос был проведен с 23 ноября по 27 ноября 2021 года методом онлайн-анкетирования среди пользователей наиболее популярных в Ульяновской области социальных сетей. Было опрошено 503 респондента, выборка квотная.

32% молодежи региона планируют в ближайшее время переезд в другой город, регион, страну, 55% – не планируют, 13% – затруднились ответить. 39% респондентов планируют переезд в течение ближайших 1–2 лет, 37% – в течение 3–5 лет, 19% – думали о переезде, но не знают, когда. 62% опрошенных планируют переехать в другой город России, 23% – в другую страну, 2% – в другое муниципальное образование Ульяновской области, 13% – затруднились ответить. Для реализации своих планов по переезду, респонденты предпринимают следующие действия: копят деньги на переезд (54%), изучают информацию о месте, куда хотят переехать (42%), консультируются со знакомыми, проживающими в месте планируемого переезда (41%). В качестве основных причин возможного переезда респонденты указали: получение высокооплачиваемой работы (65%), возможность жить в стране/ регионе/ городе своей мечты (39%), получение интересной работы (30%). К факторам привлекательности места переезда опрошенные отнесли: уровень жизни (83%), уровень экономического развития (65%), социальная стабильность (49%). Обстоятельства, которые способны препятствовать переезду молодежи: ухудшение материального положения (41%), семейные обстоятельства (35%).

В течение ближайших 1–2 лет планируют свой переезд чаще: мужчины (55%), респонденты в возрастной группе 25–35 лет (70%), опрошенные без детей (66%), молодые люди с незаконченным высшим или высшим образованием (70%), респонденты, имеющие работу (77%).

62% опрошенных планируют переехать в другой город России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Краснодар, Адлер, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Сочи, автономная республика Крым, Самара, Мурманск, Орел, Саранск), 23% – в другую

страну (США, Германия, Израиль, Великобритания, Аргентина, Канада, Литва, Норвегия, Польша, Тайланд, Финляндия, Чехия, Швейцария), 2% – в другое муниципальное образование Ульяновской области (г. Ульяновск), 13% – затруднились ответить.

Респонденты отмечают следующие факторы привлекательности места для переезда: уровень жизни (83%), уровень экономического развития (65%), социальная стабильность (49%).

Таким образом, внимание к проблемам миграции обусловлена негативными процессами невозвратного оттока населения из региона. Образовательная и трудовая миграции молодежи за пределы родного региона связаны с видением своих жизненных планов и карьерным ростом, а также с пониманием социально-экономических условий, созданных в Ульяновской области и территориальной системой образования. Основным механизмом снижения миграционного оттока населения может служить устранение дисбаланса образовательной системы и рынка труда. Оценка миграционной подвижности населения исследуемой территории позволяет спрогнозировать объем и направление потенциальных миграционных потоков различных групп населения. Для измерения миграционной подвижности могут быть задействованы различные индикаторы, в зависимости от доступности тех или иных статистических сведений по данной территории или группе населения.

Библиографический список

1. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Проблемы развития трудового потенциала и ресурсов в контексте государственной политики региона (на примере Ульяновской области) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 256–271.
2. Кадничанская М.И., Галкина Е.П., Климович Л.В. Социально-экономические факторы миграционных установок молодежи Ульяновской области // 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development – «XVII International Social Congress (ISC-2017)». XVII Международный конгресс ISC-2017. Конференция ESD 30–31 октября 2017 г., г. Москва, РГСУ. С. 552–559.
3. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Семья как фактор образовательной миграции молодежи (на примере Ульяновской области) // «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие. Владивосток, 2018. С. 117–132.
4. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Проблемы безработицы молодежи (выпускников учебных заведений) в Ульяновской области // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 85–99.
5. Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 20.03.2022).
6. Миграция населения Ульяновской области за январь – июнь 2022 года. URL: <https://uln.gks.ru/folder/161867/document/178671> (дата обращения 20.03.2022).

Информация об авторах

Кадничанская Марина Ивановна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; contact@ulsu.ru).

Галкина Елена Петровна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; contact@ulsu.ru).

Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P.

MIGRATION INTENTIONS OF YOUNG PEOPLE IN CONDITIONS OF INSTABILITY: REGIONAL ASPECT

Abstract. *The article analyzes the migration intentions of the youth of the Ulyanovsk region, presents the results of a number of sociological studies conducted in the region from 2019 to 2021 and statistical data on the Ulyanovsk region. Conclusions are drawn about the continuing irretrievable outflow of young people from the region.*

Key words: *migration, migration intentions, migration sentiments, region, Ulyanovsk region, youth.*

Information about the authors

Marina I. Kadnichanskaya (Russia, Ulyanovsk) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (42, Lev Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia; contact@ulsu.ru).

Elena P. Galkina (Russia, Ulyanovsk) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (42, Lev Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia; contact@ulsu.ru).

References

1. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P. Problems of development of labor potential and resources in the context of state policy of the region (on the example of the Ulyanovsk region). Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies, 2017, 3 (4), 256–271.
2. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P., Klimovich L.V. Socio-economic factors of migration attitudes of the youth of the Ulyanovsk region. 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development – «XVII International Social Congress (ISC-2017)». XVII International Congress ISC-2017. ESD Conference October 30–31, 2017, Moscow, RSSU, 552–559.
3. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I. Family as a factor of educational migration of youth (on the example of the Ulyanovsk region). «Life on suitcases»: family mobility and social well-being. Vladivostok, 2018, 117–132.
4. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I. Problems of youth unemployment (graduates of educational institutions) in the Ulyanovsk region. Proceedings of Tula State University. Humanities, 2020, 4, 85–99.
5. The number and migration of the population of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed 03.20.2022).
6. Migration of the population of the Ulyanovsk region in January – June 2022. URL: <https://uln.gks.ru/folder/161867/document/178671> (accessed 03.20.2022).

ТУРЦИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА НА ФОНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ¹

Аннотация. Страны СНГ были основными направлениями трудовой миграции из Таджикистана после распада СССР. Новые санкции ЕС и США против России повлияли на ее экономику, в том числе на доходы трудовых мигрантов из Таджикистана. Сокращение доходов и подорожание патентов вынудили некоторых таджикских трудовых мигрантов искать новое направление трудовой эмиграции в страны ОЭСР и Турции.

Ключевые слова: эмиграция, Турция, Таджикистан, трудовые мигранты, Россия, США, страны ЕС.

Информация об авторе

Рахмонов Абубакр Хасанович (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение ФНИСЦ РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; abubak.93@mail.ru).

Rakhmonov A.Kh.

TURKEY AS A NEW DIRECTION OF LABOR MIGRATION FROM TAJIKISTAN AGAINST THE BACKGROUND OF THE CRISIS IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. The CIS countries were the main directions of labor migration from Tajikistan after the collapse of the USSR. New EU and US sanctions against Russia have affected its economy, including the incomes of migrant workers from Tajikistan. The decline in income and the rise in the price of patents have forced some Tajik labor migrants to seek a new direction of labor emigration to the OECD countries and Turkey.

Key words: emigration, Turkey, Tajikistan, labor migrants, Russia, USA, EU countries.

Diplomatic relations between the Republic of Tajikistan and the Republic of Turkey were established on January 29, 1992.

Tajikistan and Turkey have a cultural heritage that is closely connected with the name of the great thinker Mavlono Jaloliddin Balkhi. The historical and cultural values of the peoples of the two countries have provided extensive opportunities for the further development of relations between the two countries. In this regard, on the initiative of both sides, an international symposium in memory of Mavlono Jaloliddini Balkhi was held in Dushanbe on October 19-20, 2018 [1].

One of the popular emigration channels from Tajikistan is Turkey. The visa-free regime between Turkey and Tajikistan allows migrants from Tajikistan to go to labor migration to Turkey.

Turkey will lift visa restrictions for Tajik citizens. According to Varank, the Minister of Industry and Technology of the Republic of Turkey, the restrictions will be lifted in January 2022. At the moment, with a Tajik passport without a visa, you can stay in Turkey for up to 30 days, with a service passport – up to 60 days, with a diplomatic passport – up to 90 days [2].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00210.

According to the Minister, this initiative should deepen historical and cultural ties through joint development and cooperation in the fields of education and tourism.

In recent years, few labor migrants have gone to this country for employment, but against the background of the crisis in the Russian economy due to the sanctions of the EU and the United States, this emigration channel has become realistic for citizens of Tajikistan.

Most migrants from Tajikistan choose ancient Istanbul to work and live in this country. Many Tajik citizens in Istanbul mainly work in markets and in the service sector.

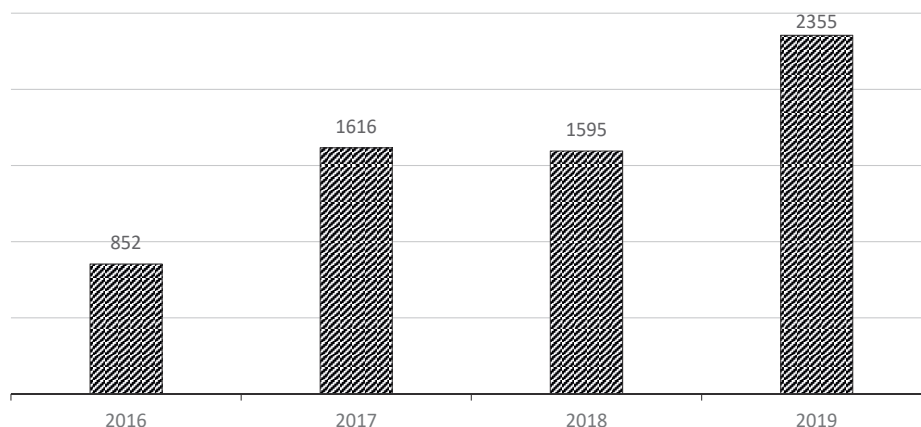

Figure 1. Inflow of migrants from Tajikistan to Turkey in 2016–2019, people

Source: OECD. Available at: <https://stats.oecd.org> [3].

For 2016-2019, about 6.5 thousand people. They emigrated from Tajikistan to Turkey (fig. 1).

Many highly qualified citizens of Tajikistan also leave for labor migration due to low wages at home. According to Zarin, a native of Tajikistan: *“I came here three years ago. Graduated from the pedagogical University, then taught English at school. The salary was not enough – we have several younger sisters and brothers in our family besides me. There is no father, only the mother worked. I felt sorry for her, I wanted to help. Once a neighbor who sells gold jewelry on the Korvon said that she was invited to Turkey to work in a store, but she could not leave her children here. Then I proposed my candidacy. A couple of calls, long persuasions from my mother, and a month later I was in Istanbul”* [4].

Citizens of Tajikistan also advise their compatriots, primarily women, not to look for work in Turkey online, as many may be deceived. They advise you to go to work officially, as a group, or through close acquaintances whom they know well.

At the beginning of 2018, the average wage of Tajik migrants in Turkey was about 500 US dollars. The salary was not big compared to Russia, but it is better than in Tajikistan [5].

Those who were deported from Russia are also leaving Turkey. Aksaray district is home to a large community of Tajiks who earn their living by driving, cleaning streets and working in textile factories. Women mostly get jobs as housekeepers and salespeople.

A truly Babylonian mixture of peoples and languages makes Istanbul particularly attractive. Therefore, they do not pay much attention to the appearance of Tajiks.

But they have no illusions about the difficulties. According to a migrant from Tajikistan: *“If you compare Turkey with Russia, it’s like heaven and earth. There are no constant checks, people are kinder. But even here it is difficult to work legally. I couldn’t issue my documents,»*

he said Eurasianet.org one Tajik who was deported from Russia and refused to give his name. – In addition, if Russians are sometimes ashamed to engage in unskilled labor, then the Turks have no problems with this, so there is a lot of competition for such work” [6].

The instability of the Turkish economy is also fraught with consequences. The average salary is about 1,500 Turkish lira. At the beginning of 2018, this was approximately 500 US dollars, but as a result of the devaluation of the lira, this amount was reduced to 280 US dollars. Many of those who are helped to come from Tajikistan cannot afford to rent a house and sleep in the same workshops where they spend the whole day [2].

Despite the low wages in Turkey compared to Russia, good relations on the part of the population and the authorities force Tajik migrants to stay and work in Turkey.

Another of the channels of emigration from Tajikistan to Turkey is refugees and asylum seekers.

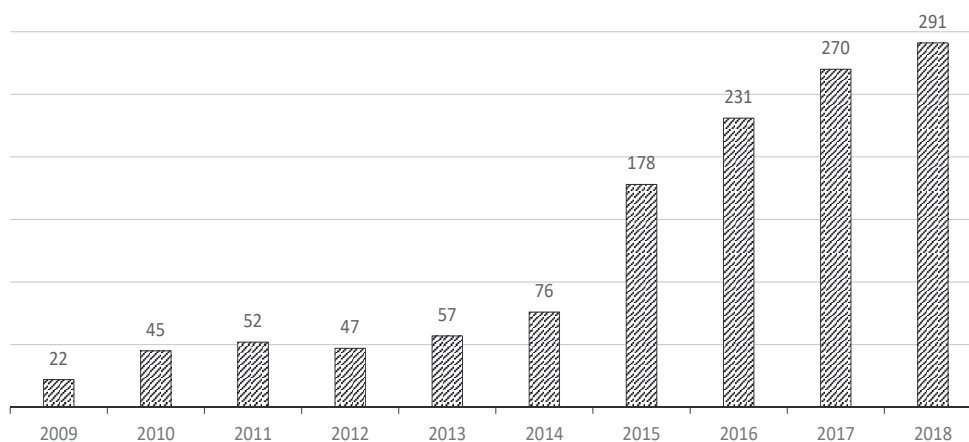

Figure 2. Statistics of refugees and asylum seekers from Tajikistan to Turkey in 2009–2018, people

Source: UNHCR data. Available at: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=6awWCn> [7].

In 2009–2018, about 1,269 Tajik citizens sought asylum and received refugee status in Turkey (fig. 2).

Due to mutual steps in the field of taxation, logistics and visa-free regime, it will be possible to increase the trade turnover between Turkey and Tajikistan to \$ 1 billion. In 10 months of 2021, the volume of Turkish-Tajik trade turnover reached 362 million dollars [2].

References

1. Tajikistan's relations with Turkey. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/25/otnosheniya-tadzhikistana-s-turtsiei>
2. Turkey has canceled the visa regime for Tajik citizens. Sputnik Tajikistan. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211221/tajikistan-vizi-turkey-1044293862.html>
3. OECD data. URL: <https://stats.oecd.org>
4. Shodiev Kh. Tajik migrants are heading West. They don't feel like strangers there. Asia-Plus. URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20220407/tadzhikskie-migranti-idut-na-zapad-tam-oni-ne-chuvstvuyut-sebya-chuzhimi>.
5. Zakirova V. Work in Turkey: Where to find, how to get a job and how much can you earn? RestProperty. URL: <https://prian.ru/pub/36100.html>

6. Tajik labor migrants go to Turkey instead of Russia. Eurasianet.org. URL: <https://clck.ru/34Rvms>
7. UNHCR data. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=6awWCn>

Information about the author

Abubakr K. Rakhmonov (Russia, Moscow) – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the FCTAS RAS (6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia; Abubak.93@mail.ru).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье показан междисциплинарный концепт человеческого капитала. В узком смысле человеческий капитал в большей степени отражает социально-экономические аспекты, такие как участие рабочей силы в приращение общественного богатства. В широком смысле объединение подходов философии, социологии, психологии. Предложены пути развития концепции.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный, психологический, консолидация, знания, умения.

Изначально концепция человеческого капитала опиралась на представления о том, что повышение производительности труда ведет к экономическому росту, чему глобально и локально способствуют инвестиции в знания, умения, навыки и иные особенности работников [1]. Мы согласны с Ю. Латовым и Н. Тихоновой, разграничивших термин на узкое и широкое его понимание [2]. В узком смысле человеческий капитал входит в индивидуализированный набор «знаний, навыков, умений и других характеристик», повышая экономические результаты [3]. Уже более полувека экономисты и представители смежных наук разнообразно модифицируют уравнение Минсера вклада человеческого капитала (в узком смысле этого термина) в заработную плату [4]. Однако сегодня даже классические экономисты согласны, что такие определения не исчерпывают изменчивость. Общепринятым стало мнение, что развитие стран прямо зависит от инвестиций в человеческий капитал, что подтверждалось эмпирическим опытом, но количественные модели такой позитивистской оценки подтверждали со слишком большими ошибками. Второй точкой консенсуса стало понимание, что кроме жестких компонент, необходимо учитывать и мягкие. Поэтому практически все заинтересованные теоретики направляли усилия на поиск способов учета этих компонент. Классики изначально рассматривали человеческий капитал и как форму культурного капитала (П. Бурдьё), и как самостоятельную форму социологии рационального выбора (Д. Коулман), и как часть теории рынков труда (М. Грановеттер). Мы согласны с постановкой проблемы Р. Ерхарда, А. Крокер и других авторитетных ученых, обращавших внимание на социальные отношения и социальный контекст [5]. Расширительные трактовки человеческого капитала включают социальный капитал, психологические и иные особенности человека, их взаимосвязи с человеческим капиталом в узком смысле слова. В русле междисциплинарной концепции важен широкий корпус работ, в которых показано, как человеческий капитал может взаимодействовать с социальным капиталом [6]. Современные исследователи данного направления опираются на Коулмана [7], в нашей работе такое понимание также является базовым. А. Мозес, развивая идеи Р. Патнэма, Ф. Фукуямы показал, как можно изучать роль человеческого капитала в организации и на рынке труда социологическими методами [8]. Обществоведы на эмпирических данных по всему миру изучают взаимосвязи между различными видами капитала и ресурсов человека [9].

Новизна наших результатов состоит в согласовании различных теоретических представлений о происхождении преимуществ развитого человеческого капитала, его связи с социальным контекстом, особенностями человека и разнообразием пред-

ставлений о капитале человека как таковом. В целях реализации междисциплинарного исследования привлечен концепт Р. Ричарда и Д. Эдварда [10]. Для учета индивидуальных особенностей человека применяется методика, в которой респонденты отвечали на стандартные вопросы тестов, связанные с личностными чертами. Эти характеристики считаются устойчивыми индивидуальными различиями, которые определяют поведение людей в разных социальных ролях и в различных контекстах, развивая возможности оценки развитого человеческого капитала и его успешности (роли, отдачи, устойчивости, консолидации).

Наши эмпирические данные, собранные в период 2020–2022 гг, демонстрируют различные аспекты взаимодействия компонентов человеческого капитала в широком смысле этого слова с социальным контекстом, психологическими особенностями, поведением человека на рынке труда. Различение компонентов человеческого капитала позволяет выделить пути формирования социальной солидарности в таком важном направлении, как социальные отношения на работе.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07131.

Библиографический список

1. Schultz T.W. Investment in human capital. *The American Economic Review*, 1961, 51 (1), 1–17. URL: <https://www.jstor.org/stable/1818907>
2. Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // *Terra Economicus*, 2021, 19 (2), 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27
3. Goldin C., Lawrence F.K. The Incubator of Human Capital: The Nber working paper series (NBER) and the Rise of the Human Capital Paradigm. NBER Working Paper. No. 26909, 2020.
4. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 4.
5. Eckardt R., Crocker A., Chou-Yu T. Clarifying and empirically assessing the concept of human capital resource emergence. *The International Journal of Human Resource Management*, 2021, 32 (20), 279–306.
6. Nahapiet J. A social perspective: Exploring the links between human capital and social capital // *The Oxford Handbook of Human Capital* J.C. Spender, A. Burton-Jones, ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011, 71–95. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199532162.003.0003
7. Кравченко С.А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций // *Коммуникология*. 2020. Т. 8. № 3. С. 15–28. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-15-28
8. Moses A.R. Understanding the relationship of job embeddedness with social and human capital: The importance of organizational identification: Dissertation for the Degree of doctor of philosophy, 2013. URL: <https://rc.library.uta.edu/uta-ir/handle/10106/11535>
9. Slåtten T., Lien G., Horn C.M.F., Pedersen E. The links between psychological capital, social capital, and work-related performance – A study of service sales representatives. *Total Quality Management and Business Excellence*, 2019, 30 (1), 195–209.
10. Richard R.M., Edward D.L. *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. Publisher: The Guilford Press, 2017.

Информация об авторах

Ромашкина Гульнара Фатыховна (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; g.f.romashkina@utmn.ru).

Давыденко Владимир Александрович (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; v.a.davydenko@utmn.ru).

Romashkina G.F., Davydenko V.A.

INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF HUMAN CAPITAL

Abstract. *The article shows an interdisciplinary concept of human capital. In a narrow sense, human capital largely reflects socio-economic aspects, such as labor force participation in the increment of social wealth. In a broad sense, combining the approaches of philosophy, sociology, psychology. The ways of development of the concept are proposed.*

Key words: *Human capital, social, psychological, consolidation, knowledge, skills.*

Information about the authors

Gulnara F. Romashkina (Russia, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen (6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia; g.f.romashkina@utmn.ru).

Vladimir A. Davydenko (Russia, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, (6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russia; v.a.davydenko@utmn.ru).

References

1. Shultz T.V. Investments in human capital. *American Economic Review*, 1961, 51 (1), 1–17. URL: <https://www.jstor.org/stable/1818907>
2. Latov Yu.V., Tikhonova N.E. A new society – a new resource, a new class? (On the 60th anniversary of the theory of human capital). *Terra Economicus*, 2021, 19 (2), 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27
3. Goldin S., Lawrence F.K. Incubator of human capital: A series of Nber (NBER) working papers and the formation of the human capital paradigm. NBER working paper. No. 26909, 2020.
4. Anikin V.A. Human capital: formation of the concept and basic interpretations. *Economic sociology*, 2017, 18 (4).
5. Eckardt R., Crocker A., Chou-Yu T. Clarification and empirical evaluation of the concept of the emergence of human capital resources. *International Journal of Human Resource Management*, 2021, 32 (2), 279–306.
6. Nahapiet J. Social perspective: the study of the links between human capital and social capital. *Oxford Handbook of Human Capital*. J.S. Spender, A.Burton-Jones, ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011, 71–95. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199532162.003.0003
7. Kravchenko S.A. The increasing role of the «digital body» in human capital: changes in the nature of communications, 2020, 8 (3), 15–28. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-15-28

8. Moses A.R. Understanding the relationship of employment with social and human capital: the importance of organizational identification: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy, 2013. URL: <https://rc.library.uta.edu/uta-ir/handle/10106/11535>
9. Slotten T., Lien G., Horn K.M.F., Pedersen E. Connections between psychological capital, social capital and work-related productivity - a study of representatives of the service sales department. *Complete quality management and business excellence*, 2019, 30 (1), 195–209.
10. Richard R.M., Edward D.L. *Theory of self-determination Basic psychological needs for motivation, development and well-being*. Publisher: Guilford Press, 2017.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье проанализированы основные вызовы современному демографическому развитию России и Вологодской области. Показано изменение параметров естественного движения, миграционных перемещений, процессов старения населения. Сформулированы направления развития демографической политики и привлечения к решению проблем системы образования и работодателей.

Ключевые слова: демографическое развитие, рождаемость, старение материнства, смертность, старение, миграция, демографическая политика.

Россия вступила в период глобальных перемен, масштабы которых сравнимы с 1990-ми гг., которые по праву можно отнести к цивилизационным переменам. 9 июня 2022 года встречаясь с молодыми предпринимателями, инженерами, учеными, В.В. Путин подчеркнул, что особенно важно в такие периоды обеспечить суверенитет страны. Среди наиболее важных составляющих суверенитета бесспорно военно-политический, технологический, но не менее важны и экономический, общественный (особенно в плане консолидации), демографический и др.

В поиске путей и инструментов обеспечения суверенитета особое место занимают социальные науки. И несмотря на то, что среди новостей о научных достижениях и открытиях на сто технических приходится одна социальная. Значимость и востребованность общественных наук в вопросах социального развития велика.

Социальные исследования и социологию сегодня важно использовать в практической плоскости. И конечно очень важно повышать социальную грамотность населения и вовлеченность в общественные науки молодых ученых, активных и креативных, тех кому не безразлична судьба своей страны.

Преодоление вызовов общественного развития и решение общенациональных задач невозможно без консолидации общества. Это неоднократно подчеркивают Президент РФ и ведущие российские ученые ФНИСЦ РАН (Горшков Михаил Константинович, Маркин Валерий Васильевич, Узунов Владимир Владимирович, Воронов Виктор Васильевич), исследователи НИУ ВШЭ.

Результаты социологических измерений показывают, что в период с 2011 по 2022 год отмечается рост ощущения единства, солидарности, сплоченности. Доля людей, считающих, что сегодня в стране больше согласия, сплоченности, чем несогласия, разобщенности за это время увеличилась в 2 раза (с 15 до 31%). Следует отметить, что наиболее ярко согласие и сплоченность отмечаются на уровне места проживания, в то время как на уровне региона и страны консолидация заметно ниже.

Сегодня как никогда раньше, человек становится решающим фактором развития экономики и безопасности страны. Важны как количество, так и качество населения. Поэтому особую актуальность для обеспечения суверенитета страны имеют демографические вызовы, и в первую очередь депопуляция и изменение картины расселения.

С 1990 г. Россия потеряла около 4 миллионов человек как за счет естественной убыли, так и за счет миграционного оттока. Высокая смертность, в том числе обусловленная влиянием пандемии и рождаемость ниже уровня простого воспроизводства вновь привели к так называемому «русскому кресту». В отношении сокращения

преждевременной смертности требуется активное продолжение политики поддержки здравоохранения. Усиления не только высокотехнологичной помощи, но и профилактического звена и формирование активного самосохранительного поведения населения.

А для обеспечения режима простого воспроизводства необходимо достижение суммарного коэффициента рождаемости не ниже 2,2 промилле. На 2020 г. он составлял 1,5 промилле (рис.).

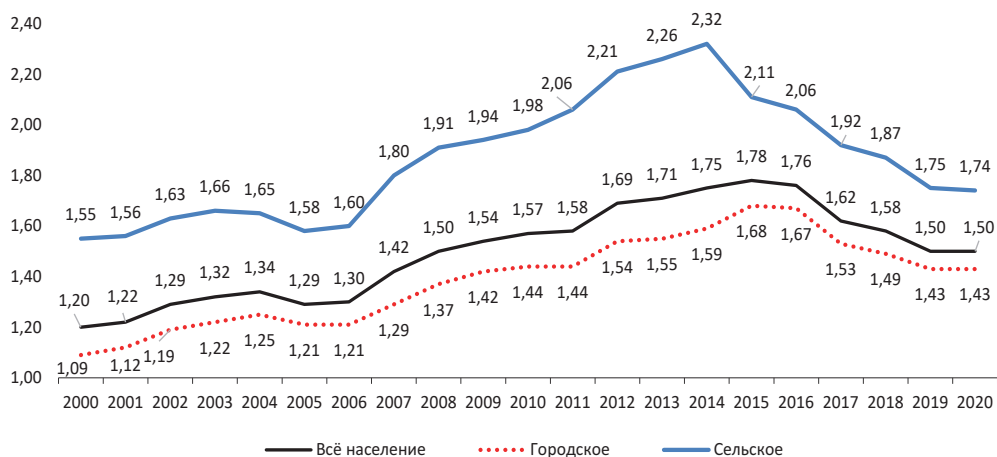

Рис. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России, число детей на одну женщину репродуктивного возраста

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система // Фед. служба гос. статистики. URL: <https://fedstat.ru>

Поиск инструментов повышения рождаемости – важная задача демографии. Одним из препятствий повышения рождаемости является «старения» материнства. Существенное снижение рождаемости произошло среди женщин молодых возрастов – до 20 лет (более чем на 60%) и 20–24 года (более чем на 30%). В то же время отмечается повышение интенсивности рождений в старших возрастах.

Средний возраст матери при рождении 1 ребенка в России увеличился к 2020 году до 29 лет. Демографические риски «старения» материнства были бы не столь высоки, если бы население имело устойчивые среднететные ориентации. Однако данные исследований, в том числе в Вологодской области [1], показывают, что стабильно преобладают малодетные репродуктивные установки.

Исследования показывают, что сельские жители в большей степени ориентированы на семью и детей [5]. Они оказались более отзывчивыми и к мерам, демографической политики последних лет. Вероятно, это обусловлено тем, что для сельской местности меры поддержки семей с детьми, в частности, материнский капитал и увеличенные пособия по уходу за детьми имели более высокую значимость. Среди детерминант малодетности сельская молодежь чаще отмечает низкие доходы, плохие жилищные условия, при этом они реже видят в детях помеху карьере.

В то же время центростремительная миграция и урбанизационные процессы привели к тому, что в мегаполисах проживает больше трети россиян. Одновременно стремительно сокращается освоенное сельское пространство. Особенно ярко процессы центростремительной миграции происходят в регионах центральной России

и Северо-Запада. Вологодская область входит в число территорий с быстрым сокращением жителей села и малых городов. Численность сельского населения региона за период с 2000 по 2020 год сократилась на 22%. Вклад убыли жителей сельских территорий в общее снижение численности населения региона составил 64%.

Это ведет не только к снижению связанности экономического пространства, но и отражается на сохранении традиций, культуры, лежащих в основе социальной консолидации. Трансляция традиционных ценностей (в том числе семейных, репродуктивных установок) в большей степени присуща жителям сельской местности. При переезде традиции переносятся в города только частично (т.к. увязаны с бытом и организацией сельской жизни). Поэтому часть переехавших как правило «теряет корни», уверенное понимание жизненного уклада, иерархии ценностей. Опрос «Демографическое самочувствие регионов России», проведенный в 2020–2021 гг. на территории 10 регионов страны, при участии ФГБУН ВолНЦ РАН показал, что вообще какие-либо семейные традиции есть только у трети россиян [3].

Весомый вклад в обострение демографической ситуации вносит еще один глобальный тренд – трансформация возрастной структуры населения – демографическое старение. Доля пожилых людей с середины прошлого века выросла вдвое. В ситуации, когда каждый пятый житель страны старше 60 лет естественно изменяются облик общества, требования к организации жизненного пространства и труда. Существенно меняются межпоколенческие взаимодействия. В России старение происходит не только и не столько за счет увеличения продолжительности жизни, но и за счет низкой рождаемости. Это ведет к сокращению численности молодежных когорт, наиболее активных и обладающих креативным мышлением и демографическим потенциалом.

Перечисленные проблемы не остаются незамеченными и в последние годы предпринимаются весомые меры по преодолению демографического кризиса. Россия в поиске пути, о чем говорят поправки в конституции, касающиеся семьи. И заявление В.В. Путина на съезде политической партии «Единая Россия» о национальной идее России. По его мнению, образом будущего страны должна стать крепкая семья с большим количеством детей. Поэтому видится важным повышение семейных ценностей, и прежде всего внимание следует обратить к молодым благополучным семьям, обладающим большим демографическим потенциалом. Необходимо широкое распространение демографических знаний, этому будет способствовать расширение демографического образования [2]; разработка и внедрение корпоративной демографической политики и более активное подключение работодателей к решению демографических проблем [4]. Задача социологии в этой ситуации видится в выявлении и анализе семейных практик и ценностей, которые обеспечивают позитивное изменение и уменьшают вероятности рисков.

Санкционные ограничения запустили процесс масштабной структурной перестройки российской экономики, который может растянуться на трехлетний прогнозный период и даже за его пределы. Это требует активной работы не только реального сектора экономики, но и экономической науки. Пришло время активной государственной экономической политики по развитию межрегиональных ЦДС в национальной экономике (а также в «зоне доверия», в первую очередь ЕАЭС).

Во-первых, ее реализация поспособствует развитию производства конечной продукции, расширит внутренний спрос на науку и отечественные технологии. Во-вторых, она окажет положительное влияние на доходность предприятий, входящих в

ЦДС. В-третьих, такая политика выступит драйвером регионального развития, создаст точки роста, высокооплачиваемые рабочие места, снизит стимулы для оттока населения с периферии.

В заключении отмечу, что важной задачей научного сообщества нам представляется популяризация результатов исследований не только в профессиональной среде, но и в молодежной аудитории, и донесение их до представителей власти, до широких слоев населения.

Поэтому Вологодский научный центр кроме научных журналов регулярно выпускает бюллетени, освещающие результаты исследований, тесно взаимодействует со средствами массовой информации, работает с молодежью в том числе и в рамках школы молодых исследователей.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 5. С. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12
2. Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей / Т.К. Ростовская [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 55–72.
3. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад – 2022 / Т.К. Ростовская [и др.]. Москва, 2022. 220 с.
4. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса / Т.К. Ростовская [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 151–164.
5. Постсоветские трансформации и перспективы развития сельских территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 334 с.

Информация об авторах

Шабунова Александра Анатольевна (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д.56а; aas@volnc.ru).

Калачикова Ольга Николаевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, зам. директора, зав. отделом, Вологодский научный центр РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д.56а; onk82@yandex.ru).

Shabunova A.A., Kalachikova O.N.

MODERN DEMOGRAPHIC CHALLENGES OF RUSSIA

Abstract. *The article analyzes the main challenges to the modern demographic development of Russia and the Vologda Oblast. Changes in the parameters of natural movement, migratory movements, and population aging processes are shown. The directions for the development of demographic policy are formulated, and the involvement of the education system and employers in solving problems.*

Key words: *demographic development, fertility, motherhood aging, mortality, aging, migration, demographic policy.*

References

1. Arkhangelsky V.N., Kalachikova O.N. Mother's age at the birth of the first child: dynamics, regional differences, determination // Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2020, 5, 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12
2. Rostovskaya T.K. [et al.]. Demographic education in modern Russia: contradictions of needs and opportunities. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2022, 15 (2), 55–72.
3. Rostovskaya T.K. [et al.]. Demographic well-being of Russian regions. national demographic report – 2022. Moscow, 2022.
4. Rostovskaya T.K. [et al.]. The concept of corporate demographic policy of Russian organizations in the context of business social responsibility. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2021, 14 (5), 151–164.
5. Uskova T.V. [et al.]. Post-Soviet transformations and prospects for the development of rural areas: monograph. Vologda: VolNTs RAN, 2021.

Information about the authors

Alexandra A. Shabunova (Russia, Vologda) – Doctor of Economics, Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky St., 56a; aas@volnc.ru).

Olga N. Kalachikova (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, deputy director, chief department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky St., 56a; onk82@yandex.ru).

Научное издание

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием I Лапинские чтения
(г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.)

Электронное издание

Редакционная подготовка В.М. Кузнецова

Оригинал-макет В.В. Ригина

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 30.05.2023. Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 22,14.

Заказ № 24

Электронный текст. дан. (2,21 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-573-0

9 785932 995730